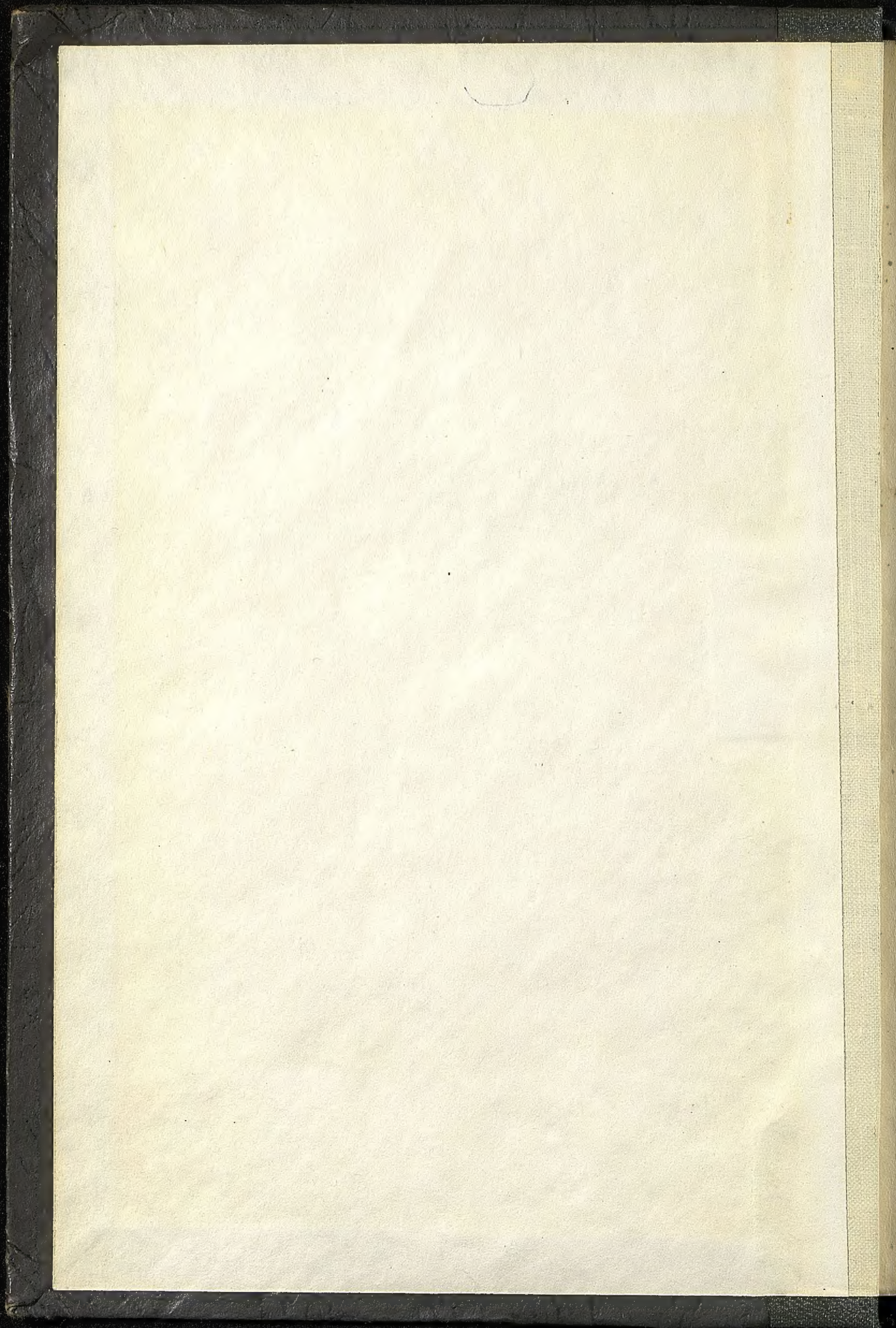

АГРАРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
АГРАРНАЯ СЕКЦИЯ

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. П. МИЛЮТИНА

1 9 2 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
Мосполиграф
Москва, Малая Грузинская ул.,
Столярный пер., д. 5-7.

Главлит № 96712. ИКА № 102. Тираж 5.000 экз.

В. П. МИЛЮТИН

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

МОСКВА 1928

Основными причинами и предпосылками революционного состояния России перед 1917 годом являлись:

Во-первых, развитие экономических противоречий предшествовавшего периода и на этой базе развитие социальных противоречий и политической борьбы рабочего класса в городе, крестьянства—в деревне.

Во-вторых, обострение и углубление классовых противоречий и сильнейшее ухудшение экономического положения, вследствие империалистической войны, характерное как для всего капиталистического мира, так особенно сильно сказавшееся в тех странах, где эти противоречия достигли наибольшей силы в предшествовавший период.

В-третьих, существование суб'ективных условий революции в виде революционного движения и революционных организаций рабочих и крестьян и организующей революционной роли партии большевиков.

Катастрофическое ухудшение экономического положения страны в 1917 г. политическое банкротство самодержавия привело к массовым взрывам революционного движения в стране и в армии, результатом чего явилось падение самодержавия.

Экономическое развитие России уже к 1913 году начало проявлять, несмотря на предшествовавший значительный экономический под'ем, симптомы надвигавшегося кризиса. В этом отношении экономическое положение России явилось одним из звеньев общего депрессивного развития главнейших капиталистических стран Запада. В конце 1912 года на мировом денежном рынке мы наблюдаем крайне тяжелое положение. В России наблюдалось аналогичное положение, и конец 1913 года проходил при тяжелом положении с денежными средствами. На товарном рынке наблюдались типичное для приближения экономического кризиса перепроизводство товаров и задержка в сбыте. Вместе с этим революционное движение рабочего класса в 1911—1912—1913 годах показало необычайный размах. Забастовочное движение достигло по количеству забастовок и по количеству участников в забастовках цифр революции 1905 года. Экономическая борьба пролетариата переходила в форму открытой политической борьбы. Создавалась определенная революционная ситуация. В таких условиях прозвучал первый выстрел начавшейся мировой империалистской войны. Через два с половиной года вспыхнула революция.

Буржуазия и ее идеологи не понимали и не понимают до сих пор причин Февральской революции. Правда, в 1913 году некоторые из них понимали, что надвигается мировой экономический кризис (например, Туган-Барановский, Бернацкий и др.) и понимали, что он неизбежно тяжело скажется на экономическом развитии России. Но они совершенно не понимали значения и роли мировой войны и того положения, в которое неизбежно

в силу своей экономической отсталости, в силу своей варварской политической организации должна была стать Россия. Русская буржуазия «просчиталась» на мировой войне. Положим, как известно, просчиталась не только она, но и европейская буржуазия, попавшая после мировой войны в подчиненное положение в отношении Америки, потерявшая свое первенство на мировом рынке, растерявшая производство и получившая ряд революционных взрывов, которые хотя и не привели и не установили диктатуры пролетариата, но основательно все же поколебали господство буржуазии. Созданы условия для дальнейшего развития и победы социальной революции. Русская буржуазия и ее идеологи видели в отсталости России гарантию для длительного выдерживания лишений, связанных с войной, совершенно не учитывая, что именно эта отсталость приведет (и привела) к скорейшему истощению страны, а следовательно, и к неизбежному обострению классовых противоречий.

Профессор Мигулин П. П. и целый ряд других ученых профессоров писали, что именно преимущественно аграрный характер страны, ее техническая отсталость дадут возможность более легко переносить лишения, связанные с войной, и не могут привести к тем последствиям, какие неизбежны для развития капиталистических стран, где централизация и концентрация экономической деятельности, развитая техника и в области рыночных, и в области денежных, и в области производственных отношений неизбежно будут сломлены легко военным натиском. Наоборот, разобщенность наших районов, натуральный характер нашего сельского хозяйства должны были, по мнению этих патриотов-экономистов, предохранить Россию от тех бед, которые неизбежно связаны с развертыванием войны и с параличом хозяйства. Но уже ближайшие годы войны показали, насколько ошибочны и насколько неверны были эти расчеты. Временный военный расцвет промышленности и вообще экономической жизни страны сменился глубоким экономическим кризисом, который поставил на грань катастрофы всю страну.

До начала 1916 года в общем наблюдался значительный под'ем производства, который шел главным образом за счет работы на армию, на войну, что приводило к бешеному росту предпринимательских прибылей. Военные траты быстро поднялись с 20 млн. рублей в день в начале войны до 50 млн. рублей в день в 1916 году. Значительная часть этих средств попадала в карман предпринимателя и вообще людей, наживавшихся на поставках для войны. По данным «Торгово-промышленной газеты», процент прибылей составлял 30—50—60% в отношении основного капитала. На целом же ряде текстильных предприятий эта прибыль достигла колоссальных размеров в 80, в 100 и даже свыше 200% для предприятий, не обязанных публичной отчетностью. Министерство финансов опубликовало общую сумму прибыли в 1916 году на 69% больше, чем в 1915 году. Военный ажиотаж в области экономики разлился широкой волной, и новые предприятия росли, как грибы. В течение каждого месяца возникало несколько десятков новых предприятий. Во второй половине 1915 года число вновь возникших предприятий увеличилось на 100% по сравнению с первой половиной 1915 года. Этот рост продолжался и в 1916 году, когда за первое полугодие возникло 272 новых предприятия, превысив значительно цифру первого полугодия 1913 года и всех последующих полугодий. Но это разбухание в силу военных условий, экономический ажиотаж неизбежно должны были быстро истощить экономические силы страны, и экономическая ката-

строфа была неизбежна. И действительно, в 1917 году она разразилась в полной мере. Финансовое банкротство самодержавия, падения рубля, перекачка материальных средств на войну, дороговизна, недостаток продовольствия, содержание колоссальной армии, достигнувшей почти 15 миллионов человек,—все это истощило народно-хозяйственную жизнь и привело к экономическому банкротству. Предприятия стали лопаться, производство стало падать, безработица неудержимо росла. Приостановилось не только дальнейшее развитие экономической жизни, но она стремительно пошла по наклонной вниз. Производство железа, стали, добыча каменного угля и т. п. начало быстро падать. Дороговизна росла, продовольствие сокращалось.

На этой почве неизбежно было жестокое обострение классовых противоречий, и придавленное военными условиями революционное движение неизбежно должно было вспыхнуть с новой стихийной всесокрушающей силой. Экономическое положение страны было доведено до крайности движением, связанным с войной. Политическое банкротство самодержавного правительства, поражение на фронтах дополнили и усугубили общее положение. Результатом этого неизбежно был революционный взрыв, и Февральская революция, свергшая самодержавие, явилась выразителем всего этого процесса.

В своих «Письмах издалека» Ленин говорит о Февральской революции: «Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция».

Вторым основным условием Ленин указывает империалистическую войну. «Империалистическая война с об'ективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами». Свергая самодержавие, буржуазия восприняла это свержение самодержавия как факт и не особенно для себя приятный. Вожди и идеологи буржуазии, Милюков, Родзянко и другие, точно так же, как и руководящие круги промышленников, до последней минуты ставили ставку на конституционную монархию. Ленин писал: «царская монархия разбита, но не добита», но именно *поэтому буржуазия, очутившись после Февральской революции у власти, сразу же оказалась банкротом в отношении тех задач, какие ставили ей об'ективное состояние страны и революционное движение рабочих и крестьян.* Вопросы мира, вопросы хлеба, вопросы свободы не могли быть разрешены буржуазным и мелкобуржуазным правительством. Буржуазия сразу же после революции старалась показать, что она с еще большим усердием будет выполнять указания и служить интересам буржуазии империалистических держав Франции и Англии, и с особым усердием она полагала продолжать кампанию, участвуя в империалистской войне. П. Н. Милюков в своей книге «Россия на переломе» (т. I, стр. 39) говорит о Февральской революции: «Это был плод порыва всех частей наций и всех политических групп, включая и консервативные, к освобождению от устаревших политических форм, мешавших об'единить все нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага». Нужно быть совершенно слепым к

процессам революционного движения 1917 года, чтобы так квалифицировать содержание Февральской революции. Нужно быть слепым и непонимающим, чтобы не видеть одной из движущих причин Февральской революции: стремление трудящихся масс повернуть Россию с пути войны на мирный путь. За это непонимание буржуазии пришлось расплачиваться. «Война до победного конца в теснейшем единении с союзниками—так формулировало,—продолжает Милюков,—одну из основных задач революции Временное правительство в своем обращении к гражданам 6 марта. Именно эта цель об'единяла вокруг революции консервативные группы общественного мнения с либеральной государственной думой, с главнокомандующими армиями на всех фронтах». Иными словами, в этом основном и кардинальном вопросе для всего существования и развития России, в этой одной из основных причин, приведших к Февральской революции, буржуазия становилась против исторического развития не только не понимая его, но, в сущности говоря, полагая продолжать политику самодержавия, только, по ее мнению, более умело. Дело стояло, однако, не в умелости продолжения этой политики, а в коренном ее изменении. Рабочий класс и крестьянство восстали против войны, и неизбежно те, кто стремился продолжать войну, должны были решительно выступить против рабоче-крестьянских масс. Именно на этот путь стало буржуазное правительство. Вместе с этим вопросы экономического развития и прежде всего вопросы продовольствия точно так же повелительно ставили задачей изменение экономической политики в сторону обслуживания интересов трудящихся масс и тем самым против интересов помещиков и капиталистов. И опять-таки буржуазное правительство не способно было и не могло исторически выполнить эту задачу. Вся экономическая программа буржуазного правительства по существу сводилась только к некоторым паллиативам, а на самом деле и продовольственный вопрос и производственные задачи оставались совершенно не разрешенными [1].

Аналогичную экономическую политику ведут представители «торговли и промышленности» и в министерстве. Тактика саботажа государственной власти и всякой работы, клонящейся к урегулированию производства, а также упорное противодействие самочинным организациям, до известной степени упорядочивавшим хозяйственную жизнь, на практике не могла не привести к еще большей разрухе. Ни одной серьезной реформы ни в области общественного, ни в области государственного хозяйства сделано не было.

Продолжение войны, хронический кризис власти, вытекающий из соглашательской политики мелкобуржуазных партий, и страх буржуазии перед возрастающим натиском пролетариата делают невозможным даже милитаристскую, государственно-капиталистическую организацию хозяйства, закрепощающую рабочий класс империалистскому государству.

Мелкая буржуазия и ее идеологи в лице эсеров и меньшевиков также не поняли смысла и содержания революционного движения 1917 года. Они поплелись в хвосте буржуазии, их соглашательская политика стояла в полном

[1] VI с'езд партии в августе 1917 года констатирует в своей резолюции об экономическом положении, что „с каждым днем все обостряющийся кризис усиливается политикой буржуазии, которая, боясь потерять вместе с политической властью и власть над организованным производством, не только не организует его, но ведет политику саботажа, прибегая к скрытым локаутам, остановке производства и т. д., сознательно способствуя экономическому хаосу в целях использования его для дела контрреволюции.

противоречии с революционными требованиями рабочих и крестьянских масс. К Февральской революции они подошли только, как к политическому акту: свержение самодержавия и установление политических свобод, но они не понимали социального содержания революционной борьбы за мир, борьбы за землю, борьбы против капитализма, т.-е. не понимали всего того, что составляло содержание самой сущности революционного движения. Выразителем мелкой буржуазии явилась типичная, шатающаяся интеллигенция, для которых либеральная программа по существу являлась последним словом политической мудрости. Это были болтуны, не способные на действия и не понимавшие тех событий, которые свершались перед ними. Керенский действительно мог явиться вождем и выразителем этих групп. Очутившись у власти, они в силу этой своей линии неизбежно также становились контрреволюционными. Поэтому министр земледелия Чернов выступал против захвата земли крестьянами, поэтому Керенский горячо призывал к войне до победного конца и одновременно грозил разгромом рабочих организаций, поэтому партии меньшевиков и эсеров проводили линию придушения революционного движения и всемерно проводили политику соглашательства.

Результаты должны были явиться вполне определенные. Силы, ставшие против исторического развития, должны были быть сметены этим историческим развитием: революционным движением рабочих и крестьянских масс. В результате неизбежно было развитие дальнейшей революционной борьбы. В городе мы видим такую картину. Промышленность в 1917 году снизила свою выработку на 37% по сравнению с предыдущими годами (в 1916 г. 6,8 миллиарда довоенных рублей, в 1917 году 4,3 миллиарда руб.), транспорт испытывал колоссальное растройство. Недогруз в 1917 году равнялся около миллиарда пудов. В своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал: «Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук при достаточном количестве хлеба и сырья, и в такой стране, в такую критическую минуту выросла массовая безработица... Мы приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и трудность всех сторон народной жизни все усиливается».

Заработная плата рабочих стремительно падает и в довоенных рублях с 25 рублей в 1913 году в месяц падает до 20 рублей в 1917 году. Результатом этого неизбежно должно было быть нарастание революционного движения.

Партия большевиков из месяца в месяц крепнет и усиливается, ее лозунги являются организующими лозунгами для рабочих и крестьянских масс. Соотношение сил явно переходит на сторону большевистской партии. Несмотря на продолжающиеся военные усилия, несмотря на выступления правительства и господствующих в то время партий меньшевиков и эсеров против большевиков, мы видим, однако, с одной стороны, явный рост революционного движения в городе и в деревне и непрерывное усиление влияния на массы большевиков и укрепление партии большевиков. В организационном отношении партия большевиков с апреля 1917 года по август 1917 года выросла в несколько раз (с 40 до 200 тысяч человек). К моменту Октябрьской революции большинство советов было в руках партии большевиков. В армии также был явный перелом в сторону большевиков. В на-

стоящем сборнике мы имеем крайне интересные цифровые данные относительно движения крестьян в течение 1917 года. Эти данные показывают, как, вопреки всей политике соглашательских партий, вопреки мероприятиям, принятым Временным правительством против революционного движения крестьянства, тем не менее крестьянские массы стихийно выступают против помещиков, захватывают землю и выражают определенное явное недовольство политикой Временного правительства и соглашательских партий. В настоящее время даже для наших противников становится ясным, что Октябрьская революция являлась закономерным, логически неизбежным выходом из создавшегося в 1917 г. положения. Правда, как Февральской революции, так и Октябрьской революции, идеологи буржуазии и мелкой буржуазии совершенно не поняли и склонны были рассматривать переход власти в руки советов исключительно, как временный эпизод. Но именно существование организующих сил большевистской партии в тех условиях, которые создались перед и после Октябрьской революции, обеспечивало не только победу рабочих и крестьян, но обеспечивало и действительное разрешение ставших перед революцией задач и переход с пути буржуазного развития России на путь социалистического строительства. Решительный отказ от империалистской войны, решительная ликвидация помещичьего землевладения и национализация земли, проведение национализации фабрик, заводов, транспорта, банков и т. п., укрепление советской власти—все это являлось основанием для развития по совершенно новому пути. Преимущество большевиков перед буржуазными и мелкобуржуазными партиями заключалось не только в большей организованности и сплоченности, не только в большей решительности к революционным действиям, но и в том, что она имела теорию ленинизма и имела вождем Ленина. Ленинизм—это теория диктатуры пролетариата, в отношении к России—это теория диктатуры пролетариата в стране с преобладанием крестьянства. Поэтому вопросы соотношения сил получали особое значение. Партии большевиков на практике и на деле удалось осуществить союз рабочих и крестьян для разгрома буржуазного строя и для установления диктатуры пролетариата. И в этом деле революция в городе шла рука об руку с революцией в деревне. В этой революционной борьбе был учтен опыт всех предшествовавших революций. И только в результате сочетания всех этих данных явилась возможность победоносного завершения Октябрьской революции.

Аграрная революция в России заключалась прежде всего в ликвидации помещичьего строя, в национализации земли. Все предшествовавшее экономическое развитие в России выдвинуло на одно из первых мест проблему о земле. Громадное преобладание сельскохозяйственного населения, мало обеспеченного землей, стеснение экономического развития деревни благодаря остаткам феодальных крепостнических отношений на ряду с политикой бесправия, повелительно ставили вопрос о свержении помещичьего строя. Владение землей являлось той материальной базой, которая вела к созданию взаимоотношений между крестьянством и помещиками и внутри самого крестьянства. Почти четыреста миллионов рублей помимо всякого рода налогов крестьянство платило помещикам в качестве арендной платы за землю. Преобладающей формой аренды земли была именно крестьянская аренда. По данным Центрального статистического комитета для 50 губерний Европейской России аренда в 1881 г. равнялась 11 миллионам десятин, а в 1901 г., 1902 г. эта аренда уже определялась в 19 млн. десятин. Нужно при этом заметить, что

эти цифры являются несомненно преуменьшенными. Последние данные подсчетов земских материалов дают возможность определить общий размер арендного фонда в 50 губерниях Европейской России в 27,4 млн. дес., что составляет 20% по отношению к надельной земле и 60% частновладельческой. Для громадного большинства крестьян, говорил т. Ленин, аренда есть кабала [1].

Малоземелье гнало крестьянство не только к заключению кабальных отношений с помещиками на предмет аренды земли, но и к поискам новых земель в незаселенных местах. Около полумиллиона крестьянских семейств ежегодно переселялось в другие места, главным образом, в Сибирь. Как известно, примерно 40% крестьянских дворов принадлежало беднейшему крестьянству. Несколько свыше 50%—середняцкому крестьянству. Около 4% было беспосевных крестьян, и процент не имеющих рабочего скота равнялся 30—35%. На ряду с этим крестьянство видело помещичьи хозяйства, которые стремились всячески использовать бедственное положение крестьянских масс и эксплоатировать их труд. Единственным выходом для разрешения земельного вопроса для крестьянства являлся вопрос ликвидации помещичьего землевладения.

«Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну— на отсталость во всех областях жизни.

Крестьянское землевладение в России как надельное (общинное и подворное), так и частное (арендованное и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек окутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, черезполосицей и т. д. и т. д. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства — составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации всех земель в государстве» [2].

Борьба за землю проникала все выступления крестьянства. Революция 1905 года не разрешила этого вопроса. Февральская революция точно так же поставила этот вопрос, но, благодаря власти буржуазии и соглашательству мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, этот вопрос, как мы уже говорили выше, не был разрешен, только Октябрьская революция привела к разрешению вопроса. Помещичьи землевладения были ликвидированы и была проведена национализация земли. Национализация земли означала прежде всего ликвидацию материальных основ помещичьего строя. Переход помещичьих, церковных и вообще частных земель к крестьянству неизбежно привел к ликвидации тех отношений, которые выросли на почве помещичьего землевладения. Национализация земли несомненно могла бы быть проведена

[1] См. статьи: Н. Карышев.—„Крестьянская надельная аренда в 1892 г.“. А. Л. Вайнштейн.—„Обложение и платеж крестьянства в довоенное и революционное время. Москва. 1924 г. „Экономист“ и Б. С. Э. „Аренда земли“ ст. Л. Зимана.

[2] Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Резолюция по аграрному вопросу.

и не в условиях советского строя, но в этом случае она бы означала по существу развязывание развития деревни по капиталистическому пути, она бы означала свободу классовой борьбы в деревне. Но именно то обстоятельство, что в России национализация земли была проведена в условиях диктатуры пролетариата, в условиях советского строя, этим самым национализация земли являлась материальной базой для развития сельского хозяйства по социалистическому пути. Вопросы землеустройства и землепользования на основе национализации земли в условиях диктатуры пролетариата получают несомненно новое значение. Является возможность регулирования развития земельных форм и возможность сознательно организованной борьбы против эксплоататорских кулаческих элементов в деревне. За ликвидацию помещичьего строя взялось все крестьянство, и, как мы выше говорили, содержание аграрной революции именно заключалось в свержении помещичьего строя и тех отношений, которые выросли на основании помещичьего землевладения. Но первые годы после Октябрьского переворота, после ликвидации помещичьего строя повели к жестокой внутренней борьбе среди крестьянства. В этом отношении одним из основных лозунгов партии коммунистов являлся лозунг смычки, союза пролетариата и крестьянства. Этот союз означал союз бедняцкой и середняцкой массы крестьянства с рабочим классом. Этот союз означал борьбу против кулака и его эксплоататорских стремлений в деревне.

Эпоха гражданской войны привела к специальным организациям бедняцких масс (комитеты бедноты), которые вели ожесточенную борьбу против кулацких частей деревни. Сплошь и рядом эта борьба выливалась даже в вооруженную форму. В настоящих условиях этот же союз бедняцких и середняцких масс с пролетариатом означает направление развития сельского хозяйства и вообще общественных отношений в деревне по пути социалистического развития через кооперацию, через организацию новых коллективных форм хозяйства. Материальной базой для этого является национализация земли.

Таким образом, аграрная революция с утверждением диктатуры пролетариата означает и революию не только в области земельных отношений, но и революцию в области вообще сельскохозяйственных форм и в области вообще экономических и социальных отношений в деревне. Трудность аграрной революции заключалась в экономической, культурной и организационной отсталости крестьянства. Только целый ряд благоприятных условий, т.-е. руководство рабочего класса революцией в городе и деревне, участие армии в революции, армия, насчитывавшая почти 15 млн. человек, большинство из которых были крестьяне, переодетые в солдатские шинели, и те об'ективные условия, в которых находилась страна, на которые мы выше указали, дал возможность победы аграрной революции. Но трудности, которые, как мы говорим, заключаются в экономической и культурной организационной отсталости крестьянства, существуют и в настоящее время, Благодаря этому движение сельского хозяйства по пути социалистического развития, по организации новых коллективных форм сельского хозяйства, по внедрению новой техники в сельское хозяйство является крайне затрудненным. Это путь лишь медленного упорного развития, когда каждый шаг должен и будет проверяться практикой миллионов крестьянских хозяйств. Развитие деревни идет и по социалистическому пути и в известных частях по капиталистическому пути. Наша задача заключается в том, чтобы всемерно усиливать социалистические формы развития. Но это укрепление социалистических форм развития должно свершаться именно с помощью миллионов

крестьянства. Задачи социалистического строительства в деревне могут быть разрешены лишь путем постепенного втягивания в это строительство самого крестьянства.

Поэтому аграрная революция означает и техническую и организационную революцию в деревне. В первое десятилетие советской власти мы имеем определенные успехи в этом направлении. Кооперативные формы самых различных видов являются сейчас серьезнейшей силой в деле организации экономического развития в деревне. Мы имеем до 30% кооперированных крестьянских дворов, но это количественное выражение кооперированности крестьянства, конечно, не выражает собою значения и удельного веса кооперации вообще. Достаточно сказать, что в области снабжения деревни потребительская кооперация стоит на первом месте, в области организации сбыта деревни по целому ряду отраслей сельского хозяйства: маслоделию, табаководству, свекле и пр.—кооперация занимает почти монопольное положение. По хлебу она заготовляет примерно около 30%.

Для ближайшего периода выдвигается задача дальнейшего кооперирования крестьянских хозяйств.

В области техники мы точно так же видим сдвиг в области сельского хозяйства. Именно в крестьянское хозяйство проникает усовершенствованная сельскохозяйственная машина, которая раньше была исключительно привилегией только помещичьих хозяйств. Тракторы, количество которых сейчас в стране около 30 000, впервые проникли в сельское хозяйство после Октябрьской революции. Сельскохозяйственная электрификация, хотя и слабо еще развита, точно так же все же получила определенное значение после Октябрьской революции. Но во всех этих шагах в деле изменения сельскохозяйственной техники приходится видеть лишь первоначальные шаги. В ближайшие годы второго десятилетия важнейшим вопросом явится крутое изменение в сельскохозяйственной технике, которая в свою очередь несомненно будет вести к необходимости более усиленного развития новых коллективных норм сельского хозяйства.

Таким образом аграрная революция, являвшаяся неразрывной частью общей революции, свершившейся в России и приведшей к свержению буржуазного строя, приводит и к созданию новых форм экономической и общественной жизни в деревне.

П. И. ЛЯЩЕНКО

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ 1917 ГОДА

МОСКВА 1928

I. ПРЕДВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ВОЕННЫЙ КРИЗИС ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПРЕДВОЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Как известно, развитие народного хозяйства дореволюционной России, начиная с ранних этапов его, еще в рамках и условиях крепостного хозяйства, и кончая наиболее развитыми его формами финансового капитализма в предвоенные годы, отличалось прежде всего двумя особенностями. С одной стороны, оно весьма быстро проходило все этапы капитализма, быстро и интенсивно усваивая все его характерные внешние черты и формы. С другой стороны, не менее важной чертой русского капиталистического развития являлось то обстоятельство, что на всем протяжении оно протекало при наличии чрезвычайно сильных влияний другой, противодействующей и отсталой социально-экономической среды и пережитков крепостнической системы.

Скорость прохождения русским капитализмом всех этапов капиталистического развития и усвоения высших его внешних форм зависела в значительной мере и прежде всего от того, что Россия наиболее поздно, сравнительно с другими западно-европейскими странами, вступила на путь капиталистического развития и проходила его под сильнейшим воздействием передовых капиталистических стран. Все основные моменты и вехи капитализма— концентрация и централизация промышленности и промышленного капитала, усовершенствование техники, акционирование, развитие банков и монополистических организаций капитала — все это, если даже наступало у нас с некоторым запозданием, то усваивалось сразу и быстро, часто непосредственным перенесением этих форм, организаций и отношений из западно-европейского капитализма. Темп и интенсивность нашего капиталистического развития в годы его под'ема поэтому часто превосходили темп развития западно-европейских стран.

И однако это еще не приводило к созданию действительно прочной передовой промышленно-капиталистической системы. Наоборот, капиталистическое развитие России осложнялось теми продолжительными историческими пережитками общественно-экономического строя, которые эпоха капитализма унаследовала от эпохи докапиталистической. Слабое развитие городского ремесла, не давшее у нас тех прочных экономических и технических предпосылок для промышленного капитализма, как это было в Западной Европе, и, наоборот, чрезвычайно широкое и продолжительное влияние торгового капитала и связанная с ним крепостная система хозяйства — были теми причинами, которые обусловили «особенности» русского капитализма не только на первых этапах его исторического развития, но и в позднейших и в более законченных его формах.

Эти две характернейшие черты русской дореволюционной экономики донесены были вплоть до мировой войны и революции, обусловив как военно-политическое положение и судьбы царской России в столкновении мировых капиталистических стран, так и социально-экономические основы и формы последующей за войной революции.

Если уже в эпоху создания и расцвета «национальной системы» русского капитализма, в 1890-е годы, благодаря экономической и технической отсталости, слабости накопления и проч., наше капиталистическое развитие в значительной доле шло на почве перенесения иностранного капитала и закрепления зависимости от него, то связанность и зависимость русской капиталистической системы еще более усиливается в эпоху финансового монополистического капитализма 1900-х годов.

Те особенности русского капитализма, в виде его общей экономической отсталости, которые налагали отпечаток на его ход развития и на его судьбы в предшествующие этапы, в эпоху финансового капитализма должны были сказаться еще более чувствительно. Если недостаточность туземного накопления промышленного капитала должна была обусловить значительную степень участия иностранного капитала в обосновании и в развитии русского промышленного капитализма, то создание финансово-капиталистических монополий в русских условиях должно было неизбежно привести к усилению связей и зависимости капиталистической России с мировым финансовым капиталом. Уже после кризиса и депрессии 1900—1908 гг. для переоборудования и реорганизации промышленности и тем более для осуществления ее дальнейших монополистических тенденций, в русском народном хозяйстве не было накоплено «национального» банкового финансового капитала достаточных размеров и мощности. Наоборот, наша банковая система представляла в значительной своей части филиал западных национальных финансовых систем— французской, английской, немецкой. Это предрешало зависимый, несамостоятельный характер той системы финансово-монополистического капитализма, которая стала слагаться в России в первое десятилетие XX в. Это же предрешало и ту военную комбинацию систем западного финансового капитализма, в которой царская Россия неизбежно принуждена была участвовать. Но это же обстоятельство и предрешало ее крушение в последующем военном развитии монополистического капитализма.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ» ВОЕННОГО ПЕРИОДА

Мировая война особенно ясно вскрыла во всех странах тенденцию к перерождению довоенного финансово-монополистического капитализма в «военно-государственный капитализм», в котором монополистическое экономическое господство финансовой олигархии открыто сливалось с «государственным» регулированием экономической, промышленной, сельскохозяйственной и финансовой жизни страны. По своей экономической сущности все это представляло не что иное, как полное овладение финансово-монополистической олигархией аппаратом государства — в первую очередь, военным аппаратом для военной борьбы и защиты своих интересов и возможности дальнейшей экспансии.

Мировая война вместе с колоссальным расхищением производительных сил и средств привела, таким образом, к дальнейшему усилению централистских и монополистических тенденций капитализма вообще и в особенности

наиболее мощных его группировок. Это достигалось и облегчалось именно «узаконением» крайнего государственного вмешательства в промышленность и в экономическую жизнь, вместо прежних принципов невмешательства. Находя оправдание всему этому в «военной необходимости», государственная власть во всех капиталистических странах начинает в той или иной мере регулировать как производство, так и снабжение промышленности и при том тем более полно, чем более концентрированный и монополистический характер она носила до тех пор. Даже в цитадели «промышленной свободы», в Англии, «закон о защите страны» давал возможность правительству полного распоряжения всем производством. То же самое наблюдалось во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах.

Сращивание государственной власти с промышленностью и с финансовым капиталом выражалось везде в установлении ряда монополий, в частных «национализациях» некоторых отраслей промышленности, в государственном контроле над производством, в образовании «смешанных обществ», в которых наравне с крупным финансовым капиталом пайщиком и акционером являлось государство. Даже размельченное сельское хозяйство подпадало под влияние государственного регулирования, путем установления рыночных монополий (например, монополий хлебной торговли), регулирования рынка, установления твердых цен и т. п. Военный «государственный капитализм» стал неизбежной и общей для всех борющихся стран организационной формой, в которую вылились прежние «чисто экономические» формы монополистического капитализма. И так как военный исход борьбы был обусловлен экономической мощностью борющихся капиталистических систем, то эта их экономическая мощность обусловила и судьбу их государственных образований. Поэтому в побежденных странах крушению подверглись и старые формы их государственного аппарата, даже в тех случаях, когда он был более прочно организован (например, в Германии), чем в странах победительницах, где эти старые формы сохранились, хотя и они были менее совершенно организованы (например, во Франции и в Англии).

Военная экономика дореволюционной России рабски следовала западноевропейским капиталистическим образцам. Но вся ее и политическая и экономическая система, возведенная на непрочной и отсталой социально-экономической и технической базе, в погоне и в конкурентном состоянии с развитыми мировыми капиталистическими системами, и не могла выдержать требовавшегося от нее напряжения. Уже в первые же годы военных катастроф и поражений стало видно, что и политическая, и социально-экономическая, и в частности промышленно-капиталистическая ее системы должны разделить одинаковую для всех их судьбу невиданного в истории крушения.

ВОЙНА И ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

После промышленного предвоенного под'ема, начавшаяся с 1913 г. некоторая депрессия была превращена войной в острый «военный» кризис перепроизводства как в некоторых областях промышленности, так и в сельском хозяйстве. Опасения перепроизводства касались как вообще предметов широкого массового потребления, так и экспортных продуктов сельского хозяйства, хотя по отношению к последним менее сильно, чем ожидалось, так как отсутствие экспорта было заменено повышенным военным правитель-

ственным спросом. В области промышленности уже к началу 1915 г. обнаружилось значительное сокращение производства частью в связи с кризисом, частью в связи с массовыми мобилизациями рабочих. Вследствие такого сокращения производства, перепроизводственный кризис скоро начинает изживаться, переходя в дальнейшем по некоторым отраслям в кризис недопроизводства.

Гораздо большее влияние на дальнейшие судьбы промышленности имела милитаризация ее и приспособление заводов к нуждам войны, вначале путем частной инициативы предпринимателей для выполнения выгодных военных заказов, а затем в принудительном порядке. Военные заказы уже с осени 1914 г. занимали всю деятельность наиболее крупных металлообрабатывающих и металлостроительных заводов—Сормовского, Брянского, Коломенского. Но уже с 1915 г. началось приспособление к военным целям всех сколько-нибудь пригодных металлообрабатывающих заводов, с очень малым количественным и качественным успехом, вследствие неприспособленности и слабого технического оборудования этих заводов. То же самое, но еще с меньшим успехом, происходило в химической промышленности, приспособленной под выделку взрывчатых и т. п. веществ военного употребления. Далее следовали кожевенная и обувная промышленность, текстильная, хлопчатобумажная и шерстяная, начавшие вырабатывать продукты, необходимые для интендантства.

Тем не менее, результаты первого года военной работы промышленности оказались весьма плачевными. Уже к весне 1915 г. было ясно, что наша промышленность совершенно не в состоянии справиться с теми военными задачами, которые ставились перед нею участием государства в мировой империалистической борьбе. И так как правительственный аппарат оказался совершенным банкротом, чтобы сделать хотя что-нибудь для улучшения положения,—русская промышленная буржуазия делает попытку создания, по образцу Запада, особых организаций, берущих в свои руки обслуживание военных нужд государства с помощью широкого проведения военной мобилизации промышленности. С мая 1915 г. промышленная буржуазия и капиталистические группы землевладельческого класса организуются в общественные организации—Военно-промышленные комитеты, Всероссийский городской и земский союзы. Первые берут на себя частью проведение мобилизации более крупной промышленности, а также организацию и приспособление к военным нуждам мелкой кустарной промышленности. Вторые берут на себя в известной части работу по снабжению армии.

ДЕГРАДАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Но в русских условиях эта общественная организация капитала в помощь расшатанному государственному аппарату оказалась попыткой с негодными средствами. Прежде всего низкое техническое оборудование промышленности, в особенности по производству машин и орудий, не позволяло произвести соответствующее переоборудование для новых производств, вследствие прекращения ввоза из-за границы. Накануне войны из всей ежегодной потребности в техническом оборудовании промышленности, в сумме до 720 млн. руб., до 37% покрывалось иностранным ввозом, а в частности на машины для промышленности—до 58%. Кроме того, крайний недостаток

квалифицированных рабочих, стеснение в транспорте, кризис топлива, общий развал, все более захватывающий всю экономическую и общественную жизнь,—довершали безвыходность положения.

Тем не менее, некоторые количественные итоги повышения продукции были достигнуты. «Военные» отрасли промышленности несколько увеличили свое производство. Так, по данным Гриневецкого, в одном из главных районов, работавшем «на оборону», в 15 губерниях Центрально-промышленного района, число рабочих, сравнительно с довоенным, увеличилось в 1916 г. на 19% и в частности в металлообрабатывающей промышленности на 190%, преимущественно за счет привлечения неквалифицированной рабочей силы. Такое же положение с металлообрабатывающей промышленностью было в Петроградском районе, а также на Урале. Гораздо хуже обстояло дело с другими отраслями промышленности, даже выполнявшей военные заказы. Так, хлопчатобумажная промышленность Центрального района сократила число рабочих с 391 тыс. чел. до войны на 322 тыс. чел. к 1917 году. Вообще, несмотря на «мобилизацию», общее число промышленных предприятий и число рабочих на них обнаруживало сокращение. Так, по данным фабричной инспекции, общее число предприятий, подчиненных ее надзору (более крупных, за исключением Варшавского округа и Курляндской губ., занятых германцами), было:

Год	Число заведений	Число рабочих в тыс.
1913	13 485	1 947
1914	13 868	1 9 13
1915	12 649	1 923
1616	12 492	2 094

Если уменьшение числа предприятий могло бы быть об'яснено рационализацией и концентрацией производства, то уменьшение до 1915 г. числа рабочих, при небольшом лишь увеличении в 1916 г., свидетельствовало о незначительности результатов максимального военного напряжения промышленности. При том, наибольшая часть указанного увеличения числа рабочих приходится на женский, детский и вообще неквалифицированный труд.

КРИЗИС МЕТАЛЛУРГИИ

При таких условиях понятно, что общие производительные силы промышленности продолжали падать даже в отраслях, наиболее тесно связанных с военными целями. Таковы, напр., цифры, характеризующие положение металлургической промышленности (без Польши) в млн. пуд.:

Год	Выплавлено чугуна	Получено полупродукта	Получено продукта
1913	257,4	263,9	219,6
1914	249,3	272,4	222,7
1915	225,3	251,3	199,4
1916	231,9	260,9	205,9
Половина 1917	98,9	102,8	79,2

Отсюда видно, что некоторый под'ем 1916 г., частью как результат «реорганизации» промышленности, был вообще очень небольшой, не достигнув довоенных цифр, а производство первой половины 1917 г. давало уже катастрофическое сокращение.

Но еще более катастрофическое влияние на народное хозяйство и на подрыв его основных производительных сил оказали не столько абсолютные размеры сокращения производства, сколько его исключительно военное направление. Милитаризованная промышленность отнимала от хозяйственной жизни страны все—металл, топливо, финансовые средства, рабочих. Так, по данным Военно-промышленного комитета, на удовлетворение потребности страны в черном металле (определявшейся до войны в 305 млн. пуд.) в 1915 г. из общей массы 241,3 млн. пуд. железа в распределение было назначено всего 45 млн. п. на частный рынок и 15,8 млн. пуд. на промышленное потребление. Из других продуктов железоделательной промышленности массового потребления, напр., производство строительного железа, сократилось с 41 млн. пуд. до 15,7 млн. пуд. Поступление заказов главному распределительному синдикату, Продамету, уже в 1916 г. сократилось до 79 млн. пуд. железных продуктов всех видов, в 1917 г. до 48 млн. пуд. против 148 млн. пуд. в 1913 году.

КРИЗИС ТОПЛИВА

То же самое необходимо отметить и в распределении топлива. Что касается каменного угля, то даже повысившаяся выработка его, благодаря прекращению ввоза из-за границы, не могла покрыть всю потребность. Но небольшой сравнительно дефицит, определявшийся в 60—70 млн. пуд., благодаря неумелой политике распределения и создания категорий привилегированных (исключительно связанных с войной) и непривилегированных (всех остальных потребителей), держал страну в состоянии острого топливного голода. То же самое наблюдалось с нефтью и всеми другими основными отраслями промышленности.

Политика распределения металла и топлива, направленная на удовлетворение исключительно военных нужд, не разрешая сколько-нибудь удачно снабжение «военной» промышленности, особенно губительно отражалась на всех других отраслях и на всем народном хозяйстве в целом, производя полный разгром и умирание некоторых важнейших отраслей. Особенно губительным образом металлический голод и политика распределения металла сказалась, как увидим ниже, на производстве сельскохозяйственных машин и орудий.

КРИЗИС ТРАНСПОРТА

Если и до войны наш транспорт плохо справлялся с задачею перевозки массовых сельскохозяйственных грузов, создавая залежи и заторы их, то в первые же годы войны хозяйство страны и особенно сельское стало испытывать, вследствие дезорганизации транспорта, серьезнейшие затруднения. Война возложила на транспорт новые задачи, с которыми он мог справиться лишь ценой сильнейшего напряжения и за счет сокращения в выполнении своих экономических задач. Уже в 1915 г. все хозяйственные перевозки по

сети железных дорог упали до 5 376 млн. пуд. грузов, против 7 985 млн. пуд. в 1913 г., т.-е. на 49%. Напр., б. Николаевская дорога пропускала всего 1 500 вагонов в сутки, вместо 2 000 вагонов нормально. Приходилось прибегать к приостановкам пассажирского движения, ко всякого рода «товарным неделям». На транспорте появились почти официальные новые должности «толкачей» и пр. Процент больных паровозов увеличился к 1917 г. с 15—16% до 29,4%, а больных вагонов—с 3—4% до 7,1%. Передвижение многих миллионов солдат, перевозка воинских грузов—все это легло на транспорт непосильным бременем. Свыше 30% всей ж.-д. сети перешло в непосредственное ведение Военно-полевого управления, служа, главным образом для выполнения армейских заданий. Война расстроила нормальный грузооборот не только западных дорог, но и дорог, расположенных в восточном районе, вынужденных значительную часть своих средств предназначить для обслуживания армии и того же западного района. Состояние транспорта в годы войны послужило одной из главных причин разрыва рынка производящих районов от потребляющих и роста продовольственного кризиса.

КРИЗИС ФИНАНСОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Таковы были основные сдвиги в главных отраслях производства во время войны. Для полноты характеристики к сказанному надо прибавить лишь несколько слов о финансовом положении хозяйства за это время. Ясно, что те колоссальные расходы средств, которых требовала война, не могли покрываться из текущих поступлений народного дохода. По официальным подсчетам, 3½ года войны потребовали непосредственных расходов в 35 миллиардов рублей (до половины 1917 г.); всего же на войну до 1 января 1918 г. было сделано долгу 42,5 миллиардов рублей, в том числе 8,5 млрд. руб. заграничных займов, 11,6 млрд. внутренних долгосрочных и 21,5 млрд. руб. внутренних краткосрочных. По подсчетам Прокоповича, наш «национальный доход», исчислявшийся им накануне войны в 16,4 млрд. руб., во второй год войны упал до 13,9 млрд. руб., в третий—до 12,2 млрд. руб., т.-е. сократился более, чем на четверть. Другим источником покрытия военных расходов явилось крайнее усиление эмиссии бумажных денег, с прекращением размена их на золото, ради сохранения золотого фонда. Развитие за годы войны эмиссии и падение параллельно с ней ценности денег, вследствие роста товарных цен, было таково:

	Кредитных билетов в обращении, млн. руб.	Индекс роста товарных цен
На 1 июля 1914 г.	1 630	100
„ 1 января 1915 г.	2 946	115
„ 1 „ 1916 г.	5 617	238
„ 1 „ 1917 г.	9 103	702
„ 1 октября 1917 г.	17 175	1 171

При таком быстром увеличении кредитных билетов в обращении, золотой фонд Госбанка, исчислявшийся на 1 июля 1914 г. в 1 744 млн. руб. и дававший на 98,2% покрытия бумажно-денежного обращения, сократился на 1 января 1917 г. до 1 474 млн. руб., а на 1 октября 1917 г. до

1 295 млн. руб., давая всего 6,8% покрытия бумажно-денежной массы. Оторвавшись от своего золотого основания, при дефицитном бюджете, при сокращении промышленной деятельности и кредита, наши бумажные деньги стали быстро падать в своей ценности, а товарные цены быстро расти, еще более усугубляя катастрофичность общего положения.

Неблагоприятное влияние расстройства денежной системы и падения ценности денег усугублялось еще тем обстоятельством, что внешний вывоз почти совершенно прекратился, и торговый (а вместе с тем более и расчетный) баланс стал отрицательным. Так, баланс нашей торговли за время войны был, в млн. руб., по всем границам:

	Привоз	Вывоз	Баланс + или —
1913—1914 г. (до июля) .	1 470	1 697	+ 227
Июль—декабрь 1914 г. .	297	228	— 69
1915 г.	1 131	397	— 734
1916 г.	2 675	579	—2 096

Таким образом, за два с половиною года войны отрицательный баланс по внешней торговле дал 2,8 млрд. руб., т.-е. разницу недобора сравнительно с положительным довоенным балансом свыше 1 млрд. руб. в год.

Расстройство финансового хозяйства неблагоприятно отражалось на кредите, который стал также значительно сокращаться. Так, один из важнейших видов краткосрочного коммерческого кредита, учет векселей, сокращался Госбанком в следующих размерах: на 1 октября 1914 г. балансовый остаток по учетной операции был 709 млн. руб., на 1 января 1915 г.—619 млн. руб., на 1 января 1916 г.—382 млн. руб., на 1 января 1917 г.—251 млн. руб., на 1 апреля 1917 г.—211 млн. руб. Сокращая таким образом кредитование промышленности, Госбанк особенно усиленно развивал кредитование нового своего «должника»—казны: выпускаемые казной так называемые «краткосрочные обязательства государственного казначейства» («векселя» казны) стали в громадных суммах учитываться банком. На 1 января 1917 г. учет этих обязательств по балансу давал сумму 6 866 млн. руб., а на 1 октября 1917 г.—14 098 млн. руб. Таким образом, все активные операции банка были направлены на кредитование казны и ее военных расходов. Вместе с тем как и в Госбанке, так и в частных банках обнаруживается значительный рост вкладов и текущих счетов. Так, балансовые остатки вкладов и текущих счетов по нашей кредитной системе (Госбанк, частные коммерческие банки, об-ва взаимного кредита, городские и общественные банки) были таковы:

	Гос. Банк.	Частные и пр. учреждения
На 1 января 1914 г.	235	3 218
„ 1 „ 1915 г.	482	3 535
„ 1 „ 1916 г.	960	4 346
„ 1 „ 1917 г.	1 652	7 566

Таким образом, обнаруживается значительное увеличение в привлечении частных средств и сбережений в кредитную систему, особенно в Госбанк, увеличивший это привлечение к 1917 г. почти в шесть раз против довоенного. Понятно, что если принять во внимание происшедшее падение

покупательной ценности денег, то будет ясно, что это накопление и эти сбережения были в действительности фиктивны. Но еще более важное значение описанных изменений в нашей денежно-кредитной политике было то, что, усиленно привлекая денежные средства из народного хозяйства, Госбанк все в большей массе бросал их не на кредитование промышленности, сельского хозяйства и торговли, а на кредитование военных расходов. Таким образом, можно констатировать за время войны чрезмерно быстрое увеличение «фиктивного» денежного капитала и все более возрастающее использование его не на производительные цели, а на военное истребление.

ПАДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА И БОГАТСТВА

Ясно, что такое положение народного и государственного хозяйства при громадных военных расходах не могло не сказаться самым губительным образом на истощении и падении всего народного благосостояния и доходов. По подсчетам Прокоповича, наш «национальный» доход, исчислявшийся им накануне войны в 16,4 млрд. руб., во второй год войны упал до 13,9 млрд. руб. и в третий год—до 12,2 млрд. руб., т.-е. сократился более, чем на четверть. Война поглощала, таким образом, от 27% всего народного дохода в первый год до 49,3%, т.-е. почти половину народного дохода, в третий год военных действий. Достигалось это как с помощью самого сильного напряжения налогового пресса, так и особенно с помощью усиленного выпуска обесцениваемых бумажных денег—этого самого жестокого, разорительного и неравномерного налогового бремени.

Но военные расходы не только поглощали уже в третий год войны до половины национального дохода, но в значительной степени затронули и «национальный капитал», т.-е. шли за счет не только отсутствия нового накопления капитала в средствах производства и т. п., но и за счет истощения старого капитала. По подсчетам Финн-Енотаевского, расходы России на войну составляли по 1 августа 1917 г. до 19,6% ее национального богатства, до 52% национального дохода и 313% ее сбережений.

Такому значительному истощению национального дохода, капитала и сбережений не противоречит очень крупное увеличение вкладов и текущих счетов в нашей кредитной системе: с 5,3 млрд. руб. на 1 января 1914 г. они увеличились по всей нашей кредитной сети до 13,3 млрд. руб. на 1 января 1917 г. Принимая во внимание обесценение денег и падение покупательной силы их, можно видеть, что реальное значение этого накопления денежных капиталов отставало от довоенного. Кроме того, в этом выражалось и происходившее обогащение одних групп населения за счет разорения других.

После этих беглых замечаний, касающихся положения промышленности, перейдем к ближе интересующему нас положению сельского хозяйства.

II. ПРЕДВОЕННЫЙ ПОД'ЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Империалистическая война застала русское сельское хозяйство на повышательной волне того общего под'ема, который переживало все народное хозяйство со времени 1909—1913 гг. В основе этого под'ема сельского хозяйства лежали главным образом три основных момента: во-первых, общий

промышленный под'ем, повлекший за собою повышательное движение сельского хозяйства; во-вторых, капитализация деревни, и, в-третьих, благоприятная кон'юнктура внешнего и внутреннего рынка.

При таких условиях, в предвоенные годы все основные элементы сельского хозяйства давали повышательные показатели как количественного роста сельскохозяйственного производства и рынка, так и внутренних, качественных изменений его в сторону интенсификации и рационализации. И тем не менее, все же и при этом общем под'еме видны были элементы, свидетельствовавшие о технической и экономической отсталости и не позволявшие сельскохозяйственному под'ему вылиться в законченную реконструкцию сельского хозяйства, в превращение сельского хозяйства в широкую и прочную сырьевую базу для внутренней капиталистической промышленности. Наоборот, русское сельское хозяйство, при всех его тенденциях к капитализации и интенсификации, сохраняло попрежнему свой преобладающий экстенсивно-зерновой характер, попрежнему своим зерновым экспортом являлось дешевым источником сырья и продовольствия, как колониальная страна, для капиталистических стран Запада. Все это налагало особый отпечаток предвоенного сельскохозяйственного развития и его дальнейших судеб в годы войны и революции.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОД'ЕМ И ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Промышленный под'ем 1909—1913 гг. сказался на сельском хозяйстве значительным ростом общей продукции и в особенности интенсификацией производства. Общий рост сельскохозяйственной культуры сказывался прежде всего в росте посевных площадей, с особенно быстрым темпом их движения на восток. Размер посевных площадей по 71 губ. Европейской и Азиатской России с 88,3 млн. десятин в 1901—05 гг. повысился до 97,6 млн. десятин в 1911—13 гг., при чем нечерноземная полоса почти сохранила посевы на одном уровне (21,3 млн. и 21,8 млн.), тогда как черноземная увеличила их на 49% (с 49,7 млн. до 56,7 млн. дес.), а Азиатская Россия почти вдвое (с 5,1 млн. до 9,5 млн. дес.).

Процесс интенсификации характеризуется хотя и медленной, но все же определенно-выраженной сменой зерновых хлебов техническими растениями, корнеплодами, травами и т. п. Так, за три последних предвоенных пятилетия рост посевных площадей в 71 губ. и областях бывшей империи исчислялся следующими цифрами (в тыс. дес.):

	Всего посевов	В т. ч. зерновых и стручковых растений	Технических и прочих растений
1901—1905 гг. . .	88 289	81 843	6 446
1906—1910 „ . .	92 057	85 605	6 452
1911—1913 „ . .	97 630	90 645	6 985

Зерновые хлеба не только сохраняли и в XX веке свой прежний подавляющий удельный вес в общем земледельческом хозяйстве страны, но даже его увеличили. Но все же, технические и специальные культуры (картофель, свекла, лен, конопля) увеличивали свои посевные площади, по-

пятно в небольших абсолютных размерах. Так, за рассматриваемый период в наибольшей степени увеличилась посевная площадь под сахарной свеклой (на 39,5%), несколько меньше под картофелем (15,8%) и сократилась (на 11,1%) под льном и коноплей, тогда как под зерновыми хлебами она увеличилась на 10,8%. Притом, однако, этот рост зерновой культуры шел лишь в южных и окраинных губерниях, тогда как в губерниях нечерноземных посевная площадь росла за счет увеличения незерновых культур. Так, за тот же период во всей нечерноземной полосе посевная площадь увеличилась всего с 15,39 млн. дес. до 15,61 млн. дес., т.-е. на 1,4%, в том числе под картофелем, льном, коноплей с 1,65 тыс. дес. до 1,82 тыс. дес., т.-е. на 10,3%, тогда как на Северном Кавказе она увеличилась с 4,68 млн. дес. до 6,88 млн., т.-е. на 47,0%, в Степном Крае—с 2,87 млн. до 4,67 млн., т.-е. на 62,7%, притом целиком за счет расширения зерновых посевов.

В результате таких перемен соотношение главных групп культур за рассматриваемый период заметно изменилось. В Европейской России на 100 дес. посева приходилось:

	Зерновых		Корнеплодов		Кормовых трав	
	1901—05	1913	1901—05	1913	1901—05	1913
Нечерноземн.	86,3	84,4	5,1	5,8	1,6	3,0
Черноземная	92,5	91,4	3,6	4,0	0,5	0,7
Всего	91,0	89,7	3,9	4,4	0,8	1,4

Из других важных промышленных растений посевы хлопка увеличились за рассматриваемый период на 111,6%, кормовых трав на 79,3%, подсолнуха на 61%, табака на 18,5%.

Значительно хуже обстояло дело с скотоводством, хотя за отсутствием сколько-нибудь достоверных официальных сведений невозможно привести точных цифр. По приблизительным подсчетам, за время с 1900 г. по 1913 г. количество лошадей увеличилось с 19,7 млн. голов до 22,8 млн., крупного рогатого скота—с 31,7 млн. до 31,9 млн., свиней—с 11,7 млн. до 13,5 млн. и овец уменьшилось с 47,6 млн. до 41,4 млн. Но количество скота всех видов (кроме разве лошадей) в расчете на душу населения или на десятину посева более или менее значительно сократилось. Например, на 100 дес. посева приходилось скота в 1901—05 гг. и в 1913 г.: лошадей—29 голов и 31 головы, крупного рогатого—46 гол. и 42 гол., овец—65 голов и 56 гол. и свиней—18 гол. и 18 гол. Это обстоятельство показывает, что, несмотря на отметившийся в 1900—14 гг. процесс интенсификации, наше сельское хозяйство в целом еще не окончательно изжило кризис трехполья и несло его последствия, в виде утрированного развития посевной зерновой площади, сокращения кормовой площади, уменьшения количества скота.

Другим признаком интенсификации сельского хозяйства является увеличение потребления сельскохозяйственных машин и удобрений. Потребление сельскохозяйственных машин, исчислявшееся в 1900 г. в 27,9 млн. рублей и в 1908 г. в 61,3 млн. рублей, в 1913 г. определялось уже в 109,2 млн. рублей, из которых на 48 млн. рублей ввозилось из-за границы.

Наконец, весьма важный признак интенсификации—искусственные удобрения. Их было ввезено в 1900 году 6 млн. пудов, а в 1912 г.—35 млн. пудов. Внутренне же производство искусственных удобрений за это время увеличилось также почти в два раза (с 4,5 млн. пуд. до 8,7 млн. пуд.).

СООТНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП В ПРОИЗВОДСТВЕ

Обратимся теперь к вопросу о том, какие же именно группы сельских производителей являлись главными участниками в этом росте сельскохозяйственного производства и его интенсификации. К сожалению, наша дореволюционная официальная статистика не давала на этот вопрос сколько-нибудь точных данных. Наша старая статистика урожаев знала лишь разделение земель на «частно-владельческие» и «крестьянские» (надельные). Понятно, что как цифры первых, вследствие развития крестьянских аренд, так и цифры последних, вследствие внутринадельных аренд и перегруппировок земли, не дают сколько-нибудь точного отражения положения отдельных хозяйственных групп в сельскохозяйственном производстве. Но во всяком случае, если пользоваться этими данными, то по сведениям бывшего Ц. Ст. Ком. распределение посевной площади под хлебами между крестьянскими и частно-владельческими землями исчислялось за пятилетие 1906—1910 следующими цифрами (в %%) [1]:

	73 губ. и обл. б. империи	
	Крестьянских	Частновладельческих
Все хлеба	70,2	29,8
Рожь озимая . . .	73,4	26,6
Пшеница озимая .	55,4	44,6
„ яровая .	68,7	31,3
Ячмень яровой . .	68,9	31,3
Овес	71,2	28,8

Другой косвенный и также весьма неточный способ учета участия разных экономических групп в сельскохозяйственном производстве дает обследование 1905 г. о распределении крестьянских дворов по размерам надельного землевладения. Именно, в % к общей площади оно было:

Группа	% дворов	У них % земли
1—4 дес. . .	15,8	3,6
4—8 „ . .	33,7	19,0
8—20 „ . .	40,0	41,8
Св. 20 „ . .	10,5	35,6

Если брать последние две группы, как крупно-посевные, то половина дворов будет иметь свыше трех четвертей надельной земли. Если условно предполагать (что, конечно, весьма неточно), что распределение посевной площади было примерно таково же, то можно считать, что 55 млн. дес. посева распределяются: у малопосевной группы около 2 млн. дес., у средней— около 10,5 млн. дес. и у двух высших до 43,5 млн. дес.

---

[1] Фактически, как сказано, доля „крестьянского производства" должна быть значительно выше этих цифр. Тем не менее различное положение отдельных хлебов—в их наиболее типичных проявлениях—ржи, как крестьянского хлеба, и озимой пшеницы, как помещичьего,—ясно видно из приведенных цифр. Если считать, что несмотря на известную степень перегруппировки и концентрации в надельной земле, все же ведущиеся на ней хозяйства представляют хозяйства мелкие, которые, кроме того, увеличивают свой удельный вес еще и за счет аренды частновладельческих земель, то, можно считать, более или менее крупному производителю помещику принадлежали не более четверти всего зернового производства в целом, а для пшеницы возможно до одной трети.

Если от рассмотрения величины посевных площадей перейти к валовым сборам хлебов, то размеры участия крестьянских и помещичьих земель в валовых урожаях хлебов определялись в общем такими же соотношениями, с теми лишь изменениями, которые обусловливались несколько более высокими урожаями на помещичьих землях. Именно, соотношение валовых сборов на помещичьих и крестьянских землях было таково, что помещичьи хлеба занимали в производстве всех хлебов не более одной трети и только по пшенице повышали эту норму до половины; остальное принадлежало крестьянскому производству.

При всем том необходимо отметить, что помещичье хозяйство все же несколько более заметно повышало свою относительную производительность: по подсчетам некоторых статистиков (Кауфман), за время после 1861 г. крестьянские урожаи повысились всего с 29 п. до 43 п., т.-е. на 48%, тогда как помещичьи с 33 п. до 54 п., т.-е. на 64%.

РОСТ ТОВАРНОСТИ

Если таковы были количественные итоги сельскохозяйственного производства и участия в нем отдельных групп, то несколько иные цифры получаются при рассмотрении другой важнейшей стороны сельского хозяйства—его служения рынку, его «товарности». Общий рост товарного служения сельского хозяйства рынку виден из таких суммарных цифр товарного железнодорожного и водного движения главных групп сельскохозяйственных продуктов в межрайонном обороте: движение хлебных грузов возросло с 1 053 млн. п. в 1901—05 гг. до 1 359 млн. в 1911—13 гг., т.-е. на 29%; продукты интенсивного земледелия за те же годы—с 437 млн. п. до 684 млн. п., т.-е. на 56%. Из отдельных хлебов в наиболее сильном темпе развивали свою товарность такие хлеба, как пшеница и ячмень. В общем, при значительных колебаниях для отдельных районов можно приблизительно считать, что товарность отдельных сельскохозяйственных продуктов достигала: до 35—50% для зерновых, до 80—100% для волокнистых, до 15—25% для молочных продуктов, до 30—70% для продуктов птицеводства, и т. п. В целом сельского хозяйства производящих районов не менее, как на 35—40%, было товарным.

К сожалению, и здесь наша статистика не дает возможности сколько-нибудь точно выяснить товарность отдельных групп сельскохозяйственных производителей, и в частности — товарность помещичьего и крестьянского хозяйства. По подсчетам некоторых авторов (Кондратьев), для зерновых хлебов в предвоенное пятилетие нормы товарности исчислялись следующими цифрами:

	У крестьян	У владельцев	В среднем
Пшеница	51,3	81,1	55,7
Рожь	21,5	42,0	23,3
Овес и ячмень . .	28,8	63.8	33,8

В среднем по всем хлебам и районам можно считать, что крестьянское хозяйство поставляло на рынок до четырех пятых всего зернового товарного производства.

Еще менее точны данные относительно участия в этом товарном снабжении отдельных групп крестьян. Точно так же весьма условно и прибли-

зительно по подсчетам некоторых авторов (Лященко) можно принять, что на зерновой рынок из крестьянского хозяйства поступало до 400 млн. пуд. от среднепосевных групп и до 450 млн. пуд. от крупнопосевных.

Таковы очень неточные и суммарные цифры нашей статистики, которые могут характеризовать влияние развития рыночных отношений на крестьянское хозяйство. При всей неточности этих цифр можно, однако, считать, что «заинтересованность» в рынке охватывала не только 16—20% хозяйств, имевших избыток продуктов для рынка, но и значительную долю и средних и даже маломощных хозяйств, часто прибегавших к известным «вынужденным» продажам хлеба и других продуктов, даже при их недостатке. Поэтому последующий разрыв и деградация рынка коснулись всех групп производителей.

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПОРТНОГО РЫНКА

Во всяком случае наше сельское хозяйство в своем предвоенном развитии быстро повышало свое товарное служение рынку и, следовательно, все более становилось сырьевой базой для внутренней индустрии — льняной, сахарной, табачной, шерстяной и проч., с другой — все более потребляло основных продуктов промышленности, в виде машин, удобрений и пр. Благодаря этому, расширялась и углублялась товарность сельского хозяйства вообще и в особенности продуктов интенсивности сельского хозяйства.

Но при таком увеличении общей товарности, как признака увеличения служения внутреннему рынку, еще в большей степени увеличивалась экспортность продуктов сельского хозяйства, т.-е. усиливалось служение его внешнему рынку. Так, если взять, с одной стороны, жел.-дор. перевозки, как показатель товарности сельскохозяйственных грузов, а с другой — экспорт сельскохозяйственных продуктов, то увеличение перевозок и экспорта в 1911—13 гг. по сравнению с 1901—05 гг. характеризуется следующими относительными цифрами (1901—05 гг. = 100):

	Рост перевозок	Рост экспорта
Зерновых хлебов	122	107
Свекловицы	246	98
Картофеля	161	365
Сахара	159	207
Спирта	160	409
Крахмала	167	1 527
Льна и конопли	131	131
Табака	136	192
Мяса	1 119	227
Яиц	141	127
Молочных продуктов вообще	212	204
Масла	159	200
Птицы битой	250	180

Отсюда видно, что продукты интенсивных культур и их технической переработки, а также продукты животноводства увеличивали свою товарность гораздо в большей степени, чем продукты экстенсивного хозяйства, зерновые хлеба, но в то же время эти продукты еще в большей степени увеличивали свою экспортность, т.-е. служение внешнему рынку.

Таким образом, хотя роль внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства в течение первых 10—15 лет XX века значительно возросла, но для большинства сельскохозяйственных продуктов, как продовольственных, так и сырьевых, внешний рынок занимал все же чрезвычайно крупную, иногда подавляющую и притом увеличивающуюся часть. Так, если взять процентное отношение вывозных перевозок к общему железнодорожному движению, то в 1901—05 гг. и в 1911—13 гг. оно будет:

	1901—05 гг.	1911—13 гг.
	% вывозных перевозок	
Зерновые хлеба	57,9	45,8
Лен и конопля	75,3	75,6
Пенька	52,5	48,2
Отруби	77,0	73,8
Картофель	11,3	26,4
Сахар	12,6	16,4

Таким образом, хотя, например, зерновые хлеба уменьшили свою долю служения внешнему рынку, но все же почти половина хлеба, проходящего по железным дорогам, шла на экспорт, а для льна, отрубей эта доля повышалась до трех четвертей. Такие продукты интенсивного сельского хозяйства, как картофель, сахар и др., хотя и отправляли на внешний рынок значительно меньшую долю, чем на внутренний, но за 10-летие ее сильно увеличили. Все это свидетельствовало о недостаточной потребительной способности внутреннего рынка как на сырьевые продукты, для внутренней промышленности, так и на продовольственные продукты для населения. Зависимость от иностранного рынка русского сельского хозяйства была все еще очень велика. Иностранный капитал все еще эксплоатировал Россию в значительной степени, как колонию, как источник дешевого хлеба и некоторых видов промышленного сырья.

Недостаточность нашего промышленного развития, недостаточность покупательного спроса и невозможность внутренней переработки всего сельскохозяйственного сырья,— служили препятствием для интенсификации сельского хозяйства. Особенно резко это отражалось на таких отраслях, как лен, которые более чем половину своего производства отправляли за границу. Так, до войны из 25—26 млн. пуд. сбора волокна отправлялось за границу 17 млн. пудов, на внутренних же фабриках переработано около 5 млн. пудов. Таким образом, до 3—4 млн. пудов оставалось для кустарной переработки и для домашнего потребления в крестьянском хозяйстве. Не говоря уже о невыгодности, с народно-хозяйственной точки зрения, такого положения, оно приводило к тому, что цены на лен падали, убивая эту выгодную отрасль сельского хозяйства.

Вследствие недостаточности промышленного потребления в сельском хозяйстве оставался по всем почти продуктам более или менее крупный избыток. Процесс интенсификации сельского хозяйства стимулировался не только и даже не столько внутренним рынком и промышленностью, сколько внешним рынком. Внешний рынок прежде всего поддерживал высокие и выгодные цены на сельскохозяйственные продукты, так как мировая сельскохозяйственная кон'юнктура была повышательной, благодаря чему ценность сельскохозяйственной продукции значительно повысилась.

ИЗМЕНЕНИЯ В ДОХОДНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ

В результате такого положительного воздействия рынков, как внутреннего, так и внешнего, увеличивалась не только продукция сельского хозяйства, но еще более и его доходность. По приблизительным исчислениям Прокоповича о «национальном доходе» в 1900 и в 1913 гг., доход по отдельным отраслям народного хозяйства определялся за эти годы в следующих цифрах для 60 губ. Европейской России (в млн. руб.):

	1900	1913	% увеличения
Сельское хозяйство	2 985,1	5 630,2	+88,5
Лесоводство и рыбол.	626,1	730,0	+16,6
Промышленность	1 402,2	2 566,6	+83,0
Транспорт	531,2	1 055,1	+98,9
Строительное дело	473,1	842,7	+78,1
Торговля	561,9	980,9	+74,6
Итого	6 579,6	11 805,5	+79,4

Отсюда видно, что доход от сельского хозяйства повысился, принимая во внимание и повышение цен, больше, чем все другие отрасли народного хозяйства, уступая лишь транспорту. Несколько иные результаты получаются, если исчислить продукцию всех отраслей по ценам 1900 года, чтобы таким образом установить непосредственный рост самой продукции, вне влияния повышения цен. В таком случае окажется, что при общем увеличении всей продукции народного хозяйства на 39,4%, сельское хозяйство увеличило продукцию всего на 33,8%, тогда как промышленность — на 62,3%, транспорт — на 51,4%, торговля — на 40,7%. Это показывает, что все основные отрасли хозяйственной деятельности стояли в своем развитии впереди сельского хозяйства и своим воздействием на это последнее и повышением спроса на его продукты создавали для него повышательную рыночную кон'юнктуру.

Этот характер положительного воздействия развивающейся промышленности и ее сырьевого спроса виден из того, что наибольшее повышение цен и доходности давали именно продукты городского потребительского спроса и сырьевые продукты для промышленности. Действительно, изменение взаимоотношений отдельных отраслей сельского хозяйства рисуются по тем же данным следующими цифрами (в млн. руб.):

	1900	1913	% увеличения доходности
Доход от всего сел. хоз.	2 985	5 630	88,6
в том числе:			
От зерновых хлебов	1 458	2 696	84,9
От торг.-пром. раст.	384	730	90,1
От садовод. и огород.	261	404	54,8
От скотовод. вообще	831	1 730	108,2
От молочн. хозяйства	407	754	85,3
От мясного „	160	338	111,3
От овцеводства	117	257	119,7
От свиноводства	94	284	202,1

Таким образом, по относительному увеличению доходности на первом месте стоят отрасли животноводства (свиноводство, овцеводство, мясо и др.),

а из отраслей земледелия—торгово-промышленные культуры, хотя по абсолютным размерам доходности на первом месте попрежнему стояли зерновые хлеба.

Несколько иные данные получаются, если мы продукцию 1913 г. пересчитаем по ценам 1900 г., т.-е. не будем учитывать влияния повышения цен, а только изменение размеров продукции. В таком случае получим следующие цифры:

	% увеличен. доходн. (по ценам 1913 г.)	% увеличен. продукц. (по цен. 1900 г.)
Все сельское хозяйство	88,6	33,8
в том числе:		
Зерновые хлеба	84,9	38,8
Торг.-пром. растения	90,1	44,5
Садов. и огороднич.	54,8	19,2
Скотоводство вообще	108,2	26,7
Молочн. хозяйство	85,3	26,5
Мясное „	111,3	10,0
Овцеводство	119,7	29,1
Свиноводство	202,1	60,6

Отсюда видно, что по увеличению производства вообще продукты земледелия, и в частности как интенсивные торгово-промышленные культуры, так и зерновые хлеба, стоят впереди большинства продуктов животноводства, кроме свиноводства, стоящего на первом месте по увеличению производства. Но, благодаря повышению цен, доходность от всех продуктов животноводства увеличилась и значительно больше, чем от земледелия. Другими словами, мы имели не столько производственные сдвиги в направлении интенсивных отраслей хозяйства (кроме свиноводства), сколько более благоприятные для них сдвиги цен, вследствие усиления городского и промышленного спроса на эти продукты. Само же производство попрежнему сохраняло преобладающий экстенсивно-зерновой характер и попрежнему в громадной доле работало на экспорт.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЭКСПОРТ И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ

Насколько велико было значение экспорта сельскохозяйственных продуктов в деле увеличения народного дохода от сельского хозяйства, видно из следующей таблицы роста ценности экспорта главнейших групп сельскохозяйственных продуктов (в млн. руб. и в %%):

Ценность экспорта	1901—05	1911—13	% роста
Зерновых продуктов муки и отрубей	447	596	133
Продуктов интенсивного земледелия	139	253	182
Продукт. скотоводств.	115	277	241
Всего	701	1126	161

Таким образом, экспорт сельскохозяйственных продуктов, как источник национального дохода и накопления, увеличился в течение десятилетия в полтора раза. При этом необходимо отметить, что в наших связях с мировым хозяйством по абсолютным размерам на первом месте продолжал стоять зерновой экспорт, который приносил в народное хозяйство ежегодно свыше

полмиллиарда ценностей. Так, если сравнить рост ценности хлебного экспорта в среднем за год, то в предвоенные пятилетия XX века сравнительно с предшествующими годами он был:

	Ценность вывоза в тыс. р.	Рост ценности (в %)
1861—1865	56 284	100
1901—1905	446 824	794
1906—1910	539 301	958
1911—1913	605 915	1 077
1909—1913	655 488	1 166

Этот хлебный экспорт являлся одним из главнейших источников внутреннего «национального» накопления капитала, особенно увеличившись, как мы видели, в XX веке. Таким образом, расцвет нашего промышленного капитализма и внутреннего накопления шел в значительной мере за счет полуколониального служения сельского хозяйства мировому капиталу дешевым хлебом и дешевым сырьем.

В этой форме выливалась для сельского хозяйства наша зависимость от иностранного капитала. Уже с 1890-х годов и особенно значительно с 1900-х годов экспортная торговля сельскохозяйственными продуктами вообще, и в особенности хлебом, яичная, масляная и др. стала подпадать под влияние банкового и в частности иностранного капитала. В XX веке иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами. Экспортные операции с сибирским маслом, воронежскими яйцами и птицей, тамбовским бэконом, псковским льном и повсеместно с хлебом — начинают все более интересовать иностранный капитал. Он начинает приливать в экспортную торговлю и руководить ею или непосредственно, основывая свои экспортные конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецких, греческих, итальянских, датских, английских и др.), или специальные экспортные общества (как О-во вывозной торговли), или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала. Так же не без участия иностранного капитала развиваются у нас специальные виды кооперативной переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, особенно, например, по кооперативному экспорту сибирского масла, сбыту яиц и пр. Английские крупные капиталистические фирмы снабжали сибирскую кооперацию кредитом, сепараторами, машинами, тарой для экспорта и вообще держали в своих руках основные нити нашего масляного экспорта. Еще в большей мере влияние иностранного капитала сказывалось в таких экспортных отраслях, которые требовали крупного капиталистического оборудования, как, например, экспорт бэкона и других скоропортящихся продуктов, и требовали дорого стоящих холодильников и холодильного транспорта. Такие общества холодильного дела и транспорта, как «Унион», «Петербургское о-во товарных складов» (имевшее холодильник, по величине первый в Европе), работали в значительной мере, иногда почти исключительно с помощью иностранного капитала или с помощью иностранного банкового кредита. И так как доля участия иностранных капиталов в основных капиталах русских банков определялась приблизительно около 40—50%, то примерно этими циф-

рами можно определить и степень зависимости русской экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами от иностранного банкового капитала.

Таков был общий характер влияния русского промышленного капитализма вообще и в частности иностранного капитала на развитие сельского хозяйства в 1900-е годы. Наше промышленное развитие, в особенности под'ем конца 90-х годов и под'ем 1909—13 гг., в сильнейшей степени способствовали и под'ему сельского хозяйства, его интенсификации и капитализации. Но, тем не менее, русский капитализм не обладал еще достаточной мощностью, чтобы всецело использовать все ресурсы сельского хозяйства. Поэтому последнее находилось в сильнейшей степени под влиянием внешнего рынка и иностранного капитала. А последний эксплоатировал русское сельское хозяйство, как источник необходимого для него дешевого сырья и продовольствия. Поэтому, хотя мировой рынок и оказывал положительное влияние на развитие и повышение доходности русского сельского хозяйства, но все же положительной задачей и для сельского хозяйства и для промышленности явилось освобождение от такой полуколониальной зависимости от иностранного капитала. Наша хозяйственная и промышленная отсталость, однако, стояла к этому непреодолимым препятствием.

При таких условиях зависимости от иностранного финансового капитала и преимущественно от капитала антантовского, Россия должна была вовлечься в империалистическую борьбу. И тяжесть этой последней должна была в первую очередь и наиболее губительно отразиться на сельском хозяйстве.

III. ДЕГРАДАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ИЗ'ЯТИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Война ударила по сельскому хозяйству России прежде и главным образом по двум направлениям: в отношении из'ятия громадных масс рабочей силы и в отношении разрыва с рынком, как с внутренним, так и еще более с внешним. Эти обстоятельства, в результате, привели к сильнейшей деградации производства и в количественном и в качественном отношении. Вот почему оптимистические мнения некоторых экономистов, что Россия, и в частности ее крестьянское хозяйство, в наименьшей мере пострадают от войны, было скоро совершенно опровергнуто жизнью. Вся тяжесть войны пала именно на крестьянское хозяйство, и с 1914 года оно начинает быстро катиться по наклонной плоскости.

Первой жертвой, которую должно было принести крестьянское сельское хозяйство—это массовая мобилизация населения, с первого же года войны оторванного от производительной деятельности. Если наша довоенная армия насчитывала 1 370 тыс. чел., то в течение первых полутора лет было вновь мобилизовано 7 445 тыс. чел., а за все годы войны до середины 1917 г. число лиц, взятых в армию, достигло до 15—16 млн. чел. Громадная масса их была из'ята из деревни. Поэтому, хотя до войны наша деревня местами ощущала значительный избыток населения, тем не менее, вследствие неравномерности распределения рабочей силы, уже с 1915 г. во многих местностях начинает ощущаться значительный недостаток ее в сельском хозяйстве. Положение ухудшалось еще тем, что в армию забирались, понятно, самые молодые и здоровые элементы. Уже в 1915 г., по специальному обследованию,

до 81% губерний Европейской России имели недостаток в рабочей силе для сельского хозяйства, а в 1916 г. недостатк имелся уже во всех губерниях. Это обстоятельство одинаково губительно сказывалось как на крупном предпринимательском хозяйстве, так и на крестьянском. Крупное стало в первую же очередь испытывать недостаток в рабочей силе, в особенности в тех районах, которые работали главным образом на пришлом наемном труде, как, напр., мало населенный капиталистический юг. На Северном Кавказе количество пришлых рабочих, зарегистрированных на регистрационных пунктах. уже в 1915 г. сократилось в три раза против довоенного. Здесь же наиболее пострадали и крупнопосевные крестьянские и казачьи хозяйства, которые и отдавали в армию свою рабочую силу и сокращали наемную. В этом обстоятельстве уже в 1915—16 годы была заложена причина особенно сильного сокращения посевной площади в наиболее товарных и пшеничных районах Северного Кавказа и юга: последние уже к 1916 г. сократили свои посевные площади на 15—20%. Перепись 1917 г. обнаружила прямо катастрофическое положение сельского хозяйства во всех местностях в отношении рабочей силы: во всех губерниях от 45% до 55% всех рабочих было взято в войска и почти везде свыше 30% и до 44% всех хозяйств оставалось вовсе без работников.

В известной мере труд мобилизованных работников был возмещен в деревне работой женщин, детей, стариков. Помимо этого с целью восполнить недостаток рабочих рук, в 1917 г. было привлечено на сельскохозяйственные работы до 600 тыс. военнопленных и 250 тыс. беженцев. Снабжение военнопленными и беженцами мало разрешало вопрос, так как число их составляло не более 2,5% к имевшейся своей мужской силе, а кроме того, оно и распределялось очень неравномерно. Наконец, труд военнопленных и беженцев в силу своего подневольного характера и худших, по сравнению с другими с.-х. рабочими, условий труда, не оправдал возлагавшихся на него сельскими хозяевами надежд. Преобладающая масса беженцев состояла из стариков, женщин, детей. Даже труд годных работников обесценивался неприспособленностью к местным условиям. В литературе военного времени немало указаний на непригодность беженцев к интенсивному с.-х. труду, в силу их восприимчивости к заболеваниям на почве недоедания, скученности и пр. Так, напр., обсуждая результаты, полученные от использования труда военнопленных, киевское о-во с.-х. указывало, что более целесообразным представляется использование труда местного населения; в случае же необходимости приглашения военнопленных, последние должны быть поставлены в более приемлемые условия работы. При всем том, все, что можно было извлечь из «беженского» труда, пошло на потребу почти исключительно помещичьего хозяйства.

В западно-европейских капиталистических странах и в Соед. Штатах вопрос о недостатке рабочей силы в сельском хозяйстве под влиянием войны, был разрешен заменой этой рабочей силы машинами и механическими двигателями; на этом, как известно, было построено громадное расширение посевной площади на востоке Соед. Штатов Сев. Америки. У нас, при нашей бедности и капиталистической отсталости, это оказалось невозможным. Наши помещичьи хозяйства, в громадной части обрабатывающие землю крестьянской рабочей силой, инвентарем и крестьянским скотом, сразу должны были сокращать свои посевные площади и производство. Резко сокращаться стала и аренда крестьянами владельческой земли.

СОКРАЩЕНИЕ СКОТОВОДСТВА

Влияние войны при нашей хозяйственной отсталости и при безрассудной политике правительства, в первые же годы войны сказалось не только невозможностью замены человеческой рабочей силы увеличением применения капитала в мертвом и живом инвентаре, но и крайним расхищением того и другого. Военные мобилизации конского состава подрывали в сильнейшей степени производительные силы крестьянского хозяйства. В течение войны до 1917 г. мобилизациями было из'ято до 2,1 млн. голов лошадей в рабочем возрасте, а все количество рабочих лошадей по 50 губерниям Европейской России сократилось с 17,8 млн. голов до 12,8 млн., т.-е. почти на 40%. Сократилась также численность другого вида рабочего скота, волов, благодаря убою в продовольственных целях. Хотя наш статистический учет скота, вследствие своей неудовлетворительности, не дает нам точных цифр уменьшения и, наоборот, показывает для 1916 г. даже увеличение против довоенного времени, тем не менее, необходимо признать, что в первые же годы войны было заложено истребление и этого важнейшего элемента хозяйства, рабочего скота: убой крупного рогатого скота в военно-продовольственных целях определялся до 18 млн. голов, что составляет до 17% предвоенного наличного состава, а все количество скота за время войны уменьшилось почти на 40%.

Непосредственным сокращением количества животноводства не ограничилось отрицательное влияние войны. Система военных реквизиций вела к измельчанию скота. В начале войны реквизировались лишь животные, дающие не менее 10 пуд. мяса, несколько времени спустя норма была снижена до 8 пудов, далее до 6 пудов и ниже. Война уничтожила не только часть основного животноводственного капитала, но и лишила страну огромной части текущей ежегодной ценности мяса (около 47—48 млн. руб.), кожи (2 млн. кож взрослого скота и 3 млн. телячьих шкур), молока (около 130 млн. руб.). Ухудшилось и положение удобрения; убытки, причиненные сокращением удобрительных ресурсов, в связи с сокращением количества скота, определяются некоторыми исследователями в 100 млн. руб. ежегодно. Производство масла сократилось с 7 млн. пуд. в 1913 г. до 4,5 млн. пуд. в 1916 г.

МЕРТВЫЙ ИНВЕНТАРЬ

В отношении мертвого инвентаря война произвела не менее отрицательное влияние. Помимо общего падения благосостояния населения и его покупательной способности, она сказалась также и сокращением ввоза машин из-за границы и сокращением внутренней выработки машин.

Русское сельское хозяйство, в особенности крестьянское, не могло похвалиться инвентарем и в довоенное время. При значительных достижениях в области интенсификации сельского хозяйства в предвоенные годы, степень обеспеченности сельского хозяйства мертвым инвентарем оставалась крайне низкой. Американский фермер еще к началу XX в. владел количеством инвентаря примерно в 4 раза больше, чем приходилось на русское крестьянское хозяйство в последние предвоенные годы.

Снабжение сельского хозяйства инвентарем производилось внутренним производством и ввозом из-за границы. За пятилетие 1908—1912 гг. ввози-

лось с.-х. машин на сумму в 46,5 млн. руб. ежегодно, а в 1912 г.—на 63,5 млн. руб. и в 1913 г.—на 48,6 млн. руб. Внутреннее производство оценивалось в 1913 г. в 60,5 млн. руб. Производством с.-х. машин были заняты 826 предприятий с 39 000 рабочих и с потреблением около 15 млн. пудов металла и такого же количества топлива. Военная мобилизация всех металлических и машиностроительных заводов, работа на войну и изготовление военного снаряжения захватили и значительную часть заводов сельскохозяйственных машин. Лишенные кредита и сырья, направляемого почти исключительно на военные цели (в 1916 г. заводы получили лишь 1,3 млн. пуд. чугуна, вместо потребных им 15 млн. пудов), заводы стали сокращать свое производство. В 1916 г., по специальному обследованию 173 крупнейших заводов с.-х. машин, производство их сократилось на 75% по сравнению с довоенной нормой, а к 1917 г., по подсчету самих промышленников, производство всех оставшихся заводов сельскохозяйственных машин составляло всего лишь 15% довоенной выработки. И это — при настоящем голоде деревни на сельскохозяйственные машины! Этот голод усиливался еще благодаря тому, что сильное сокращение по тем же причинам испытала и кустарная промышленность, производившая до войны сельскохозяйственных машин на сумму до 8 млн. руб., а к 1917 г. почти целиком прекратившаяся.

Если таково было положение производства новых машин, то положение мелких починочных и т. п. мастерских, деревенских кузниц было совершенно катастрофическим: за отсутствием металла и топлива и вследствие мобилизации они совершенно прекратили свою работу по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, что еще более ухудшало положение их.

Наконец, к этому необходимо прибавить почти полное прекращение импорта с.-х. машин, который давал перед войной ежегодно 9,7 млн. пуд. и покрывал до 50% всей потребности страны; в 1915 г. было ввезено всего 196 тыс. пуд., а в 1916 г.—391 тыс. пудов. Таким образом, благодаря сокращению внутреннего производства до 20—25% довоенных размеров, а ввоза до 4% довоенных размеров, могло быть удовлетворено только 8—9% потребности сельского хозяйства в с.-х. машинах. В результате, благодаря такой политике, не только была «почти утрачена весьма ценная отрасль промышленности» (Гриневицкий)—сельскохозяйственное машиностроение, но подтачивались основные производительные силы в сельском хозяйстве.

УДОБРЕНИЯ

Другие стороны капитальных затрат и оборудования сельского хозяйства пострадали не менее сильно. Так, начавшее развиваться перед войной применение искусственных минеральных удобрений резко сократилось. Из общего количества минеральных удобрений, употреблявшихся накануне войны в России, в 42 млн. пуд., до 31 млн. пуд. ввозилось из-за границы, преимущественно из Германии. С войной этот ввоз удобрений упал почти до нуля, внутреннее производство также сильно сократилось, благодаря чему в 1916 г. внутренний рынок располагал количеством, почти в 11 раз менее довоенной потребности (3,9 млн. пуд.). То же повторилось с улучшенными семенами, которые до войны ввозились в количестве свыше 3 млн. пудов, а во время войны ввоз упал почти до нуля.

СОКРАЩЕНИЕ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Основным производственным результатом этих неблагоприятных влияний была приостановка, а вслед за тем и сокращение посевных площадей. Хотя данные нашей и до-, и послереволюционной сельскохозяйственной статистики за последние годы подвергались крайним нападкам за их неточность, тем не менее, абсолютное сокращение посевной площади к 1916—17 гг. не подлежало никакому сомнению. По абсолютным размерам это сокращение было не столь значительно — к 1916 г.—79 167 тыс. дес. против 86 432 тыс. дес. в 1913 г., т.-е. менее на 8,4%. Но гораздо более важной представлялась неравномерность сокращения, при чем особенно сильно оно было в наиболее важных производительных и товарных районах. Приведем некоторые наиболее важные из них.

Районы	Посевная площадь 1913 г. (в тыс. дес.)	1916 г.	Сокращ. в %%
Юго-запад и Малороссия	10 409,4	9 590,5	— 7,9
Центр.-земледельч.	10 879,9	10 400,4	— 4,4
Средне-волжский	10 890,1	9 779,0	— 10,2
Новороссийский	15 371,2	13 325,8	— 13
Нижне-волжский	5 271,1	4 662,4	— 11,5
Северо-кавказский	7 120,2	5 422,8	— 23,8

Особенно значительным сокращение было на юге и юго-востоке. Юг потерял в военные годы внешний рынок, вследствие прекращения экспорта, внутренний рынок — из-за разрушения транспорта; здесь же в особенно острой форме сказывался также недостаток рабочей силы. Не менее важным обстоятельством было чрезвычайно неравномерное сокращение по отдельным культурам:

Культуры	Посевная площадь в тыс. дес. 1913 г.	1916 г.	Сокращ.—или увел.+ в %%
Рожь озимая	22 902,0	20 484,5	— 10,6
Пшеница озимая	5 341,6	5 823,9	+ 9,1
Пшеница яровая	20 781,6	17 180,1	— 17,3
Ячмень	9 565,0	8 874,6	— 7,5
Горох	721,4	435,9	— 39,6
Чечевица и бобы	390,0	289,7	— 35,7

Сократились посевы почти всех главных хлебов, но наиболее пострадавшей была яровая пшеница, занимавшая до войны одно из первых мест в хлебном экспорте.

ТЕХНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Очень резким переменам подвергались в годы войны посевы технических культур. Война вызвала значительное сокращение посевов льна — на 16,2%. Сокращение по отдельным районам доходило до 25,6% по Смоленскому, 20,2% по Вятскому и т. п.

Весьма резко сократились посевы конопли: в 1914 г.—592 642 дес., в 1916 г.—529 977 дес., т.-е. на 15,6%. Площадь картофеля сократилась с 2 797,5 тыс. дес. до 2 323,4 тыс. дес., т.-е. на 16,9%.

Площадь посевов сахарной свекловицы сократилась следующим образом:

Годы	Первоначальные посевы	Сохранившиеся
	в тысяч. десятин.	
1914—15	731,0	719,0
1915—16	683,1	660,8
1916—17	613,4	571,4

Плантаторы увеличивали за счет сахарной свекловицы посев зерновых хлебов, вследствие высоких цен на эти продукты. Кроме того, причинами понижения посевной площади являлся недостаток рабочих рук и перевозочных средств. Сахарные заводы теряли уверенность в нормальном поступлении свекловицы и переходили к посевам на собственной земле:

Годы	% посевов на земле:		
	Заводской	Плантаторской	
		Частной	Крестьянской
1914	39	34	27
1916	54	26	20

Общая площадь посевов хлопка несколько увеличилась, именно с 659 972 дес. до 790 311 дес. Но на ряду с общим увеличением площади хлопковых посевов, заслуживает серьезное внимание сокращение площади в Закавказье в связи с войной.

Таким образом, четыре года войны отбросили производственный уровень сельского хозяйства на много лет назад. За отсутствием рабочей силы и скота сокращалась посевная площадь. Полная изношенность усовершенствованного инвентаря и невозможность его ремонта и возобновления заставляли обращаться к самым примитивным и самодельным орудиям обработки почвы. Земля не только плохо обрабатывалась, но и не удобрялась, засевалась плохими, вырождающимися и засоренными семенами. Среди крестьянских полей все больше росли пустыри и заброшенные земли. Многополье и посевы технических растений забрасывались и переводились на зерновые культуры и трехполье; там, где было трехполье, оно превращалось в пестрополье и залежи. Для всякого наблюдателя становилось ясным, что производственная катастрофа в сельском хозяйстве неизбежна.

IV. РАСПАД РЫНКА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

РАСПАД РЫНКА

Не менее важное отрицательное влияние на сельское хозяйство должны были произвести те явления в области транспорта и рынка, внутреннего и внешнего, которые привели к полному разрыву рыночных связей, к продовольственному кризису и к продовольственной катастрофе.

Военные действия не только свели на-нет наш сельскохозяйственный экспорт, но и в связи с милитаризацией и полным расстройством транспорта разорвали внутренние рыночные связи производящих и потребляющих районов. Каждый из них стал жить своей собственной жизнью в пределах узкого

местного товарооборота. По подсчетам некоторых экономистов, до войны сельскохозяйственный рынок слагался на половину из внутреннего межрайонного товарооборота, 22% шло в пределах местного оборота, остальные 28% шли на внешний рынок. После войны внутренний местный оборот занимал уже 54%, внутренний межрайонный—40% и только 6% внешний. И в этом отношении, понятно, в наибольшей мере пострадали или районы экстенсивного зернового хозяйства, работавшие исключительно на экспорт, или районы интенсивных промышленных сырьевых культур, работавшие частью на экспорт, частью для внутренней промышленности.

Для районов юга и юго-востока, работавших в 60—75% всего их хлебного производства на внешний рынок, прекращение экспорта оказало особенно губительное влияние. Для льноводных районов северо-запада, вырабатывающих для внешнего рынка до 60% всего своего льна, для маслодельных районов Сибири, вывозивших столько же на внешний рынок всей выработки масла, прекращение экспорта означало необходимость ликвидации значительной части своего производства. В то же время транспортные и продовольственные затруднения приводили к тому, что северные районы, вместо прежнего развития интенсивных промышленных и сырьевых культур и интенсивного скотоводства, стали расширять площадь зерновых продовольственных культур, снабжение которых югом становилось все более недостаточным. Вместе с такой натурализацией сельского хозяйства, разрыв рыночных связей приводил к тому, что рынок перестал производить на цены сельскохозяйственных продуктов нивеллирующее влияние, и каждый район стал жить своими местными условиями сложения и движения цен.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Если принять во внимание, что до войны наш зерновой вывоз отнимал от народного продовольствия до 600—700 млн. пуд., то прекращение его не могло довести до продовольственной катастрофы.

Поэтому в первые месяцы войны в правительственных кругах не было и мысли о возможности продовольственных затруднений. Наоборот, считалось, что в связи с прекращением экспорта, остающиеся в стране хлебные избытки будут давить на рынок и сельскому хозяйству придется иметь дело с угрозой низких цен. В действительности, наоборот, как мы видели, цены стремительно пошли вверх и за одно первое полугодие возросли свыше 50%.

Однако уже в 1916 году продовольственная катастрофа была налицо. Причиной ее явилось не только указанное падение сельскохозяйственного производства, но и вся совокупность расстройства экономической жизни и продовольственно-снабженческая политика правительства. Направив все промышленное производство на нужды войны, правительственная политика лишала деревню снабжения товарами как производительного, так и личного потребления. Деревня переставала не только сеять, но и продавать свой хлеб, особенно когда с усиленным выпуском бумажных денег, ценность их стала падать. Уже к 1915 г. продовольственная катастрофа была ясно видна. В области продовольствия и регулирования сельского хозяйства и сельскохозяйственного рынка, в виду невозможности в обычных условиях справиться с затруднениями, возникает необходимость регулирования сельскохозяйственного рынка и снабжения путем развития таких же государственных монополий

и регулирующих организаций, которые были учреждены для регулирования промышленности и транспорта.

В августе 1914 г. на Главное управление землеустройства и земледелия было возложено снабжение армии продовольствием, при чем продукты закупались по «вольным» ценам. Но прогрессирующее расстройство рынка и затруднения в правительственных заготовках, внушавшие опасения за возможность бесперебойного снабжения армии, принудили правительство к вмешательству в рыночные отношения. Уже в феврале 1915 г. был издан указ, предоставлявший командующим войсками военных округов, по соглашению с местным губернатором и уполномоченным Главного управления землеустройства и земледелия и представителями госконтроля: 1) устанавливать запрет вывоза нужных для армии припасов; 2) устанавливать цены на покупку для нужд армии продовольственных и фуражных продуктов; 3) назначать, в случае отказа владельцев продуктов, по установленным предельным ценам реквизицию продуктов с понижением на 15%. Все эти попытки регулирования рынка и снабжения обесценивались, однако, отсутствием общего плана, что попрежнему угрожало полной дезорганизацией снабжения.

Поэтому в мае 1915 г. образуется в центре Главный продовольственный комитет, а в губерниях — губернские продовольственные комитеты, с губернаторами во главе. Наконец, в августе 1915 г., согласно проекту Государственной думы, учреждается «Особое совещание по продовольствию», хотя формально лишь с совещательными функциями, «для обсуждения и об'единения правительственных мероприятий по заготовке продовольствия и фуража для армии и флота, а также вообще по продовольственному делу», но с широкими, почти диктаторскими полномочиями председателя и его местных «уполномоченных»—губернаторов. С этих пор дело заготовок продовольствия населения (кроме армии, оставшееся у военной власти) переходит к правительству и частью к местным городским и земским самоуправлениям. Централизованным правительственным аппаратом было заготовлено в 1914—15 гг. 305 млн. пуд., в 1915—16 г.—502 млн. пуд., в 1916—17 гг.—540 млн. пуд. Другими словами, правительственные заготовки снимали почти полностью все товарное зерно, уничтожив свободный хлеботорговый рынок.

Однако такое положение далеко не свидетельствовало об успешности разрешения продовольственного кризиса и хода снабжения. Единообразного плана, как уже было упомянуто, не существовало. Это обстоятельство особенно ярко сказалось на способах выработки на местах такс. В одних местах таксировке подвергались розничные цены, в других—оптовые; в одних случаях таксы назначались только для городов, в других захватывали весь район; на ряду с установлением таксы по рыночной цене практиковалась выработка таксы согласно предположительной «себестоимости» продукта для торговца и т. п. Заготовки были основаны на системе твердых цен, которые при падении валюты и расхождении с ценами на промышленные товары далеко не удовлетворяли производителя.

Твердые цены во всероссийском масштабе впервые были установлены на овес. В связи с усиленным военным спросом цены на овес к 1915 г. достигли таких размеров, что на с'езде в июле 1915 г. уполномоченные м-ва земледелия приняли постановление о необходимости начать покупки овса по твердым ценам, обязательным для продавцов, под угрозой реквизиций. Тогда это, впрочем, не было санкционировано, но в августе 1915 г. Особое совещание вновь признало необходимым введение твердых цен на овес, которые

и были, наконец, утверждены в октябре 1915 г. Вслед затем твердые цены стали распространяться и на другие предметы продовольствия: в декабре 1915 г.—на рожь, в январе 1916 г.—на пшеницу, в феврале—на ячмень и ржаную муку и т. д.

Твердые цены устанавливались лишь для районов, где производились казенные заготовки, и лишь на покупки правительственных органов и учреждений. Для всех прочих сделок и районов оставлялись в силе «вольные» цены. Такая двойственность не могла не приводить к дальнейшей дезорганизации рынка. Влиятельные помещичьи круги, крупные помещики, особенно противились распространению твердых цен на все частные сделки, но все же катастрофичность положения снабжения армии и городов вскоре заставила прибегнуть к распространению твердых цен на все частные сделки. Вместо этого помещиками начата была кампания за повышение цен. При новом министерстве Риттиха в декабре 1916 г. были значительно повышены твердые цены при покупке хлеба для нужд военной обороны, сначала временно, но затем Особое совещание продлило повышение. Кроме того, повышение было проведено под видом изменения расчетов и установления твердых цен «франко—амбар», вместо «франко—станция».

И все это, однако, не могло иметь серьезных и реальных положительных результатов. К 1917 г. продовольственный кризис уже для самых неглубоких наблюдателей показывал, что речь идет не только о «хозяйственных затруднениях», но о крахе всей системы. Даже либеральная кадетская печать, устами «Русских ведомостей», приходила к заключению, что «вся частная торговая деятельность должна быть подчинена контролю государства, должны быть приняты принудительные меры извлечения продукта, хотя бы до общего секвестра и принудительного производства включительно. Возврат к свободе менового оборота до окончания войны невозможен». И действительно, после того, как частичные реквизиции тогда перестали помогать делу, в декабре 1916 г. решено было приступить к принудительной хлебной разверстке, в которую включено было 772 млн. пуд. хлеба. Но было уже поздно.

Все продовольственные мероприятия и сельскохозяйственная политика во время войны сильнейшим образом ударяли крестьянское хозяйство, при том именно наименее экономически сильные его группы, и, наоборот, в полной мере стремились поддержать помещичье хозяйство. Все это, однако, не помогало. Уже к 1916 г. был налицо в полной мере разрыв города и деревни, полная дезорганизация их рыночных связей, одинаково катастрофическая как для города, так и для деревни. Продовольственный кризис оказался сильнейшим и непреодоленным поводом для краха всей не только экономической, но и социально-политической системы.

V. ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДЕГРАДАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

До сих пор мы давали суммарные данные, свидетельствующие о значительной общей деградации сельского хозяйства в годы войны. Было бы, конечно, неправильным предполагать, что этим исчерпывалось влияние военной экономики на сельское хозяйство. При общем систематическом подтачивании производительных сил народного хозяйства, война, в особенности

в первые годы, создавала иллюзию накопления денежных богатств. Но даже это иллюзорное обогащение распределялось в деревне весьма неравномерно, залагая основы дальнейшего распада, деградации и диференциации сельского хозяйства.

Несмотря на прекращение экспорта и вопреки высказывавшимся ожиданиям, цены на сельскохозяйственные продукты, благодаря усиленному военному спросу и распаду рынка, в военные годы стали непрерывно расти. И к январю 1915 г. индекс хлебных товаров достиг 145, для сахара—115, для миткаля—120. В декабре 1915 г. индекс для главных хлебов достиг 174, для миткаля—160, для чугуна—129. И хотя в виду высокого урожая 1915 г. цены упали, но затём вновь стали быстро расти.

Повышение цен на сельскохозяйственные продукты создавало для деревни возможность увеличения и накопления денежных богатств. Известную роль имел здесь и целый ряд других обстоятельств военного времени, в виде получения пособий, вынужденного сокращения хозяйственного и личного потребления, вознаграждения за реквизиции, за поставку лошадей, скота, упряжи и пр. По подсчетам исследователей экономики военного времени, за два года войны крестьяне получили за поставку в казну лошадей и упряжи 450 млн. руб., в качестве пособий семьям запасных—925 млн. руб. (С. Н. Прокопович). Кроме того, вследствие прекращения казенной продажи водки крестьяне сохраняли около 540—560 млн. руб. ежегодно (С. А. Первушин). Часть накоплявшихся денежных средств оседала в государственных сберегательных кассах, в кредитной кооперации, создавая иллюзию роста деревенского «богатства». Так, вклады в государственных сберегательных кассах к концу 1916 г. увеличились деньгами до 3,6 млрд. руб. против 1,7 млрд. руб. на 1 января 1914 г., в процентных бумагах до 1,1 млрд руб. против 348 млн. руб., а всего до 4,7 млрд. руб. против 2,0 млрд. руб.

Все это и породило среди тогдашних официальных и неофициальных экономистов теорию «обогащения деревни», благодаря войне. Официально на это обращает внимание уже об'яснительная записка министра финансов к проекту государственной росписи на 1917 г., свидетельствующая о «сосредоточении в руках населения крупных свободных средств» и о «небывалых в истории сберегательных учреждений» размерах накопления.

Конечно, не требуется никаких доказательств для опровержения этого беспочвенного официального оптимизма. Достаточно указать, что до двух третей всего увеличения вкладов приходится на районы, ближайшие к фронту, свидетельствуя, что накопление шло от всякого рода военных поставщиков и посредников. Вообще на долю крестьянского населения приходилось в 1914 г. 16,2% вкладов в сберегательные кассы, в 1915 г.—23,5%. Далее, значительная доля роста вкладов приходилась на вклады крупных вкладчиков свыше 1 000 руб. (в 1916 г. свыше 28,5%). Наконец, очень часто это «денежное накопление» свидетельствовало лишь о вынужденном превращении хозяйственных продуктов и средств производства (скота, инвентаря) в обесцениваемые бумажные деньги.

Поэтому скоро даже официальным экономистам приходится разочаровываться в этой «теории обогащения деревни». Так, официальная «Торгово-промышленная газета», оценивая мнения об «обогащении» деревни войной и, с другой стороны, о разорении «капитальных ценностей» в сельском хозяйстве, признает вторую постановку вопроса «более глубоко подходящей к рассматриваемому явлению» и в заключении приходит к выводу, что

«наблюдаемый рост благосостояния деревни не является в большинстве случаев результатом повышения производительности хозяйства». К таким же выводам приходят, напр., кадетские «Русские ведомости», отмечавшие «глубокое внутреннее разорение при внешнем благополучии».

Правильность этих мнений подтверждалась множеством корреспонденций с мест. Приведем 2—3 иллюстрации, собранные в тогдашних обзорах прессы. Напр., из Нижегородской губ. писали: «Увеличение денежных средств—и то не у общей массы жителей деревни—нельзя считать за улучшение благосостояния крестьян. Обычные крестьянские постройки, вследствие дороговизны и отсутствия строительных материалов, недостатков рабочих рук у большинства домохозяев в деревне, не только не возобновляются, но и не ремонтируются; весь сельскохозяйственный инвентарь в забросе и вновь в большинстве случаев не пополняется». Из Калужской губ. писали: «Теперь в деревне не редкость туалетное мыло, металлические украшения и даже духи, между тем хозяйство в его целом уменьшается и падает». Из Самарской губ. писали: «Положение бедных крестьян в нашей местности в нынешнем году будет очень затруднительно, но богатые крестьяне наживаются и жиреют». Другие обозреватели приходят к правильному заключению, что «смешивать всех крестьян в одну кучу не годится... Одни быстро богатеют и усиливаются. Другие столь же быстро обессиливают и, если еще не вполне впали в кабальную зависимость от первых, то очень близки к этому... Если одни крестьяне тратят деньги на покупку вещей, то другие давно переобулись из сапог в лапти, возвратились к домотканине, рады, если вместо хлеба имеют отруби, перемолотые с корою».

В результате, война и особо губительные для деревни ее последствия в сильнейшей степени углубили экономическую диференциацию и расслоение крестьянского хозяйства. К сожалению, наша статистическая литература того времени не дает исчерпывающего освещения этого вопроса и потому приходится прибегать к исследованиям отдельных авторов, к отдельным иллюстрациям и пр.

Вообще структура крестьянского хозяйства в отношении, напр., такого основного средства производства, как лошади, по переписи 1917 г. для некоторых губерний представляется в следующем виде (в процентах):

Губернии	Безлошад.	С 1 раб. лошад.	2 лош.	3 лош.	4 лош.	5 л. и более
Тульская . .	30,1	34,6	26,3	7,2	1,3	0,5
Пензенская .	36,8	41,3	31,5	3,3	0,8	0,3
Оренбургская	19,2	20,9	22,7	14,7	11,3	11,2
Вятская . .	14,3	64,6	20,1	3,2	0,6	0,2
Вологодская	30,8	58,8	9,4	0,8	0,2	—
Ярославская	40,2	53,1	6,0	0,5	0,1	0,1
Петербургская	32,8	56,2	9,6	1,1	0,2	0,1
Витебская .	15,3	59,0	22,5	2,5	0,5	0,2

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий процент безлошадных и однолошадных хозяйств в таких губерниях, как Тульская, Пензенская, Вятская, Вологодская и др. Этот рост без- и малолошадности начался в первый же год войны. Так, в Саратовской губ. в течение 1914—15 гг. число безлошадных хозяйств увеличилось на 9,8 тыс. хозяйств (10,3%), в Вятской губ.—на 8,4 тыс. хозяйств. Наоборот, в той же губернии число 3—4-лошадных понизилось на 5,4 тыс. хозяйств; число хозяйств без работников увеличилось с 46,5 тыс. хозяйств, до 161,7 тыс., а с 4 работниками уменьшилось с 10,4 тыс. до 2,3 тыс. хозяйств.

Приведем затем наиболее полные данные, разработанные по этому вопросу А. И. Хрящевой.

Губернии	% хозяйств без посева 1910—12 гг.	% хозяйств без посева 1917 г.	% хозяйств без раб. скота 1910—12 гг.	% хозяйств без раб. скота 1917 г.
Тульская	4,2	6,5	29,5	30,1
Пензенская	св. нет	7.8	31,6	36,1
Симбирская	10,2	13,4	34,0	35,7
Калужская (Жизд. у.)	6,5	14,6	14,3	21,0
Новгородская губ. (Бел. и Тихвин. у.)	1,0	13,5	17,0	27,0
Тверская (Вышневол. у.)	14,6	16,5	18,2	19,8

Наконец приведем также некоторые предварительные данные, извлеченные из ведущейся в настоящее время в аграрной секции Комакадемии специальной разработки вопроса о подготовке и ходе аграрной революции. Сопоставление цифр переписи 1917 г. с предшествовавшими данными земских переписей по некоторым губерниям Центрального земледельческого района дает возможность получить следующие иллюстрации.

Возьмем выделенный в этой работе III тип хозяйств, связанных только с земледелием, без отпуска и без найма рабочих, т.-е. типичное среднекрестьянское земледельческое хозяйство. По 2 волостям, Абдуловской вол., Тульской губ., и по Кандеевской вол., Пензенской губ., имеем следующее изменение статистических показателей по переписям 1917 г., сравнительно с хозяйственными переписями 1910—13 гг.:

	Абдуловская волость 1910	Абдуловская волость 1917	Кандеевск. волость 1910	Кандеевск. волость 1917
% хозяйств в группе	29,1	78,4	51,6	73,0
% хозяйств без мужск. работник.	12,1	6,3	12,5	14,0
% хозяйств без скота	6,0	9,9	3,1	13,2
На 100 хоз. голов. раб. скота	130,7	119,7	144,5	124,3
% хозяйств, арендующих пашню	7,5	73,3	14,8	39,2

Возьмем из другой группировки по посеву основную группу среднепосевных хозяйств с посевом 2—10 дес.:

	Абдуловская волость 1910	Абдуловская волость 1917	Кандеевск. волость 1910	Кандеевск. волость 1917
% хозяйств. без мужск. работн.	61,5	66,7	44,8	47,9
% хозяйств без всякого скота	8,8	11,9	13,5	18,6

Цифры иллюстрируют несомненный факт как общего сдвига вниз крестьянского хозяйства за время войны сравнительно с довоенным, так и происходившую диференциацию даже в этой «средней» крестьянской группе.

Таким образом, отмеченные выше сдвиги, произведенные военной экономикой, быстро приводили, с одной стороны, к пролетаризации части крестьянства, с другой—к некоторому (хотя в значительной части «бумажному») обогащению другой. Указанное выше повышение цен на сельскохозяйственные продукты естественно могло принести выгоду только более мощным экономически группам деревни; наоборот, на малоимущие группы это повышение ложилось тяжким бременем. Напр., по бюджетному обследованию Харьковского о-ва сельского хозяйства в 1914—15 гг. в различных группах кре-

стьянских хозяйств отношение потребления к обороту (принятому за 100) зерновых хлебов было таково:

Группа	Сбыт	Потребление
До 2 дес.	100	173
2—4 „	100	75
4—6 „	100	53
Свыше 30 дес. . . .	100	12

Другими словами, низшие группы почти вдвое более покупали, чем потребляли, группы 2—4 дес. имели ничтожный продажный баланс и только высшие группы были заинтересованы в продаже и в высоких ценах. При том, необходимо отметить то характерное обстоятельство, что при общем истощении сельскохозяйственного инвентаря, недостатке рабочих рук, общем расстройстве экономики страны это накопление высших групп большею частью не могло итти непосредственно на расширение и на поднятие производства, а превращалось или в ростовщичество, или, в лучшем случае, шло в виде бумажно-денежных накоплений в государственные сберегательные кассы и т. п.

Мы здесь не останавливаемся (за отсутствием сколько-нибудь точных и полных данных) на судьбах помещичьего сельского хозяйства за время войны. В общем, они целиком вмещаются в изложенные выше тенденции, при чем падение производительности этих хозяйств сказалось еще в более сильной степени. Отсутствие рабочих рук, истощение инвентаря и средств производства, прекращение экспорта, разрыв рыночных связей—все это по понятным причинам должно было особенно чувствительно ударить по помещичьему хозяйству. Общее сокращение посевной частновладельческой площади уже к 1916 г. оценивается до 50,3%, по наиболее же хлеботорговым и экспортным губерниям—еще более. Так, в Херсонской губ. частновладельческие посевы в 1916 г. составляли уже всего 42,8% от довоенных; в Самарской губ. посевщики до 100 дес. сократили посевы на 23,9%, 100—300 дес.—на 26,6%, посевщики с 300 дес. и выше—33%.

VI. ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ КРИЗИС

Мы обрисовали в самых кратких чертах ход развития нашей предреволюционной экономики и развития капиталистических отношений в промышленности и в сельском хозяйстве в предвоенное десятилетие вместе с военными кризисом всего народного и государственного хозяйства, рынка и продовольствия. Для окончательного выяснения экономических предпосылок аграрного движения 1917 года необходимо ближе остановиться теперь на собственно земельных отношениях, на почве тупика и кризиса которых непосредственным образом и возникло аграрно-революционное движение, смывшее не только эти дореволюционные аграрные отношения, но, вместе с революционным движением промышленного пролетариата, и всю социально-экономическую и политическую систему.

Выше уже были указаны две главные особенности нашего капиталистического развития: с одной стороны, быстрый темп прохождения этапов капитализма и усвоения всех его социально-экономических отношений и свойств; с другой—наличность отсталых социально-экономических отношений и пережитков крепостнической системы, задерживающим образом вли-

явших на развитие капитализма и делавших его хилым и недостаточно прочным. Эти отсталые социально-экономические отношения в наиболее законченной и ясной форме и овеществлялись в тех земельных отношениях, которые со времени падения крепостной системы, видоизменяясь и приспособляясь к новым капиталистическим условиям, тем не менее почти до самого 1917 г. в значительной мере сохранили свою феодально-крепостническую сущность, чтобы только революцией быть окончательно сметенными.

ТИП РУССКИХ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Известно, что ликвидация в 1861 году крепостной системы была в то же время своеобразной, русской «чисткой» земель, экспроприацией значительной части их из рук непосредственного производителя-крестьянина, хотя бы и без строго проведенного «огораживания», на манер английского. Поэтому, хотя всем этим была расчищена необходимая почва для дальнейшего развития капиталистических отношений, тем не менее налицо не имелось и не было создано целого ряда других предпосылок, необходимых для быстрого и прочного развития капитализма и внедрения его не только в область промышленной, но и сельскохозяйственной жизни.

В результате, в нашем социально-экономическом развитии сохранились «своеобразные» черты, наложившие характерный отпечаток на все развитие аграрных отношений. Притом, если общехозяйственное наше развитие, вовлекаясь в мировое хозяйство и нивеллируясь с хозяйственным строем капиталистических стран, быстро приобретало технические их черты — наши аграрные отношения сохранили эти особенности своего «типа» вплоть до 1917 года.

Если «американский» тип аграрного развития почти не знал исторических пережитков феодализма и не вел с ними продолжительной борьбы; если во Франции революция смела эти пережитки, расчистив путь к буржуазным земельным отношениям с преобладанием мелко-предпринимательского хозяйства; если в Англии быстрый рост промышленного капитализма с сохранением земледельческим классом своей социальной и экономической силы привел к законченному отделению землевладения от земледелия и к созданию капиталистического фермера; если в Дании сравнительно слабое развитие промышленного капитализма привело к господству крепкого крестьянского хозяйства, экономически основывающегося не на внутреннем, а на внешнем рынке; если, наконец, в Пруссии «Der Ritter wird Landwirth», т. е. землевладельческое крупное дворянство сумело сохранить в своих руках не только право на землю, но и непосредственное участие в земледельческом производстве, рядом с достаточно прочным хозяйством мелкого крестьянина—в России ни один из этих «типов» не мог найти себе полного осуществления.

Прежде всего, российское земельное дворянство при запоздавшей ликвидации крепостного хозяйства сохранило себе значительную часть земельной собственности, а вместе с тем и всю свою социально-политическую и экономическую реакционную силу. Но вместе и рядом с ним была закреплена особая и также реакционная форма земельных отношений — своеобразная форма «владений мертвой руки»—сословный, стоящий вне свободного буржуазного земельного обращения, фонд «надельных», преимущественно на общинном праве, земель. В условиях нового хозяйственного строя, начинавшегося развиваться капитализма, обе эти стороны земельных отношений

должны были иметь реакционную экономическую роль. Всецело подпадая под власть этих новых капиталистических отношений и требований, они в то же время тормозили их развитие, не давая возможности ни поглощения крупным земледельческим или капиталистическим хозяйством мелкого, некапиталистического, крестьянского, ни превращения последнего в фермерское капиталистическое хозяйство, но в то же время надолго обусловив экономически-реакционную антагонистичность тех и других.

ИТОГИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ С 1861 ГОДА

Известно, что «чистка земель» 1861 г. привела к тому, что, не считая земель казны и уделов, вся остальная земля была разделена почти поровну между «надельным» и «частным» землевладением. По статистике «облагаемых» земель 1875 г. крестьянские «надельные земли» по 50 губ. Европейской России исчислялись в 100,97 млн. дес., составляя 32,7% всей площади, тогда как «частновладельческих» земель было 97,3 млн. дес., т.-е. 31,5%; из числа этих последних 76,6 млн. дес., т.-е. 73,5% всех частновладельческих земель, принадлежало дворянству только 5,3 млн. дес., или 5,5%,—крестьянам.

Вся главнейшая история земельных отношений с количественной их стороны сводилась к непрерывной потере «благородными лендлордами» их земель и к переходу их к крестьянству, к «чумазым лендлордам», к купечеству: к 1911 году дворянское землевладение сократилось до 43,2 млн. дес., крестьянское (товариществами, лично и обществами) возросло до 30,4 млн. дес. и купеческое—до 17,9 млн. дес.

Такой быстрой потери своих земель, какая постигла русский лендлордизм, не знали ни английский лендлордизм, ни прусское юнкерство. Закрепившее свои позиции в 1861 г. путем «внеэкономического принуждения», русское земледельческое дворянство не смогло и не сумело создать для своего дальнейшего землевладельческого существования ни в самом себе, ни в окружающей его экономике прочной экономической базы: оно не нашло ни крепкого капиталистического фермера, ни само не превратилось в капиталистического землевладельца-предпринимателя. Его социально-экономическая роль сводилась или к кабальной земельной эксплоатации массы малоземельного и маломощного крестьянства, или к постепенной ликвидации своих поместий на основе повышенной капитализации этих кабальных рент.

Другими словами, дворянское поместье в целом играло не «положительную» роль организационно-хозяйственной единицы в процессе капитализации сельского хозяйства, а на протяжении полустолетия в нем шел медленный процесс разложения и отгнивания докапиталистических, феодально-крепостнических по существу, отношений и форм. Разлагались остатки крупного феодально-крепостного поместья, концентрированного в руках непроизводительного общественного класса.

РАЗЛОЖЕНИЕ ЛАТИФУНДИЙ

Этот характер разложений крупного поместья передается даже нашей крайне неточной земельной статистикой. Если сравнивать цифры двух исторических вех, которые она дает, можно получить следующие сопоставления переписей 1877 г. и 1905 г.:

	1877 год		1905 год	
	% владений	% земли у них	% владений	% земли у них
До 50 дес. . .	77,6	4,6	79,1	7,3
50— 200 дес. .	11,5	6,2	12,4	9,9
200— 500 „ .	5,0	8,7	4,1	11,9
500—1000 „ .	2,7	10,1	2,5	11,7
Свыше 1000 „ .	3,2	70.4	1,9	59,2

Крепостные латифундии, составлявшие раньше одну тридцатую числа владений и обладавшие почти тремя четвертями всей земли, сократили свое число меньше, чем до одной пятидесятой, а размеры владений — менее, чем до двух третей. Эти разлагающиеся и отживающие полукрепостные латифундии стояли тем не менее поперек «прогрессивного» экономического развития всего сельского и в особенности крестьянского хозяйства, как массой своих земель, так и некапиталистическими кабальными способами их эксплоатации. По известным подсчетам Анненского, относящимся к 1890-м годам, распределение губерний Европейской России по формам эксплоатации частновладельческих земель было таково:

	Чернозем	Нечернозем	Всего
Губернии с преоблад. капиталистич. системы . .	8	10	18
„ „ смешанной сист. . . .	3	4	7
„ „ отработочной сист. . .	12	5	17
	23	19	42

Центром преобладания некапиталистических, полукрепостных форм эксплоатации своих имений являлись губернии Центрально-земледельческой полосы и среднего Поволжья, тогда как капиталистическая система преобладала на западе, юго-западе и юге.

Из приведенной таблицы распространения капиталистических (своим инвентарем, скотом и с помощью наемного труда) систем эксплоатации частно-владельческих имений видно, что эти системы все же преобладали в значительном числе губерний и в обширном районе. Техническо-индустриальные системы хозяйства (свекло-сахарное, винокуренное), интенсивные системы полеводства, интенсивное животноводство, усовершенствованный инвентарь и машинная обработка, исключительно денежная форма наемного труда в большей или меньшей степени, более или менее частыми оазисами встречались и даже преобладали в значительном числе имений Прибалтики, запада, юго-запада, юга. Капиталистическая организация повышала доходы поместного хозяйства, закрепляла его за предпринимательским дворянством, спасая его и от докапиталистических форм отработочной системы и от необходимости ликвидации. Одновременно с этим, однако, на громадном пространстве Центрально-земледельческих, средневолжских, частью нечерноземных губерний, сохранялись и преобладали кабальные аренды, отработки, отсутствие у помещиков инвентаря и скота и пр. Например, по данным оценок дворянского банка того же периода в черноземной полосе до 48,1% дворянских имений не имели вовсе скота, 49,0%—не имели инвентаря, 36,7%—даже построек. Это было не «хозяйство», а в чистейшей форме эксплоатация и присвоение прибавочного труда крестьян, на основе социального господства и принуждения.

РОСТ ИПОТЕЧНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Вместе с тем обнаружилась другая, неизбежная сторона влияния общих условий капитализма на земельные отношения — фактическое отделение через ипотеку права на землю, от непосредственного хозяйствования на ней. Вместе с ростом капиталистического предпринимательства и повышения доходности от него, непрерывно начинает возрастать и стремление к капитализации этих доходов через ипотеку. Ипотечная задолженность начинает быстро возрастать, доходя к началу XX века до 1,4 миллиарда рублей и покрывая до 45 млн. дес., т.-е. до 48% частновладельческой земли. Притом, это увеличение задолженности идет параллельно с преобладанием капиталистических систем хозяйства. Так, если сопоставить обремененность ипотечным долгом частновладельческих имений по трем упомянутым выше группам губерний с преобладанием капиталистических, смешанных и отработочных систем хозяйства, то получим следующую таблицу [1]:

	%% задолженных имений	%% принуд. прод. задолжен. имений
Губернии с преобладанием капиталист. системы	52,7	10,0
„ „ смешанной сист.	45,7	—
„ „ отработочной сист.	35,5	18,3

Отсюда видно, что ипотека наибольшее развитие и наибольшую прочность находила при наличности капиталистических форм хозяйствования. Наоборот, в районах некапиталистических (отработочных форм) ипотека находила и меньшее применение, и результаты ее были менее благоприятны — значительная часть имений за недоимки обращалась к принудительным продажам. И это несмотря на все льготы привилегированного дворянского поземельного кредита.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Невозможность капиталистически организовать хозяйство и неизбежность прибегать к экономически маловыгодным, несмотря на их кабальность, отработочным формам, открывала для некапиталистических групп помещичьего хозяйства другой путь выгодной капитализации и реализации повышенных рент — мобилизацию земли и продажу крестьянам своих имений. Поэтому в противоположность развитию ипотеки, мобилизация земли идет особенно быстро, повышаясь в губерниях с преобладанием отработочной системы. Процент мобилизованной земли ко всему количеству частновладельческой земли был (Ланде):

	1863/58	1868—77	1878—87	1888/97
Губерн. с капиталистич. системой [2]	8,5	26,4	31,5	30,2
„ с отработочной системой	10,0	30,8	34,6	30,0

---

[1] Подсчет на основании данных „Статистики долгосрочного кредита“ произведен в докладе по руководимому мною семинару в И. К. П. тов. Ланде. Из этого же доклада взяты приводимые ниже группировки по этим же трем группам губерний мобилизации земли (по материалам „Комиссии центра“) и друг.

[2] Без Минской губернии.

В результате таких условий дворянство быстро теряло свои земли и притом особенно быстро именно в тех районах, где сохранялись и преобладали некапиталистические земельные отношения и отработочные формы эксплоатации.

Всего со времени первого статистического учета земель в 1877 г. и до 1911 г. оно потеряло по 50 губерниям Европейской России до 33,4 млн. дес. земли, теряя в начале рассматриваемого периода ежегодно до 1% своей земельной собственности, а к концу до 2,25% ежегодно. Взрощенное и живущее за счет сохранения крепостнических пережитков и кабальных полукрепостных форм эксплоатации, дворянское поместное хозяйство в новых условиях капиталистического хозяйства не могло удержаться и принуждено было усиленно самоликвидироваться, с выгодой используя свое монопольное положение. Само разлагаясь, оно оказывало этим регрессивное влияние на все развитие сельского хозяйства.

ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Конечно, было бы неправильно предположить, что если таковы были исторические судьбы и социально-экономическая роль всего крупно-поместного дворянского землевладения, то этот процесс не был в нем диференцирован. Наоборот, даже из нашей, почти ничего не дающей в этом отношении статистики можно извлечь прямые доказательства глубокой диференцированности этого процесса разложения дворянского поместья.

Так, если произвести подсчет потерь земли дворянством, распределив его по тем же группам губерний с преобладанием капиталистических и отработочных систем, то получим следующие сопоставления (с 1875—1900 гг. по данным «Комиссия центра» за 1905—1911 гг. по данным статистики землевладения). Процент потери земли по отношению к владению 1875 г. был:

	к 1900 г.	к 1911 г.
Губернии с капиталистич. системой . . .	19,3	27,7
„ с отработочной сист.	35,8	48,0

Особенно усиленно поместное землевладение ликвидировалось в губерниях с преобладанием некапиталистических систем. По отдельным губерниям и районам этот процесс шел еще более усиленно. Например, в Центрально-черноземном районе только за одно пятилетие 1906—1911 гг. убыль дворянского землевладения достигла (свыше 23%, или 4,6% в год, в средневолжских губ. около 36% или 7,2% в год, тогда как в юго-западных за пятилетие всего 7,8%, в северо-западных—7,2% или в год всего около 1,5%.

Та же неодинаковость положения и участия в процессе мобилизации отдельных групп земельного дворянства видна из того, что, давая главную массу продавцов и продаваемой земли (до 80,4% всей земли в первое после реформы десятилетие и 60,9% к концу XIX века), дворянство тем не менее и покупало значительную долю мобилизуемой земли (51,6%) в первое пятилетие и 33,2% в последнее пятилетие). Притом, если оно в среднем продавало на каждую сделку имения по 224,9 дес., то покупало оно имения по 346,0 дес. (в среднем за 1863—92 гг.). Другими словами, одновременно с потерей земли и с разложением дворянского поместья шел процесс кон-

центрации земли в руках более состоятельных групп земельного дворянства.

Итак, исторические судьбы русского лендлордизма в течение 50-летия приводили его в преобладающей части к необходимости ликвидации его собственного хозяйства, путем ли ипотеки или непосредственной продажей земли. Недостаточность развития капиталистических отношений и условий производства приводила к трудности перехода всего землевладельческого класса на предпринимательские рельсы и к бо́льшей выгоде реализации своего монопольного привилегированного положения и своих кабальных рент путем продажи земель.

КАПИТАЛИЗАЦИЯ РЕНТ

С какой выгодой для себя капитализировались дворянством эти ренты иллюстрируют следующие цифры. Путем ипотеки частное землевладение получило на 1 января 1915 г. капитал в сумме 3.280,5 млн. руб., пошедших, однако, в минимльной степени напитализацию производства. Если принять во внимание, что при реформе 1861 г. помещичье землевладение было почти очищено от ипотечных долгов, путем перевода их и что особенно усиленно задолженность стала развиваться с 80-х годов, то станет ясным, насколько обильным источником получения капитала была капитализация повышающихся рент через ипотеку.

Не менее важным и выгодным источником была и мобилизация земли и капитализация рент через продажу земель. Цены на землю по нотариальным данным (вообще дающим сильно пониженные цены, но передающим довольно правильно относительное движение их) возвышались после реформы в таких размерах. В южных губерниях перед реформой средняя продажная цена по нотариальным актам была 11 руб. 34 коп., к началу XX века уже 123 руб. 97 коп., т.-е. возвысилась в 11 раз; в «малороссийских» губерниях цена повысилась с 17 руб. 76 коп. до 119 руб. 80 коп., т.-е. в 7 раз; в Центрально-земледельческом районе с 24 руб. 41 коп. до 96 руб. 11 коп. По другим источникам средняя по Европейской России цена 1 дес. увеличилась с 16 руб. во время реформы до 115 руб. в первое десятилетие XX в., а цена земли, покупавшейся через крестьянский банк, повысилась с 52 руб. в 1883—85 гг. до 82 руб. в 1900 г. и 135 руб. в 1912 г.

Другими словами, землевладельческое дворянство, потеряв за 35 лет до 33 млн. дес. или около 48% всех своих земель, не только получило за проданную землю изрядный капитал 1 500—2 000 млн. руб., но и повысило стоимость оставшейся у них земли, примерно с 1,4 млрд. руб. в 70-х годах до 2,3 млрд. руб. в 90-е годы, до 5 млрд. руб. к началу XX века и до 6,5 млрд. руб. ко времени накануне войны.

„КУПЕЧЕСКОЕ“ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Мы не будем останавливаться сколько-нибудь подробно на других сословных видах частного землевладения и подразделениях нашей прежней статистики, как потому, что главный узел социально-экономических отношений, складывавшихся вокруг земли, лежал в дворянском землевладении, так и потому, что и другие виды крупного частного землевладения носят тот же, в общем, характер. Приведем лишь некоторые цифры, характеризующие по-

ложение наиболее важного вида «капиталистического» землевладения—купеческого.

Для этого сословия баланс земельной мобилизации был положительный: начав приобретать земли только после 1861 г., купечество имело к 1905 г. 12,9 млн. дес., а к 1911 г.—17,9 млн. дес. Другими словами, за пять последних лет купечество приобрело почти половину того, что оно приобрело за предыдущие 40 лет. Наравне с таким ускорением земельных приобретений, шел и процесс концентрации земель; это видно из того обстоятельства, что в среднем на одну сделку купечество продавало 218,0 дес., а покупало 351,3 дес. Не пользуясь благами дешевого кредита дворянского банка, купечество тем не менее успешно приобретало землю, быстро сбывая ее со спекулятивными целями, но частью организуя на ней капиталистическое хозяйство. Но необходимо признать, что все же и «купечество», т.-е. класс капиталистов-предпринимателей, не создал у нас законченного типа крупной капиталистической организации сельского хозяйства. Продолжительное господство в нашей экономике торгового капитала и высокие прибыли процесса обращения долгое время отвлекали капитал от производительного приложения в сельском хозяйстве. А, кроме того, мрачное господство в этом последнем полукрепостнической эксплоатации, проводимой поместным дворянством, часто закрывало возможность капиталистической конкуренции.

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Обратимся теперь к рассмотрению земельных отношений того класса, за счет которого шла эта кабальная эксплоатация и земельное обогащение землевладельческих классов.

Помимо «надельного», неотчуждаемого, но и почти не увеличившегося (увеличивавшегося с 131,37 млн. дес. до 139,76 млн. дес. всех земель) земельного фонда, в крестьянское землевладение входила важная и все увеличивавшаяся часть «покупных» земель, размеры которых увеличились с 0,8 млн. дес. до 24,5 млн. дес. в 1905 г. и до 30,4 млн. дес. к 1911 г. Другими словами, этот добавочный земельный фонд даже в общей массе увеличивал крестьянское землевладение за 50 лет всего лишь немного более 25%.

Между тем, самый характер пользования основным надельным фондом предрешал быстрое и крайнее измельчание землепользования. Даже средняя для всей Европейской России цифра дает измельчание душевого землепользования с 4,8 дес. на душу в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 г., а в некоторых районах (юго-запад, часть земледельческого центра) оно доходило до 1,4—1,7 дес. на душу. Уже через 25 лет после реформы «уравнительность» общинного землепользования была совершенно опровергнута действительностью. Так, у бывших помещичьих крестьян размеры наделов были:

С наделом:	% общин.	% душ. о. п.
До 1 дес.	4,4	5,5
1—2 „	9,7	13,3
2—4 „	51,7	54,2
4—6 „	28,2	22,3
6—10 „	4,7	4,1
Свыше 10 дес. . .	0,8	0,6

Если к этому прибавить массу всяких безземельных, бездомовых и прочих категорий, созданных реформой, то станет понятным тот «земельный голод», который стал характерной чертой земельных отношений в деревне. По подсчетам некоторых экономистов (Мануилов), к 1900 г. число «карликовых» хозяйств в 1—2 дес. в черноземной полосе доходило до 995 тыс., а в нечерноземной до 2 706 тыс. Даже не считая массы оторвавшихся от земли хозяйств—безземельных, бездомовых, несеющих и пр. (число которых земскими переписями определялось в 90-х гг. до 4,7%, а в некоторых губерниях доходило до 11—12%), очевидно, какой значительный спрос на помещичью землю должны были пред'являть эти крестьянские хозяйства.

Этот земельный голод и спрос и явились тем источником, который, как указано выше, питал кабальные помещичьи аренды и высокие помещичьи доходы. По специальным исследованиям (Карышев), вненадельные аренды помещичьих земель по 50 губ. Европейской России определялись в 49,8 млн. дес. земли, т.-е. до 40% надельной земли, с уплатой аренды в сумме свыше 315 млн. руб. в год.

Отсюда видно, насколько помещичьему хозяйству были выгодны эти аренды. Даже при таких средних подсчетах, сглаживающих особенно тяжелые случаи «голодных» аренд, видна та колоссальная дань, которую ежегодно платило крестьянство поместному дворянству. Даже продажа земли по повышенным ценам через Крестьянский банк не была так доходна, как эта ежегодная дань в виде аренд. Многочисленные данные земских обследований крестьянского хозяйства так же, как многочисленные специальные литературные указания свидетельствуют, что чистая доходность земли у крестьян значительно, иногда на 25—50%, была ниже арендных плат.

Другими словами, «некапиталистическому» арендатору, голодному крестьянину, приходилось отдавать земельному собственнику не только полностью весь «прибавочный» свой труд, но и часть «необходимого» труда, снижая до голодного уровня свою «заработную» плату. Это обеспечивало помещикам их кабальную, высокую земельную ренту, но, с другой стороны, закрепляя пауперизацию населения,— ставило непреодолимую преграду к созданию «фермерского» хозяйства.

ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Конечно, как и в недрах дворянства и купечества, так и в среде крестьянства развитие земельных отношений проходило с глубокой диференциацией по отдельным группам. Уже развитие внутринадельных аренд и фактическое сосредоточение в руках сильных групп наделов и земли маломощных дворов опрокидывало все надежды и расчеты на «уравнительность» общинного землепользования. Отсутствие точных сводных данных лишает возможности привести исчерпывающие характеристики, но уже из известных подсчетов В. И. Ленина видно, что в исследованных им губерниях на долю 20% всех дворов приходилось 35—50% всей земли, а на долю 50% дворов — 20—30%.

Еще большее значение для образования крепкой земельной крестьянской буржуазии имели покупки вненадельной земли, из тех 33 млн. дес., которые продало «оскудевающее» дворянство. Из всех 30,4 млн. дес. земли, купленной к 1911 году крестьянством, только 4,6 млн. дес. составляли покупки «обществами», т.-е. с участием более или менее малоземельного крестьянства.

Наоборот, до 15,1 млн. дес. было куплено единолично, 10,7 млн. дес. товариществами, т.-е. в том и другом случае преимущественно «крупными» хозяевами.

Насколько, например, единоличные покупки создавали крупное крестьянское, часто настоящее «предпринимательское» хозяйство, видно из того, что за весь период из числа единоличных покупок было приобретено: покупками до 50 дес. на хозяйство—28,8%; 50—100 дес.—11,7%, 100—500 дес.—30,3% и свыше 500 дес.—29,2% всей купленной земли. В результате 64% всех «частных» земельных владений крестьянство обладало всего 9,4% купленной крестьянами земли, тогда как 4,3% наиболее крупных (свыше 100 дес.) владельцев сосредоточивали у себя до 54,7% всей купленной земли.

ПРЕПЯТСТВИЯ К ОБРАЗОВАНИЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ФЕРМЕРСТВА

Способствовало ли все это образованию капиталистического хозяйства среди «чумазых лендлордов» из крестьян и вело ли к образованию капиталистического фермерства?

Несомненно, что мелкая крестьянская буржуазия была в наибольшей мере способна обеспечить помещичьему землевладению капитализацию его выгодных кабальных рент. Поэтому-то характерной чертой мобилизации и является тенденция к максимальной парцелляции, имевшей место и проводившейся политикой крестьянского банка, конечно, не в целях обеспечения «малоземельного» крестьянства, а потому, что она была наиболее выгодна помещикам. Известно, что цена 1 десятины при продаже мелкими участками обычно во много раз превосходила цену крупных участков. Напр., в 1909 г. при сделках Крестьянского банка до 5 дес. одна десятина стоила 310 руб., при сделке свыше 500 дес. всего 71 р.

В то же время крупные покупщики из крестьянских лендлордов не отставали от благородных в том отношении, что, покупая «по дешевке» крупные родовые дворянские поместья, они не только вырубали в них «вишневые сады», но и парцеллировали их на меньшие участки, продавая тем же более мелким крестьянам. Поэтому, например, и среди единоличных покупок-продаж крестьян обнаруживается то же явление, которое мы видим в покупках других групп: более крупные размеры покупок (в среднем 31,5 дес. на сделку) и более мелкие размеры продаж (19,3 дес.). В связи с этим стоит и чрезвычайно высокий процент мобильности крестьянских единоличных приобретений: процентное отношение продаж к покупкам у единоличников достигает 65,9%, тогда как у общинников и даже у товариществ он не превышает 17,2%.

Во всяком случае, если принять во внимание, что только долг Крестьянскому банку за купленные (преимущественно дворянские) земли достигал к 1915 г. 1 268 млн. рублей, а с доплатою «верхов» и с другими частными долгами крестьянство должно было заплатить за купленные им 30 млн. дес. не менее 1 500—2 000 млн. рублей, то станет ясно, что эта цена землевладельческих рент не только ложилась тяжелейшим бременем на крестьянское хозяйство вообще, но и становилась непреодолимым препятствием капитализации сельского хозяйства и образования мелкого капиталистического фермерства.

Отвлечение таких колоссальных капиталов вело к тому, что даже более состоятельное крестьянство не могло рационально поставить свое земле-

дельческое производство и мало отличалось от примитивного хозяйства на надельной земле. Имущей части крестьянства было выгоднее заняться спекуляцией и земельным ростовщичеством по образцу своих «благородных соседей», сдавая по кабальным ценам свои парцеллированные поместья или распродавая их по повышенным ценам и закабаляя кредитом, выплатами и пр. середняка-крестьянина.

К этому необходимо добавить, что как на «частных»; прикупных крестьянских землях окружающие их кабальные земельные отношения с помещичьим землевладением препятствовали укреплению на них капиталистического хозяйства, так и в пределах надельного землевладения отсталые отношения общинного землепользования ставили преграду капитализации крестьянского хозяйства. Поэтому можно отметить ясный параллелизм развития некапиталистических отработочных систем и преобладания общинного землепользования.

Проводя, как и выше, сопоставление районов капиталистических и отработочных систем и распространенности общинного землепользования, получаем следующие цифры процента дворов с общинным и подворным землевладением (Ланде):

	% общинного землевл.	% подворного землевл.
Губернии с капиталистич. системой	52,6	47,4
" с отработоч. сист.	95,6	4,4

Поэтому-то «разрушение общины» стало не только лозунгом правительственной политики с тех пор, как была сделана ставка на «фермера», но и целью стремлений крепкого крестьянства, стремившегося освободиться одновременно и от кабальной земельной зависимости помещику и от такой же зависимости общине. Распределяя по тем же трем группам губерний ходатайства об укреплении земли в собственность и о выходе на хутора и отруба по закону 14 июня 1910 г. получаем следующие цифры (Ланде):

	% укреплений в собственность к общему числу дворов	% выходов на хутора к общему числу дворов
Губернии с капиталистич. сист.	67,9	27,7
" с переходн. сист.	59,7	17,7
" с отработочн. сист.	56,0	13,9

В процессе разрушения общины проявлялись как интересы капитализирующегося земледельческого хозяйства, так и настоятельная необходимость изживания отработочных систем, для выделения из их среды, с одной стороны, прочного «среднего» крестьянского хозяйства, с другой—освобождения избыточных рук в виде «свободных» пролетариев.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Таким образом, в течение полустолетия развития наших аграрных отношений слагались и окончательно определялись те основные противоречия их, которые привели к нарушению всей частновладельческой системы. Созданное на почве недостаточности развития капиталистических отношений и

на почве «внеэкономического» момента, социально-политического господства, русские аграрные отношения в течение полувекового своего развития дают картину, с одной стороны, медленного сгнивания и отмирания в них полукрепостных, кабальных элементов под влиянием развития в народном хозяйстве противоположных буржуазных тенденций; с другой—картину сильнейшего задерживающего влияния этих отсталых полукрепостных отношений на рост и развитие капиталистических элементов.

Получивши в свою «священную» собственность громадные пространства латифундий, крупных и мелких имений, русский лендлорд и юнкер не смог экономически освоить эту громадную массу земли ни непосредственно, организацией предпринимательского хозяйства, ни посредственно, через капиталистического фермера. Ни для того, ни для другого не только не было заложено никакой экономической основы, но, наоборот, вся система аграрных отношений сводилась к противоположной тенденции.

Поместное хозяйство с наибольшей выгодой могло реализовать свои доходы не организацией производства, а сниманием с производства избыточного «прибавочного труда» путем отработочной системы и кабальных земельных аренд. Чем менее развито было в том или ином районе вообще капиталистическое хозяйство, чем более сохранились пережитки крепостных отношений, тем более реакционно и губительно было это влияние поместного хозяйства и тем более оно подготовляло здесь свою экономическую и политическую катастрофу. Высокие арендные и земельные цены ложились в такой сильной степени «непроизводительными расходами» при организации хозяйства на фермерских или капиталистических началах, что они в корне подрывали возможность развития производительных сил. Полукрепостническая латифундия в этом росте арендных и продажных цен нашла наивыгоднейший способ не только неистощимой реализации своих рентных доходов, но и неизменного сохранения своей капитальной стоимости, несмотря на быструю количественную убыль. Мобилизация и ипотека разрушали латифундию, но сохраняли неистощимый ростовщическо-рентный доход ее владельцам.

Для всего народного хозяйства в целом это могло привести только к пауперизации массы населения. Процессы роста капиталистических отношений шли под тормозами социально-экономического гнета и реакционной социальной силы полукрепостного поместного землевладения. Вместо капитализации сельского хозяйства оно давало полукрепостную отработочную хозяйственную систему. Вместо свободного прилива средств к земледелию—снимало в свою пользу и ренту, и предпринимательскую прибыль, и часть заработной платы, оставляя только то, что граничило с голодным существованием непосредственного производителя. Вместо капиталистической пролетаризации населения—оно держало курс на пауперизацию масс, необходимую для возможности реализации своих монопольных рент. Ему же требовались отсталые общественные отношения в деревне в виде общины, сословной изолированности крестьянского землевладения, его неотчуждаемости, хотя все это стояло в противоречии с развитием производительных сил крестьянского хозяйства и всего народного хозяйства в целом.

В течение 45-летнего своего развития после ликвидации крепостного хозяйства эти отношения не только сохранились, но и развивались. Решение их исторической судьбы пришло не из среды их самих, а извне. Общие условия капитализирующегося народного хозяйства и промышленности потребовали новой ставки—ставки на укрепление и развитие капиталистических

отношений, на захват ими деревни. 1906 год явился тем поворотным пунктом, когда был решен новый путь и новый тип развития наших земельных отношений—по «прусскому» образцу, с сохранением части капиталистического поместного хозяйства и с насаждением рядом с ним «крепкого мужика», обеспечивающего землевладельцу капитализацию его ренты. Но этот новый экономический интерес капитализирующегося землевладельца сталкивался с реакционной социальной тенденцией земледельческого класса. Новый насаждаемый класс «крепких мужиков», мелких капиталистов свою социально-экономическую задачу мог выполнить лишь путем расширения своей земельной площади. Но эту землю он мог получить от того же крупного землевладельца, лишь капитализировав ему его кабально-ростовщическую ренту, отдав за нее тот капитал, который был необходим для организации хозяйства.

Таким образом, столыпинское преобразование аграрных отношений, открывавшее формальную возможность капитализации сел.-хоз. производства и развития их по новому «буржуазному» пути, не уничтожило их основного противоречия. Наоборот, столыпинская политика особенно ясно подчеркнула и вскрыла противоречие крепостнических тенденций крупного поместного землевладения не только социально-экономическим интересам массы малоземельного и безземельного населения, но и интересам капиталистических тенденций всего народного хозяйства в целом; не только противоречия между капитализирующимся «крепким мужичком» и малоземельным крестьянином, но и противоречия интересов этого «крепкого мужичка» с интересами реализирующего свою ренту лендлорда.

Все это предрешало не только незаконченный и безрезультатный характер знаменитой «буржуазной» реформы земельных отношений 1906—1910 гг., но определило гораздо более сложный характер отношений и сил в аграрной революции 1917 г. Бывший «крепкий мужичок», с одной стороны, выступил как действующая сила в ликвидации остатков феодальных латифундий, персонифицируя вместе с середняком и даже бедняком социально-экономический конфликт между помещиком и всем крестьянством в целом. Но, с другой стороны, и сам он, вместе с тем же помещиком, был сметен вместе со всей системой новой социальной силой и новыми социальными отношениями.

Полувековая история таких аграрных отношений есть история медленного сгнивания и разложения полукрепостнических, полуфеодальных по своей сущности отношений, созданных на основе социального господства одного класса и становившихся все в более глубокое противоречие с интересами развития производительных сил всего народного хозяйства и с интересами других классов. «Историческая катастрофа» господствовавших аграрных отношений была предрешена уже характером основ их, заложенных пятьдесят лет тому назад. Вот почему, анализируя их полувековую историю и экономику, мы можем теперь ясно видеть в них экономические предпосылки, соотношения сил, общий характер, даже географию и очаги аграрной революции 1917 года.

С. М. ДУБРОВСКИЙ

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО

МОСКВА 1928

I. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В настоящей статье мы вкратце остановимся на организации борьбы помещиков и кулачества против крестьянства. Органом, через посредство которого они вели эту борьбу, было Временное правительство.

«Временное правительство по своему характеру является органом господства помещиков и буржуазии, неразрывно связанных экономически и политически с русским и англо-французским империализмом, но в то же время опирается на доверие и до известной степени и на прямое соглашение с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, который объединяет сейчас заведомо большинство рабочих и солдат, т.-е. крестьянство». Так определила сущность Временного правительства апрельская общегородская конференция петроградской организации РСДРП(б) в резолюции по докладу Ленина.

Буржуазно-помещичья сущность Временного правительства отнюдь не менялась от вхождения в его состав «министров-социалистов» из руководящего меньшевистско-эсеровского состава соглашательских советов. Как писал Ленин [1] по поводу первой же коалиции [2], ее значение заключалось в том, что «верхушка крестьянской буржуазии и мелкобуржуазные вожди меньшевистских рабочих обещали капиталистам свое классовое сотрудничество.

Предположение Ленина целиком оправдалось. После вхождения меньшевистско-эсеровских лидеров во Временное правительство крестьянские организации, находившиеся в руках правых эсеров, начали в большом количестве выносить резолюции о поддержке Временного правительства, тогда как до этого преобладали весьма сдержанные, а то и отрицательные резолюции

Несомненно, буржуазия и помещики извлекли свою пользу из «коалиции». Показательны, например, случаи, когда в своих телеграммах Временному правительству помещики настаивали на том, чтобы циркуляры об охране их имущества подписывались «министрами-социалистами». «Циркуляры министерства внутренних дел без подписи министров-социалистов силы не имеют»,—пишут землевладельцы Самарской губернии [3].

Во всей своей деятельности или, точнее, бездеятельности, в земельном вопросе Временное правительство осуществляло интересы помещиков и крупно-

---

[1] Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 176.

[2] 5 мая в министерство вошли: с.-р. Чернов (министр земледелия), с.-р. Переверзев (министр юстиции), народный социалист Пешехонов (министр продовольствия), с.-д. Скобелев (министр труда) и с.-д. Церетели (министр почты и телеграфа).

[3] Телеграмма самарских землевладельцев от 2 июля 1917 г.

собственнического крестьянства. Именно эти слои составляли его классовую базу в деревне. Потому, прежде чем рассматривать его деятельность, остановимся на выяснении позиции крупных и мелких земельных собственников.

II. ПОМЕЩИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Помещики начали организовываться с первых же месяцев революции. Повсеместно стали создаваться союзы земельных собственников. Наконец, 20 мая в Москве было созвано учредительное собрание всероссийского союза земельных собственников. На нем присутствовало около 300 крупных и мелких землевладельцев, в том числе хуторян и отрубников от 31 губернии. Собрание вынесло резолюцию о необходимости всероссийского об'единения земельных собственников «во имя охраны от гибели (?) земледельческой культуры и сельскохозяйственной промышленности». Собрание предложило совету союза начать работу по организации на местах уездных и губернских отделов и поручило созвать в Москве всероссийский с'езд земельных собственников.

Все с'езды земельных собственников возглавлялись сановной дворянской знатью и бывшей высшей царской бюрократией. Во главе союза земельных собственников стоял бывший царский министр земледелия Кривошеин. Например, орловский с'езд в июне месяце прошел под председательством губернского предводителя дворянства князя Куракина, на другом с'езде фигурирует князь Гагарин и т. д. Вместе с союзом земельных собственников помещики создавали такие скрыто-помещичьи организации, как, например, «Союз освобождения земли»[1].

Помещики широко использовали печать, агитируя за свои интересы через все буржуазные газеты, которые дружно поддерживали помещиков. Далее, помещики проводили отдельные совещания в виде, например, «совещания общественных деятелей», которое было созвано в Москве 10 августа. Но самое главное—помещики имели своих непосредственных представителей в составе Временного правительства, прежде всего, в лице кадетской партии. Через нее же они оказывали воздействие и на соглашательские партии, которые не хотели рвать ни с буржуазией, ни с помещиками. Более того, можно указать непосредственную персональную связь Временного правительства с помещиками. Например, князь Львов поддерживал непосредственную личную связь с тульскими помещиками, где были имения его самого и его родичей. Во Временном правительстве сидели такие министры, как Терещенко, владелец имений с сахарными заводами, у которого самого в Курской губернии в июле потравили до 2 тысяч десятин посевов и лугов. Имели имения и другие члены правительства, которые также страдали от крестьянского движения. В октябре, например, крестьяне разгромили в Нижегородской губернии имение члена правительства Кишкина[2]. Далее, в аппарате министерства земледелия, в Главном земельном комитете, в министерстве внутренних дел и др. сидели надежные представители помещиков. Доста-

---

[1] „Пролетарская революция“, № 64 (5), ст. Шестакова, стр. 56. АОР.

[2] Фактический материал, на который в тексте нет особых ссылок, взят, главным образом, из хранящихся в архиве Октябрской революции сводок по крестьянскому движению. Эти сводки были составлены в 1917 году главным управлением милиции на основании донесений губернских и уездных комиссаров, писем и телеграмм помещиков и т. п.

точно указать, что до июля месяца товарищем министра внутренних дел, который на деле руководил министерством, был известный Леонтьев, помещик Ростовского уезда, Ярославской губернии, впоследствии ближайший сотрудник Щепкина по союзу «Возрождения» и «Национальному центру», активный деятель контр-революции. Далее, непосредственным выразителем помещичьих интересов был Временный комитет Государственной думы с Родзянко во главе, также крупным помещиком.

Ко всем этим лицам и обращались помещики со всевозможными жалобами, предложениями, проектами и тому подобными записками. Таких записок мы могли бы привести без конца, как из архива Временного правительства и личного архива Керенского, так, особенно, из архива князя Львова и Родзянко, непосредственно связанных с помещиками. В этих своих записках, подаваемых во Временное правительство, помещики жалуются на революционные действия крестьян и в то же время предлагают свои меры для борьбы с движением. Вот, например, выразительное письмо, полученное Родзянко от некоего Михаила Боборыкина 9 июня., «Я—помещик, и в моей голове как-то не укладывается, чтобы я лишился моей земли, да еще для самой невероятной цели: для опыта социалистических учений». Этот помещик считает, что «деревне нужна власть,—власть крепкая, сильная, опирающаяся на массы(?) и закон». Он требует, чтобы Временное правительство об'явило «право собственности в Российском государстве священным и неприкосновенным». «Идя навстречу стихийным стремлениям крестьян», этот помещик соглашается, чтобы «Временное правительство до Учредительного собрания взяло на себя посредничество по добровольной передаче (путем продажи самими помещиками) земельной собственности трудящемуся народу» [1]. Вообще показательно, что в своих заявлениях многие из помещиков идут на «соглашение» и на продажу земель. Так же, как и в наиболее острые моменты 1905 года, наиболее дальновидные из них предпочитали пожертвовать на наиболее выгодных условиях частью земель, чтобы сохранить остальное.

Всевозможные местные союзы земельных собственников сплошь и рядом, сообщая во Временное правительство о тех или иных революционных крестьянских выступлениях, требуют решительной борьбы с крестьянским движением и восстановления порядка.

Что касается программных требований помещиков, то в основном они сводились к требованию продолжения столыпинской реформы, именно—к частичной продаже помещичьих земель через посредство земельных банков в руки сельской буржуазии, к укреплению мелкой крестьянской собственности и к расселению деревни на мелкие участки-хутора и отрубы, как это и проводилось в жизнь при Столыпине. Именно в этом духе в основном высказывается как центральный, так и местные союзы земельных собственников.

Союзы земельных собственников решительно протестовали даже против тех весьма скромных аграрных проектов, которые вынуждено было подготовлять Временное правительство, в частности, они решительно возражали против ограничения земельных сделок.

---

[1] Архив Октябрьской революции. Дело № 78. Дело председателя Государственной думы по аграрному вопросу, лист 10 й.

Помещики деятельно участвовали в подготовке контр-революционного переворота генерала Корнилова, который держал связь с союзом земельных собственников.

Разумеется, деятельность земельных собственников вызывала резкий отпор со стороны крестьянства. Например, в Петроградской губернии в августе крестьяне разгоняют с'езды землевладельцев и арестовывают его представителей. Тоже имело место в Черниговской губернии и в ряде других.

Помещикам, разумеется, не удалось ни остановить, ни даже ослабить крестьянского движения. Единственно, им несомненно, удалось достигнуть того, что Временное правительство почти ничего не предпринимало для действительного разрешения аграрного вопроса и даже просто для подготовки аграрной реформы. Кроме того, несомненно, под давлением помещиков Временное правительство саботировало даже чрезвычайно умеренные меры по ограничению земельных сделок, по регулированию земельных отношений земельными комитетами и т. д.

III. МЕЛКИЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ И КУЛАЧЕСТВО

Помещики и крупная буржуазия понимали, что без опоры в самой деревне они ничего не могли бы сделать против крестьянства. Поэтому еще царское правительство в эпоху столыпинщины пыталось опереться в деревне на кулачество, для чего оно старалось всячески насаждать мелких земельных собственников и вообще укреплять сельскую буржуазию. Вот на этих-то земельных собственников и пытаются в 1917 году опереться помещики. Они их пытаются втянуть в общую организацию—в союз земельных собственников, ведут среди них широкую агитацию, стараясь привлечь их тем, что помещичья аграрная «реформа», с продажей помещиками по «добровольному» согласию части земель, как раз и была рассчитана на кулачество. Однако нужно сказать, помещичья попытка организовать сельскую буржуазию под своим флагом потерпела неудачу. Показательно, например, что мелкие земельные собственники, борясь как и помещики против крестьянского движения, в то же время стремились отмежеваться от крупных земельных собственников. При исключительной силе крестьянского движения им становилось очевидным, что вместе с помещиками неизбежна и их собственная гибель. Поэтому они стремятся за счет помещиков, по крайней мере, отстоять свое добро от крестьянской революции. Чрезвычайно интересно, что мелкие собственники стремятся сорганизоваться отдельно от помещиков, или, как говорилось в некоторых их резолюциях—«примкнуть к трудовому крестьянству». Вот, например, весьма интересный с'езд в сентябре мелких земельных собственников в Пермской губернии, описание которого мы заимствуем из местной газеты «Пермский Вестник» [1]. На собрании присутствовало человек 40. Делегаты явились от 9 или 10 волостей, тогда как повестки были разосланы в 528 волостей, при чем делегаты в большинстве явились не с какими-нибудь определенными полномочиями, а лишь «посмотреть и послушать, что будет говориться». На с'езде наметилось два основных течения: одно—«недоверчивое отношение к рабочим, стремление к изоляции от них и недоверчивое отношение к новому земству,

[1] „Пермский Вестник“ № 109 от 24 сентября 1917 г.

и другое—противоположное ему,—стремящееся слить крестьян и рабочих в одну семью». Но, замечает дальше газета, «как та, так и другая группы почти единодушны в своем желании отгородиться от крупных земельных собственников и кадет».—«Кадеты будут защищать лишь крупные землевладения, они пойдут против наших братьев, безземельных крестьян, и мы, поддерживая их, получим «проклятое слово» (проклятье. *С. Д.*),—говорили крестьяне собственники. Один крестьянин-собственник, владелец около 50 десятин, говорил: «кадеты никогда не ходили в армяках и в лаптях, и поэтому никогда не будут защищать наши интересы, ни один из нас не пройдет в Учредительное собрание, если нас будут защищать кадеты». Этот собственник высказывался за социал-демократов (меньшевиков): «партия социал-демократов, защищая интересы рабочих, защищает и нас. Откуда взялся рабочий? Дайте ему земли, он придет в деревню и перестанет харкать кровью. Социал-демократы у нас земли не отнимут». Оказывается, речь этого кулака, поклонника меньшевиков, имела довольно большой успех; было внесено предложение «отдать свои голоса тем из социалистов, кто не отрицает частной собственности на землю» (!). Это неожиданное, хотя и весьма показательное присоединение к меньшевикам можно об'яснить тем, что в Пермской губернии, при близости заводов, была тесная связь с рабочими, среди которых здесь в 1917 г. одно время были сильны меньшевики, пользовавшиеся влиянием даже в деревне. Ища «социалистов, которые были бы за собственность», с'езд отмежевывается от союза крупных земельных собственников, особенно от их июльского с'езда в Москве, на котором, по словам докладчика об этом с'езде, «были графы, князья, бароны». Отмежевываясь от помещиков, мелкие собственники еще резче отмежевываются от деревенской бедноты. С'езд был настроен явно против бедняцкой части деревни: «кто хочет все отнять, тот теперь на первом месте в обществе», собственники же являются «бросовыми людьми»,—раздавались голоса на с'езде. Собственники крепко держатся за свою собственность. «Своей земли,—говорили на этом с'езде собственники,—мы никому не отдадим. Легко расстаться с ней тому, кому легко досталась она, как например, помещику. Крестьянину же земля досталась тяжело».

Мелкие собственники, не желавшие связываться с помещиками, на второй день ушли со с'езда, осталась его правая часть. Поэтому в конце концов на этом с'езде победили кадеты. Однако этот с'езд весьма интересен тем, что часть его пыталась найти среднюю линию между крупными помещиками и крестьянством и, конечно, не найдя средней линии, пошла за кадетами, т.-е. за буржуазно-помещичьей партией. Выступления на с'езде весьма показательны для настроения тех мелких собственников, которые зубами держались за свою мелкую собственность, но в то же время были и против помещиков.

Крестьяне мелкие собственники не только в Пермской губернии, но почти повсеместно отмежевываются от крупных собственников. Так, например, мелкие собственники Рязанской губернии высказались против союза с крупными собственниками и за об'единение со всем крестьянством. Своей партией они признали партию социалистов-революционеров. Тоже самое имело место и в Саратовской губернии. Как мы читаем в газете правых эсеров «Земля и воля» от 6 октября, здесь мелкие собственники на одном из местных с'ездов постановили: «об'единиться всем мелким землевладель-

цам, общественникам и отрубщикам в одну могучую массу для защиты своих крестьянских интересов и придерживаться программы партии эсеров, так как только она одна является самой верной защитницей нашей, трудовых (?!) крестьян». Как видим, все кулаки охотно признавали эсеров своей партией. Мелкие собственники стояли, конечно, за неприкосновенность своих земель: «для того, чтобы между нами не было никаких споров и недоразумений, земля, нам принадлежащая, должна до Учредительного собрания оставаться у того, кто ей владел до сих пор». Только в случае «неспособности обработать эту землю» кулаки соглашались на то, чтобы сдать ее в земельный комитет, который будет нести все расходы, лежащие на земле, будет обрабатывать и платить владельцу арендную плату в том размере, какая будет назначена земельным комитетом»[1]. Очевидно кулаки надеялись на то, что последний их не обидит, тем более, что в Саратовской губернии был большой недосев и без сдачи в комитет земли бы пустовали.

Что касается обще-политических настроений кулачества, то для их характеристики приведем постановления украинских и кубанских мелких собственников, а также и казачества.

Украинские хлеборобы-собственники в своей декларации целиком поддерживали завоевательные цели войны, стояли за захват Дарданелл. Они протестовали против конфискации земель, решительно высказываясь «против социализма». Однако, как мелкие собственники, они возражали и против накопления земель у отдельных лиц. Хлеборобы-собственники были сторонниками выкупа, считая, что государство «легко найдет 12 миллиардов рублей, чтобы оплатить земельных собственников» и тем сможет не нарушать «справедливости» (!).

Не менее интересен проект программы Кубанского крупно-кулацкого союза хлеборобов, принятый на их с'езде 23—24 апреля 1917 г., в гор. Екатеринодаре. Этот союз выдвигал в качестве основного требования «наделение трудящихся хлеборобов землей из обще-государственного фонда, каковой образуется из земель казенных, кабинетских, удельных, монастырских, а также из отчуждаемых частновладельческих земель, превышающих максимальную норму». Интересно, что кулаки требуют, чтобы наделялись землею «все без исключения хлеборобы», т.-е. не только безземельные и малоземельные, но и кулаки. С'езд требует, чтобы земля была «передана в полную наследственную собственность».

Для настроения кулачества показательно, что оно уже протестует против первых мер по регулированию продовольствия. Кубанский с'езд хлеборобов протестует против твердых цен на хлеб, считая их «гибельными для сельского хозяйства». Он требует, «чтобы в продовольственные комитеты выбирались не потребители, а производители (!)». С'езд высказался «против двоевластия, за твердую власть»[2].

Наиболее реакционную часть кулачества составляли богатые казаки. Они представляли собою ту часть кулаков, которая своими привилегиями при царизме была тесно связана со всем старым строем. Реакционная роль этого казачества хорошо известна. В 1917 году из всех кулацких с'ездов казачьи съезды выносят наиболее реакционные резолюции. Например, собравшийся

[1] „Земля и воля“ № 155 от 6 октября 1917 г. Корреспонденция из Саратовской губернии Балашовского уезда „Земля и собственники“.

[2] Архив Октябрьской Революции. Дело № 78 Председателя Государственной Думы по „аграрному вопросу“.

7—8 июня казачий с'езд приветствует Родзянко и Керенского и заявляет о своей полной поддержке Временного правительства и призывает к борьбе против «анархии» (так называли революцию все контрреволюционеры). Совет союза казачьих войск просит Временное правительство отсрочить выборы в Учредительное собрание «ввиду вспышек большевизма, что не может обеспечить нормальные выборы», т.-е. выборы контр-революционеров. По земельному вопросу с'езд требует лишь передачи всех земель в области войска Донского в собственность казачьих войск. С'езд решительно протестует против деятельности земельных комитетов и требует их разгона. Нужно заметить, что в Донской области земельные комитеты использовались неказачьим населением («иногородними») для борьбы против крупно-собственнического казачества.

Как реакционная сила, казачество было главной опорой контрреволюции в 1917 г. Оно активно поддерживало Каледина в дни корниловского мятежа и позже составило основное ядро первых контрреволюционных белых армий, дав возможность сорганизоваться южной контрреволюции под предводительством генералов Каледина, Корнилова, Алексеева и др.

Подведем итоги. Приведенные примеры несомненно показывают стремление кулачества отмежеваться от крупных помещиков и слиться «со всем трудовым крестьянством».

Говоря о слиянии с последним, кулаки пытались затушевать ту пропасть, которая отделяла их от всей остальной крестьянской массы. В условиях необычайно сильной ненависти против всех эксплоататоров, только окрашиваясь «в защитный цвет» трудового крестьянства», они могли надеяться спастись от революции. Более того, в 1917 г. единство всего крестьянства являлось одним из условий, способствовавших руководству деревней со стороны его верхушки. Поэтому-то партия эсеров так упорно стояла «за единство всего трудового крестьянства», тогда как партия большевиков, организовывая бедноту и батраков, стремилась по мере назревания к этому условию к расколу крестьянства, т.-е. к отколу основной крестьянской массы от кулачества.

Что касается программных требований кулачества, то, как мы видели, все они были сторонниками мелкой земельной собственности, высказываясь за отчуждения крупной лишь выше определенной, не затрагивающей их нормы, да и то за выкуп.

Кулаки целиком поддерживали империалистические захватные цели войны, целиком стояли за поддержку реакционного Временного правительства, но не во главе с Керенским, а с Корниловым, за что целиком стояло казачество. Они высказывались за подавление всяческих революционных выступлений как рабочего класса, так и крестьянства. Имевшиеся разногласия с помещиками не изменяли их контрреволюционной сущности. Таких разногласий было довольно много в стане контрреволюции, поскольку ее носителями были различные слои от мелкой буржуазии до крупнейших капиталистов и родовой аристократии из помещиков-крепостников.

Разумеется, и в кулацком реакционном движении в 1917 году, так особенно в эпоху гражданской войны были свои существенные особенности, которые отличали такие кулацкие движения, как антоновщину, григорьевщину, махновщину и пр. Имевшиеся разногласия в стане контрреволюции не изменяли однако основного согласия в борьбе против революции. Кулачество в деревнях составляло главную силу контрреволюции. Именно его и стремилось использовать Временное правительство, как главную боевую силу

в борьбе против революции, в частности против крестьянского движения.

Если в своих охранительных задачах Временное правительство отражало интересы прежде всего помещиков, то в своей «положительной» программе при подготовке «аграрной реформы» Временное правительство прежде всего имело в виду кулачество. Именно в его руки в конечном счете должна была бы при победе контрреволюции перейти большая часть отчужденных земель, на что вынуждены были бы пойти и помещики и буржуазия под напором революционного движения.

IV. ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Поскольку Временное правительство являлось формой господства помещиков и капиталистов, т.-е. контр-революционных классов, основными его задачами были задачи охранительные—консервативные, именно задачи сохранения в неприкосновенности лишь с самыми незначительными поправками дореволюционных общественных отношений. Достаточно напомнить, что Временное правительство до сентября не решалось провозгласить республику. Предложение об этом неоднократно поднималось и снова снималось под давлением буржуазии и помещиков. Точно так же Временное правительство отказывалось от роспуска думы и Государственного совета. Более того, в особом совещании по выработке положения о выборах в Учредительное собрание с большим трудом прошло постановление о лишении избирательных прав членов царской семьи. Временное правительство оставило в неприкосновенности и весь царский чиновничий аппарат власти. Достаточно указать, что лишь 30 июня Временное правительство постановило упразднить должность земских начальников с передачей их судебных обязанностей временным судьям, а административных обязанностей уездным комиссарам [1].

Значительная часть губернских и особенно уездных земских управ и земских собраний оставалась без изменений, т.-е. целиком сохраняла свой прежний помещичий характер. Мало изменила положение дел и «демократизация» земств, поскольку власть на деле оставалась у прежних земцев и старого земского аппарата. На местах Временное правительство пыталось сосредоточить власть в руках местных губернских и уездных комиссаров.

---

[1] 29 июля 1917 г. в Известиях была напечатана следующая сводка М. В. Д. о состоянии земств после революции.

Относительно губернских земств поступили сведения по 26 губерниям. Из них в 8 состав гласных не изменился, в 16 пополнен новыми представителями демократизованных уездных земств и общественных организаций, в 2—совершенно заменен новым. Состав губернских земских управ в 2 губерниях весь заменен новым, в 11 губерниях управы пополнены, в 13—остались без перемены. Об уездных земствах сведения есть от 214 уездов. Прежний состав земских собраний остался в 39 уездах, в 115 уездах они были пополнены свыше, чем на 100% старого состава, в 16 уездах прежний состав заменен новым.

Демократизация осуществлялась различно: вводилось представительство от волостей, от земских служащих, от кооперативов, городов, крестьянского союза, Совета Рабочих Крестьянских и Солдатских Депутатов, а иногда представительство и других обществ и организаций.

Состав уездных управ остается без изменения в 46 уездах, в 100—они переизбраны или пополнены, в 67—целиком заменены новыми. (Цитирую по работе Владимировой. Хроника революции, т. III).

Последние в значительной своей части рекрутировались из буржуазно-помещичьих слоев; немало среди них было и черносотенцев.

Опираясь на старый аппарат власти, Временное правительство стаpалось опереться и на церковь, являвшуюся основной идеологической опорой прежней власти. Временное правительство рассылало циркуляры о неприкосновенности церковных земель и церковного имущества и всячески старалось сохранить церковь от какого бы то ни было воздействия революции. Все торжественные события и заседания, напр., открытие Государственного и Демократического совещания, производились при участии попов. Временное правительство содействовало организации черносотенного духовенства, созвавшего свой собор. Как курьез отметим, что в Временное правительство поступило даже предложение—об'явить через синод, что Керенский так же, как его предки, не крещеный еврей, а истинно русский и православный [1].

V. ДЕКЛАРАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ

Поскольку основой господства представляемых Временным правительством помещиков являлось крупное землевладение, главное стремление Временного правительства было направлено к тому, чтобы сохранить его неприкосновенность. Характерно, что в первой декларации Временного правительства от 8 марта совершенно умалчивается о земельном вопросе. Это об'яснялось тем, что крестьянское движение еще не началось; само же Временное правительство отнюдь не склонно было поднимать земельный вопрос. Нужно заметить, что в первые месяцы после февральского переворота Временное правительство, по отзывам лиц, близко к нему стоявших, весьма оптимистично (с своей точки зрения, конечно) смотрело на крестьянство. У отдельных его представителей было даже стремление на него опереться для противодействия рабочим советам. Когда же замалчивать аграрный вопрос дольше уж стало невозможно, Временное правительство в заседании 17 марта приняло «обращение к народу по земельному вопросу» [2]. В этом обращении, составленном в торжественных тонах и подписанном всеми министрами, Временное правительство откладывало разрешение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания, ограничиваясь пока обещанием подготовительных мероприятий. «Заветная мечта многих поколений земледельческого населения,—читаем мы в этом воззвании,—земельная реформа—составляет основное требование программ всех демократических партий. Она, несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», и тут же в воззвании добавляется: «земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо насилия или захвата. Насилия и грабежи,—поучает Временное правительство,—самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством». «Правительственное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и

---

[1] АОР. Дело Времен. правительства, № 64.

[2] АОР. Дело Канцел. Сов. Министров № 62/7 1917 г. по земельным вопросам. Извлечение из журн. Вр. Пр-ства 17/III—1917 г. Это постановл. времен. правит. было опубликовано 19/III—17 г.

т. д.».... «Считая своим неотложным долгом скорейшее выполнение подготовительных работ по земельному вопросу», Временное правительство «постановило: 1) признать срочной подготовку и разработку материалов по земельному вопросу; 2) поручить ее министру земледелия; 3) для означенной цели образовать при министерстве земледелия земельный комитет; 4) предложить министру земледелия в ближайший срок представить правительству проект учреждения такого комитета и исчисление сумм, необходимых для его работ».

Это обращение открывало собою целую серию аналогичных обращений, воззваний, циркуляров и т. п., основной смысл которых заключался в убеждении крестьян воздержаться от земельных захватов. Вот, например, другое такое типичное воззвание от 3 апреля к крестьянству Донской области, движение которого весьма тревожило реакционное казачество. Временное правительство в этом воззвании указывает на недопустимость самочинных действий населения в области разрешения земельного вопроса (запашки чужих полей, захваты чужих лугов, порубки войсковых и частновладельческих лесов и т. д.), так как «это опасно и вредно не только для всего населения области, но и для государства». «Опасно тем, что могут произойти нежелательные столкновения как между казаками и крестьянами, так и между крестьянами и помещиками. Вредно потому, что многие земли из-за споров могут остаться незасеянными. Нужно спокойно ждать созыва Учредительного собрания. На нем в первую очередь на разрешение будет поставлен земельный вопрос». «До созыва Учредительного собрания,—читаем мы далее,—надо спокойно заниматься своими делами, спокойно трудиться и исправно нести государственные и общественные обязанности, твердо памятуя, что только таким путем возможно сохранить завоеванную революцией свободу и победить внешнего врага»[1].

Одновременно с этим министерство внутренних дел, за подписью кн. Львова, и министерство земледелия, за подписью Шингарева, рассылает общие циркуляры о борьбе с аграрным движением. Например, один из них предлагает устранять «всеми законными средствами (не исключая и вызова воинских команд) аграрные беспорядки и посягательства на аграрной почве против личности и собственности граждан» (циркуляр кн. Львова от 8 апреля 1917 г.). Посылаются и отдельные распоряжения в связи с революционными выступлениями крестьян в различных губерниях. Таково, напр., постановление Временного правительства от 4 апреля по поводу «незаконных распоряжений» земельных комитетов в Раненбургском уезде, Рязанской губернии, а также в Казанской, Тамбовской и др. Одновременно с этими воззваниями и циркулярами, задачей которых было приостановить движение, издается постановление 11 апреля об охране посевов и 21 апреля—положение о земельных комитетах. Первым постановлением охрана посевов была возложена на местные продовольственные комитеты, которые должны были организовать контроль за отдельными хозяйствами. Местным комитетам, конечно, по соглашению с помещиками, было предоставлено право устанавливать размеры посевных площадей, следить за использованием отпущенных из государственных источников рабочей силы, инвентаря и орудий производства. При чем и здесь Временное правительство обеспечивало помещикам убытки «в случае насильственных (со стороны крестьян, конечно) порчи или истребления посевов». Это по-

[1] Авдеев—„Революция 1917 г. (хроника), т. I, стр. 181.

становление, несомненно, было продиктовано, с одной стороны, стремлением борьбы с продовольственным кризисом, с другой стороны, стремлением обеспечить помещикам возможность свободного хозяйничания «ввиду высокой важности для государства нормальной работы в помещичьих хозяйствах». Именно так старались использовать это постановление сами помещики. Более того, правительственные чиновники старались изображать спекуляцию помещиков при поставках на армию, как исполнение ими «патриотического долга перед отечеством». (Например, одно из дел главного управления милиции об аграрном движении носило следующее весьма показательное название: «Об арестах и самовольных действиях отдельных сельских обществ и волостных комитетов, лишающих землевладельцев (возможности) исполнить свой долг перед государством» (!)[1].

Однако, если помещики хотели использовать это постановление для охраны своих имений от крестьян, то крестьяне весьма удачно использовали его для захвата помещичьих земель. Крестьяне отбирали у помещиков скот, инвентарь и, вызывая этим недосевы, забирали затем помещичью землю в распоряжение земельных комитетов. Это вызвало со стороны Временного правительства издание особой инструкции (30 мая) к положению об охране посевов, по которой крестьянам запрещалось препятствовать владельцам производить посевы, отбирать у них землю и т. п. Однако, несмотря на это раз'яснение, министерство внутренних дел, на котором главным образом лежали заботы об охране помещиков, считало, что положение об охране посевов «дало большой произвол волостным комитетам»[2].

21 апреля Временное правительство издает положение об учреждении главного и местных земельных комитетов «для подготовки неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным Собранием»[3].

---

[1] Так называлось дело № 15 II отдела управления по делам милиции (АОР.)

[2] Докладная записка товарища министра внутренних дел Леонтьева от 29 июня 1918 г. № 3516 (АОР. Дело № 19. Материалы к работе Времен. правительства).

[3] Согласно положению, на Главный земельный комитет было возложено: а) общее руководство собранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями; б) составление общего проекта земельной реформы на основании собранных данных и всех соображений, какие будут представлены местными земельными комитетами. В задачи губ. и уезд. земельных комитетов входит: а) собирание необходимых для земельной реформы сведений, составление соображений и заключений по земельному вопросу; б) приведение в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам; в) издание по вопросам земельных отношений местных обязательных постановлений; г) разрешение местных вопросов, споров и недоразумений в области земельных отношений; д) приостановление действий частных лиц, направленных к обесценению земельных и сельских имуществ, и возбуждение перед Главным земельным комитетом вопросов об из'ятии таких имуществ и о наиболее целесообразном использовании их. Компетенция волостных земельных комитетов определяется уездными комитетами. В состав Главного земельного комитета входят: министр земледелия и его товарищи, председатель, 25 членов и управляющий делами комитета—по приглашению Временного правительства, представители губернских земельных комитетов, по одному от каждого; 6 представителей от Всероссийского крестьянского союза и Всероссийского совета крест. деп., представители от Врем. комитета Гос. думы, Всерос. сов. Р. и С. Д. и Всерос. кооперативного союза, по 3 от каждого; представители политических партий, по 1 от каждой (с.-д. больш., с.-д. меньш., с.-р. трудовиков, к.-д. прогрессистов, октябристов, группы центра, националистов и независимых правых); 5 представителей от крупнейших

В выпущенном одновременно воззвании по земельному вопросу Временное правительство вновь призывает население «воздержаться от самовольных действий в области земельных отношений» и «спокойно, в сознании своей ответственности за будущее нашей родины, готовиться к приходу истинного устроителя земли русской—народного Учредительного собрания, которое найдет справедливое решение земельного вопроса и установит новый земельный строй».

Таковы были в основном мероприятия Временного правительства первого состава (до коалиции). Все указанные мероприятия были проведены министерством земледелия, во главе которого стоял кадет Шингарев. Заместивший 5 мая Шингарева «селянский министр», с.-р. Чернов, не только не пошел дальше своего кадетского предшественника, но, как мы увидим дальше, именно при нем в деревнях начали систематически действовать карательные отряды. Кадетское министерство, конечно, само того не желая, своими постановлениями об охране посевов и организацией земельных комитетов, дало сильный толчок развертыванию крестьянского движения. Главные усилия Чернова были направлены на то, чтобы лишить крестьян возможности использовать эти распоряжения в целях организации и борьбы с помещиками. Достаточно указать, что декларация первого коалиционного правительства от 6 мая по земельному вопросу ограничивалась лишь общей фразой о том, что «впредь для решения Учредительным собранием вопроса о переходе земли в руки трудящихся оно примет меры к наибольшему производству хлеба для страны и к регулированию землепользования в интересах народного хозяйства и трудящихся» [1].

Одним из первых актов Главного земельного комитета уже при Чернове было издание декларации по земельному вопросу. Последняя лишь в общей форме говорила о том, что в основу будущей земельной реформы должна быть положена та мысль, что все земли сельскохозяйственного значения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения» [2]. Это было лишь ничего не значущим обещанием, с формулировкой которого соглашались и помещики, т. к. не указывалось, на каких условиях произойдет этот переход: с выкупом или без него, принудительно или «добровольно», вся или часть земли и т. д. Целью этого обещания было убедить крестьян, что «попытки самочинного удовлетворения населением своих земельных нужд путем захвата чужих земель представляют серьезную опасность государству».

Показательно, что Главный земельный комитет действовал в полном контакте с архи-реакционным охвостьем государственной думы. 20 мая «частное совещание членов государственной думы, заслушав сообщение члена государственной думы Шидловского о начале работ Главного земельного комитета, признало, что земельная реформа может быть проведена только

научно- экономических обществ и сведующие лица, приглашаемые председателем с правом совещательного голоса. В состав губ. зем. комитета входят: 4 члена избираемые губ. зем. собранием, и 1, избираемый гор. думой губернского города по 1 представителю от каждого уезд. земск. комитета, представители (не более 3) от экономических отделов губ. зем. управы, член окружного суда по избранию общего собрания отделений суда и мировой судья по избранию мирового суда, представитель министерства земледелия по назначению министра земледелия и сведующие лица. На таких же основаниях составляются уездные и волостные земельные комитеты.

[1] Авдеев, т. II, стр. 117.

[2] Там же, стр. 180.

Учредительным собранием и что всякие попытки присвоить себе в этом вопросе права Учредительного собрания вызовут в стране смуту» [1].

Первая же сессия Главного земельного комитета показала, что его большинство целиком стоит на позиции защиты помещиков от крестьян. Достаточно указать, что председатель Главного земельного комитета,—управляющий крестьянским и дворянским банками Посников,—в своей вступительной речи на открытии заседания Главного земельного комитета 19 мая,—агитировал за кадетскую аграрную программу: «Необходимо рассеять,— говорил он,—одно очень распространенное заблуждение, будто при предстоящей земельной реформе вся земля будет отнята у владельцев безвозмездно. Комитет должен заявить, что этого не будет. Такой безвозмездный захват земли был бы несправедлив по существу и повел бы к величайшим экономическим потрясениям». Не желая что-либо предпринять для действительного разрешения земельного вопроса, министерство земледелия и Главный земельный комитет в своих канцеляриях с привлечением реформистской, народнической и кадетской профессуры, начали производить мало кому нужные работы по изучению аграрного вопроса, по определению никчемных трудовых и потребительских норм наделения крестьян землею и т. п. Вместе с этим была предпринята в общем, конечно, полезная, но вовсе не обязательная для аграрной революции земельная и с.-х. перепись. Кстати сказать, и эта перепись была произведена из рук вон плохо, и больше затушевывала, чем выясняла, классовые отношения в деревне.

Характерно, что производство этой переписи Чернов рассматривал, как одну из основных задач в работе министерства земледелия. Это давало тогда основания говорить, что в лице Чернова выступает министр аграрной статистики, а не аграрной революции.

Сессии Главного земельного комитета обнаружили резкий разрыв между его контрреволюционным в своем большинстве составом в центре и довольно революционным на местах. Местные комитеты под давлением крестьян стояли в значительной своей части за захват помещичьих земель, переход в распоряжение местных комитетов скота, инвентаря и т. п.

Деятельность министерства земледелия и Главного земельного комитета выразилась лишь в таких скромных актах, как инструкция земельным комитетам от 16 июля, которая шла по общей линии борьбы с аграрным движением, и в запрещении земельных сделок, которое после большой борьбы во Временном правительстве, было наконец, принято 12 июля. Необходимость запрещения земельных сделок вызывалась тем, что помещики, опасаясь конфискации земель, частично начали продавать свои имения иностранцам, что, несомненно, затруднило бы последующее проведение намечаемой Временным правительством реформы, в виду его прямой зависимости от Антанты. Нужно отметить, что это постановление о запрещении земельных сделок было проведено лишь после ухода из Временного правительства кадетов во главе с кн. Львовым, которые, отражая мнения земельных собственников, решительно возражали и против принятия этого постановления. Остальные мероприятия Временного правительства носили совершенно безобидный характер. Напр., 28 июля было принято постановление об упразднении столыпинских землеустроительных комиссий, которые и без того сами собой отмирали. Кроме того, были отменены некоторые законы о крестьянском землевладении,

[1] Там же стр. 174.

землепользовании, которые также с революцией потеряли всякое значение. В остальном все оставалось неприкосновенным.

VI. БОРЬБА С АГРАРНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Главное внимание Временного правительства как в лице министерства земледелия, так и особенно в лице министерства внутренних дел, было направлено на организацию борьбы с аграрным движением. В тогдашней помещичьей и буржуазной печати, а также в многочисленных жалобах помещиков и помещичьих организаций обычным являлось указание на бездействие как центральных, так и, особенно, местных властей. Бездействие Временного правительства, конечно, менее всего об'яснялось его благодушием, и менее всего тем, что оно, по словам Милюкова, «еще не научилось подавлять революцию». Причины бездействия заключались в его бессилии. «Насилие над народом,—писал Ленин,—теперь невозможно». Этим и об'ясняется, что особенно в первое время Временное правительство и его местные органы пользовались методами «уговаривания» путем посылки в районы сильного движения представителей соглашательских советов и комитетов. Однако уже и в первые месяцы министерство внутренних дел, как мы указывали выше, предписывало местным комиссарам подавлять движение с помощью вооруженной силы. Это применяли, конечно, и проводили в жизнь местные комиссары Временного правительства. Как пишет, напр., один уездный комиссар из Саранского уезда, он рассылает в неспокойные места карательные отряды для «психологического воздействия».

При подавлении Временным правительством аграрных беспорядков обычно применялся комбированный метод. Во главе карательных отрядов посылались «уговаривающие», при чем сплошь и рядом отряды посылались в распоряжение управляющих имениями. Однако «уговаривающие» посылались лишь в первые месяцы после февраля, а затем, особенно осенью, действовала одна военщина. Об этом, напр., сообщают из Самарской губ., куда были посланы казаки и дикая дивизия. В Тамбовской губ., где в сентябре одновременно с продовольственными беспорядками в городе, вспыхнуло сильное движение в деревнях, действовали броневики и кавалерия. Нередко дело доходило до открытых расстрелов крестьян. Напр., в Казанской губ. в сентябре во время одного из столкновений крестьян с карательным отрядом было убито 7 человек. Опираясь на карательные отряды, помещики в целом ряде мест переходят в наступление против крестьян. Уже накануне Октябрьской революции в Казанской губ. помещики с помощью карательных отрядов вернули себе землю, отобранную было у них крестьянскими организациями. В Донской губ. и в некоторых других были разогнаны наиболее революционные местные комитеты. Милиция арестовывает всех «агитаторов», призывавших крестьян бороться против помещиков. Как сообщают из Новгородской губ. местные комиссары задерживают брошюры и листовки, в которых «разжигается классовая борьба». Все это, разумеется, делалось по прямым директивам из центра, в частности, директивам министерства внутренних дел, возглавлявшегося одно время меньшевиком Церетели, который в своих циркулярах (напр., в циркуляре от 22 июля), призывал губернских комиссаров «быть средоточием сильной власти».

Реакция настолько обнаглела, что, напр., в одной из западных губерний военно-революционный (?!) суд приговорил солдата к смертной казни за кражу яблок в помещичьем саду (!). Однако нужно сказать, что далеко не всюду Временному правительству с помощью карательных отрядов удавалось хотя бы на время подавлять движение. Сплошь и рядом, как сообщают телеграммы с мест, солдаты переходили на сторону крестьян, а милиция отказывалась исполнять приказы об арестах крестьян. Местные комиссары, обычно, жаловались, что их никто не слушает, что все мероприятия проводятся помимо них. «Мы тебя выбрали, мы тебя и выгоним», — нередко кричали крестьяне комиссарам.

В ответ на решительные циркуляры из центра некоторые комиссары особенно осенью заявляют о своей беспомощности в борьбе с движением. Например, Нижегородский губернский комиссар в октябре в письме в министерство внутренних дел просил освободить его от должности и предлагал самим представителям министерства приехать на место и провести в жизнь свои решительные требования по борьбе с крестьянским движением.

В сентябре—октябре 1917 г. Временное правительство организует в губерниях, где было сильное движение, особые комитеты, на которых было возложено «принятие неотложных мероприятий по ликвидации возникающих на местах недоразумений и ограждение порядка и законности в сфере земельных отношений». В состав комитетов вводились представители ряда местных организаций и в качестве представителя центральной власти управляющий казенной палатой и прокурор окружного суда, т.-е. в большинстве случаев царские чиновники. Эти комитеты должны были выполнять ту же роль, что в 1905 году особоуполномоченные генерал-ад'ютанты, посылаемые из центра для подавления крестьянского движения.

Однако в сентябре-октябре движение достигает такой силы, что Временное правительство понимает невозможность бороться с ним одной лишь вооруженной силой. В этот период целый ряд местных организаций и даже местных губернских комиссаров ходатайствует перед Временным правительством о передаче всех земель в распоряжение губернских комитетов. Такое, напр., требование в октябре 1917 г. было предъявлено из целого ряда поволжских и центральных черноземных губерний. Напр., Саратовский губернский комиссар в октябре настаивает на немедленном объявлении национализации земли. Эти требования исходили из тех простых соображений, что крестьяне не громили те имения, которые находились в распоряжении местных комитетов. Даже с точки зрения помещиков в этих условиях передача земли местным комитетам была одним из средств сохранить имения до «лучших времен», т.-е. до тех пор, пока не укрепится реакция и крестьянское движение не будет разгромлено, на что тщетно надеялись помещики. Именно этим и объясняется, что в сентябре-октябре министерством земледелия, находившемся под руководством эсеров П. А. Вихляева и затем С. Л. Маслова, разрабатывается положение о передаче земель впредь до Учредительного собрания в распоряжение местных земельных комитетов. В то же время Временное правительство пытается урегулировать в интересах помещиков деятельность земельных комитетов. В повестке дня последнего заседания Временного правительства 24 октября в 9 часов вечера, «в Малахитовой гостиной Зимнего дворца» одним из пунктов значилось—«правила

об учреждении земельных комитетов»[1]. Но на другой день произошел переворот, и через день были изданы не «правила», а принят декрет о земле.

Деятельность Временного правительства в области земельной на этом окончилась.

Представление о том, к чему бы она привела, если бы не была своевременно прервана Октябрьской революцией,—дает, с одной стороны, программа русской контрреволюции Колчака, Деникина, Врангеля, Архангельского правительства и других, которые, хотя и вынуждены были обещать частичную передачу земель в «трудовое землепользование», но на деле жестокими порками, расстрелами крестьян и бомбардировкой целых деревень восстанавливали в правах изгнанных крестьянами помещиков.

Какие же «земельные реформы» проводит победившая контрреволюция, прекрасно доказывает опыт тех стран, в которых господствующим классам удалось подавить рабочее и крестьянское движение, но которые все же вынуждены были пойти, хотя и на куцые «земельные реформы». В некоторых из этих стран, как, напр., в Румынии и Прибалтийских государствах, хотя значительная часть имений, особенно русских и немецких помещиков была отчуждена, земля большей частью попала в руки кулачеству. В других—как например, в Польше и Венгрии—большая часть земли была оставлена в руках помещиков, здесь правительства только содействовали «добровольной» продаже помещиками через посредство банков незначительной части земель кулачеству, проводили, так называемую, парцелляцию.

Как видим, недаром Временное правительство всячески откладывало разрешение вопроса до Учредительного собрания. Оно стремилось выждать время, рассчитывая, что ко времени созыва Учредительного собрания, может быть, утвердится буржуазно-помещичья власть, и решение аграрного вопроса будет проведено с наименьшими потрясениями для помещиков, как это, например, предлагалось в аграрных программах буржуазно-помещичьих организаций и партий и прежде всего, в аграрной программе кадетской партии.

[1] АОР. Дело № 19. Материалы к работе Временного правительства.

Я. А. ЯКОВЛЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1917 ГОДА

МОСКВА 1928

В марте 1917 г. начинает развертываться аграрное движение. Число случаев его в марте еще невелико. Почти одну четвертую часть всех случаев аграрного движения в марте составляют разгромы (в том числе одна треть поджогов).

В следующие месяцы аграрное движение непрерывно растет, приобретая все более организованный характер. Апрель, май, июнь и даже июль дают невиданный в истории пример развертывания крестьянской борьбы за землю в условиях своеобразной легальности. У крестьянина было настолько сильно доверие к буржуазии, доверие к правительству буржуазии, что он пытается уложить (бессознательно в своих массах, а сознательно в своих эсеровских верхушках) борьбу с помещиками в рамки закона. Движение растет из месяца в месяц. Если в марте им было охвачено только 34 уезда, то в апреле им уже охвачено 174, в мае—326, в июне—280, в июле—325 уездов [1].

В «сведениях» Главного управления по делам милиции за июнь имеются указания на 383 помещичьих имения, явившихся объектом аграрного движения; кроме того, за тот же июнь в «сведениях» имеется 133 сообщения об аграрном движении, направленном против помещиков, без точного указания на количество имений и их местонахождение. Природа этого движения определяется не разгромами. Во все эти месяцы преобладают совершенно своеобразные, в истории невиданные, способы «мирной» борьбы с помещиками, вытекающие из крестьянского доверия к буржуазии и к правительству буржуазии. Крестьяне пытаются выжить помещиков из их гнезд мирными способами. Наиболее характерно для этого периода крестьянских иллюзий, крестьянской стихийной веры во Временное правительство,—значительное распространение разных способов дезорганизации крестьянами помещичьих хозяйств. Крестьяне дезорганизуют хозяйства, лишая помещика рабочей силы, прекращая уплату арендных денег, выселяя, сменяя и терроризируя администрацию имений, запугивая самого помещика, лишая его возможности распоряжаться своей землей, своим хлебом, своими орудиями, своим лесом, своим сеном и своими дровами.

Совершенно своеобразный характер носят в это время захватные формы движения. Захваты земель в очень значительной мере носят характер запрещения помещикам пахать и сеять, а затем собирать урожай. Захваты лугов развиваются в значительной мере в форме запрещения косить, а затем продавать сено. Захваты лесов выступают под прозрачной маской

[1] Приводимые в этой статье цифры взяты из подготовляющейся мною „Истории Октябрьской Революциии“, для которой были статистически разработаны „сведения Главного управления по делам милиции с сообщениями о крестьянском движении за март—октябрь 1917 г.

запрещения рубить лес, вывозить лес, продавать и покупать его. Захваты инвентаря скрыты под псевдонимом принудительной его «покупки» по исключительно дешевым ценам, на ряду опять-таки с запрещением помещикам покупки и продажи. В то же время и арендное движение носит в значительной мере характер такого же скрытого легального или полулегального захвата. Снижение арендной платы по постановлению комитета или по постановлению крестьянского собрания, установление совершенно ничтожных размеров арендной платы, самочинный отказ от внесения арендной платы, постановление о взносе арендной платы не помещику, а комитету или казначейству—все это были скрытые формы захвата, соответствующие периоду крестьянского доверия к правительству и эсерам.

Не надо думать, что в эти месяцы не было и прямых захватов. Прямое захватное движение не только имело место в эти месяцы, но больше того,—его роль и вес растут из месяца в месяц. Но для понимания того, что представляло собою аграрное движение в первый период Февральской революции, существенно не это. Существенно то, что стихийное доверие к буржуазии определяло преобладание в эти месяцы таких форм движения, которые по крестьянскому пониманию не противоречили законам и намерениям правительства. Крестьяне «доверяли» правительству, крестьяне в тысячах резолюций заявляли правительству о доверии и поэтому... брали землю без прямой войны с помещиками.

Крестьянское доверие к буржуазии оформляли эсеры, возглавлявшие стихийно-складывавшиеся в селах и волостях органы крестьянской власти, в лице земельных, продовольственных комитетов и исполнительных комитетов Советов. Эти органы крестьянской власти не только отражали крестьянское доверие к Временному правительству, но оформляли это доверие и использовали его, в особенности в верхних звеньях комитетов, для организации сделок с помещиками. Эти органы крестьянской власти, опираясь на силу закона, толкуют при этом каждый закон, как разрешение правительства выживать помещиков на условиях, которые диктовались тем, что помещики не могли в то время оказать крестьянам серьезного сопротивления.

Крестьяне доверяли эсерам, и больше того—эсерам удается охватить своими организациями и своим влиянием все растущее аграрное движение. К июлю аграрное движение достигает исключительного уровня организованности. Оно становится в преобладающем количестве случаев движением, открыто возглавляемым всей системой эсеровских организаций, захвативших в свои руки крестьянские комитеты и советы.

Это было движение, в котором лозунг за правительство обязательно сочетался с лозунгом за землю. В том, что это сочетание было повсеместным, всеобщим, обязательным, была заложена обреченность правительства буржуазии, в том, что это сочетание было организовано внизу, в селе, партией социалистов-революционеров,—была заложена обреченность этой партии.

В июле Временное правительство и меньшевистско-эсеровские центры пытаются реализовать свою победу над петроградскими рабочими и организовать решительное подавление аграрного движения.

Начиная от правительственных циркуляров, требовавших категорического предания суду виновников какого бы то ни было нарушения прав помещика, кончая карательными отрядами,—все было поставлено на службу помещикам. Ведь в июле и августе Керенскому и Церетели предстояло доказать буржуазии, что ей не надо искать лучших слуг. И вот результаты.

Июль уже сразу вскрыл ахиллесову пяту июльской диктатуры. У нее было достаточно сил для установления буржуазного порядка в Петрограде и в отдельных частях армии, но у нее нехватило сил для внесения такого же «порядка» на фабриках и заводах; у нее нехватило сил для того, чтобы подавить движение крестьян, охватившее всю страну.

В июле движение по территории даже выросло по сравнению с июнем: число уездов, охваченных движением, увеличилось до 325 вместо 280 в июне. Число же имений, охваченных аграрным движением, снизилось лишь до 503 вместо 516 в июне.

В июле же, несмотря на то, что в деревню начала докатываться новая политика Временного правительства, движение в основном еще сохраняет свой доиюльский характер.

Мирные, легальные и полулегальные формы движения, скрытые формы захвата, рожденные условиями первых месяцев революции, крестьянским доверием к буржуазии,—еще преобладают. Но уже налицо некоторые признаки перелома, некоторые признаки начала конца доверия крестьян к буржуазии.

Впервые несколько выросло значение разгромов в аграрном движении июля, в то время как до сих пор доля разгромов в аграрном движении падала.

Одновременно некоторый рост противоправительственного движения при падении доли случаев дезорганизации крестьянами помещичьего хозяйства свидетельствовал о том же—о начале перелома.

Но все же июльского опыта оказалось еще недостаточно для того, чтобы разрушить в корне свойственное крестьянину, как мелкому буржуа, стихийное доверие к буржуазии. Лучшим свидетелем этого является тот факт, что именно в июле крестьянское движение достигает максимума организованности, что именно в июле эсеровская партия захватила, как ни в один из предыдущих месяцев, крестьянское движение в свои руки.

В июле на 100 случаев неорганизованного движения приходится 120 случаев организованного крестьянского движения вместо 86 в июне, 67—в мае, 33—в апреле и 6—в марте. В сопоставлении с распыленностью крестьянских масс, 120 случаев организованного движения на 100 неорганизованного были свидетелем огромной силы охвата крестьянского движения крестьянскими организациями. И именно этот охват поставил партию эсеров в непримиримое противоречие с крестьянством. Внизу, в лице своих низовых звеньев, партия эсеров была вынуждена крестьянами выступить в качестве партии аграрного движения (правда, использующей свою силу для того, чтобы вложить это движение в рамки легальных и полулегальных форм). В своих верхних звеньях, в лице своего центрального комитета, в лице правительства, во главе которого стоял эсер Керенский, эсеровская партия стала партией беспощадной расправы с аграрным движением. Расправа с движением, организуемая правительством эсера Керенского, встретила внизу огромное препятствие в лице крестьянских масс, возглавляемых крестьянами, именующими себя эсерами.

Из этого противоречия при июльском соотношении классов в стране мог быть только один выход. Это—уничтожение эсеровской организации, как крестьянской организации. Это—разрыв верхов эсеров с низами. Это—уничтожение того наиболее могущественного орудия и средства связи с массами, которое имела буржуазия в лице партии социалистов-революционеров.

Август не замедлил показать, что именно таков будет выход.

В августе буржуазии удалось достигнуть некоторых дальнейших успехов в подавлении движения.

Число уездов, охваченных движением в августе, уменьшилось на 11,4% против того, что было в июле, число имений, охваченных движением—на 33,0% меньше июльского.

Формально успех был налицо (не даром, значит, работали карательные отряды, губернские комиссары, уездные комиссары, центральные и губернские комитеты меньшевиков и эсеров, дополнявшие действия карательных отрядов елейными словами увещаний). Но сколь формальной была эта победа, какой ценой она была достигнута!

В августе мы впервые отмечаем огромное падение уровня организованности аграрного движения. Вместо 120 случаев организованного движения на 100 случаев неорганизованного в июле, мы имеем в августе 62 случая организованного движения на 100 случаев неорганизованного. Падает уровень организованности не только таких форм движения, как разгромы. Падает уровень организованности и наиболее мирных-«легальных» форм движения. Даже такие формы движения, как арендное и движение с.-х. рабочих, ускользают от воздействия крестьянских организаций.

По эсеровскому товару была и крестьянская цена. Выступив в лице правительства и своих центров против аграрного движения, эсеры неизбежно теряли руководство крестьянскими массами.

Крестьянское движение, впервые за время Февральской революции, характеризующееся падением организованности, в то же время значительно более четко, чем это было в июле, сменяет легальные и полулегальные формы борьбы такими формами, которые приближаются к типу гражданской войны. Продолжают свой рост в августе доля разгромов и доля противоправительственного движения. Отступают в своем значении движение с.-х. рабочих и все виды дезорганизации крестьянами помещичьего хозяйства. И по отдельным формам движения начинается отступление наиболее легальных видов борьбы перед видами более активной, более открытой войны с помещиками. Резко снижается значение наиболее мирной формы захватов—запрещения покупать, продавать, рубить и т. п.

И все же это не было еще крестьянское восстание. Налицо были только серьезные признаки начала перерастания аграрного движения в аграрную революцию. Но количественные изменения еще настолько малы, что не могут изменить в корне характера движения. Иллюзии первого периода и формы движения, порожденные этими иллюзиями, еще не изжиты окончательно.

В августе крестьяне получили урок огромного значения. Циркуляры правительства, сводящиеся исключительно к предложениям подавлять какие бы то ни было нарушения прав помещиков, карательные воинские части, весь аппарат внушения меньшевиков и эсеров—нанесли решительный удар старой крестьянской формуле «за правительство и за землю». Крестьянин видел, на опыте своем убеждался в том, что надо выбирать: или за правительство социалистов-революционеров или за землю. Какой выбор он сделает—показывают уже те изменения, которые произошли в аграрном движении в августе. Свой выбор крестьяне сделали в сентябре и октябре. В сентябре и октябре аграрное движение поднимается на уровень крестьянской войны. В сентябре разгромное движение дает уже более восьмой части сентябрь-

ского движения. В октябре оно составляет более четвертой части всех случаев октябрьского движения. Один октябрь дает 42,1% всех случаев разгромного движения, зарегистрированных милицией за время Февральской революции. Разгромное движение выросло, в первую очередь, за счет огромного падения доли наиболее мирных и наиболее организованных форм движения. Дезорганизация помещичьих хозяйств также падала за счет доли захватов пахотных земель и лугов. Такое качественное изменение движения сопровождается огромным количественным ростом движения. Число имений, охваченных аграрным движением, выросло в сентябре по сравнению с августом на 30,2%, а в октябре по сравнению с сентябрем еще на 43,2%.

Растет и глубина движения. Изменение характера каждой из форм характеризуется тем же переходом аграрного движения на ступень крестьянской войны.

В разгромном движении на первое место выступают прямые разгромы помещичьих имений. Частичные формы разгрома, вроде порчи различного имущества, захватов домашнего имущества и т. п., почти исчезают, уступив свое место полным разгромам и поджогам.

Даже дезорганизация крестьянами помещичьих хозяйств, играющая в октябре ничтожную роль, окрашивается в цвет разгромного движения. Выселения помещиков и насилия над ними определяют теперь лицо «дезорганизации».

Арендное движение, в июне превышающее по своим размерам разгромное движение, в октябре не составляет и $^1/_{40}$ числа случаев разгромного движения. И в арендном движении на первое место выступают его наиболее агрессивные виды.

Движение сельскохозяйственных рабочих превращается в движение крестьян, в согласии с рабочими уничтожающих помещичьи гнезда, путем массового снятия рабочих с работы. И даже в такой форме движение сельскохозяйственных рабочих отступает на задний план перед прямыми разгромами.

По захватам пахотной земли, лугов, лесов мы видим почти полное исчезновение всех промежуточных скрытых, легальных и полулегальных форм. Отдельные формы захватного движения (захваты пахотной земли, лесов, лугов) становятся формами частичного разгрома. На ряду с почти полным исчезновением таких видов захватов, как запрещение купли-продажи, растут прямые открытые захваты помещичьих земель, и на ряду с этим, стихийные массовые порубки, стихийные массовые потравы, которые носят не столько характер добывания корма для скота или леса для постройки, сколько прямого и решительного уничтожения помещичьего добра. Если в первые месяцы революции все эти формы захватного движения имели характер возглавленных эсерами полусделок с помещиками, то теперь те же формы движения поднимаются на ступень гражданской войны, крестьянской войны с помещиками.

Все это свидетельствовало о том, что правительство и эсеры в несколько месяцев сумели растратить тот капитал доверия к ним со стороны крестьянской массы, с которым они вошли в революцию.

Наиболее важной чертой этого движения, поднявшегося на уровень крестьянской войны, был его стихийный характер. В 2—3 месяца сошла на-нет вся работа эсеров, сумевших к июлю возглавить и охватить всю систему крестьянских организаций. Если в июле на 100 случаев неорга-

низованного движения приходилось 120 случаев организованного движения, то в октябре на 100 случаев неорганизованного движения приходится только 14 случаев организованного движения. Поднимаясь на ступень войны, крестьянское движение вырывалось из рук социалистов-революционеров, разрывало рамки их организации. Разгромное движение, определяющее природу всего движения сентября, и в особенности октября, выступает целиком, как движение стихийное. На 279 случаев зарегистрированного милицией разгромного движения в октябре приходится только 4 случая организованного движения. Противоправительственная борьба, которая в июне в 57 случаях из 100 носила организованный характер, теперь носит организованный характер только в 21 случае из 100. То же происходит и со всеми захватами. Захваты лесов становятся движением стихийным. Захваты лугов тоже. И движение, имеющее своим объектом пахотные земли и инвентарь, выступает в октябре, как движение стихийное: в то время, как в июле на 100 случаев неорганизованных захватов пахотной земли и урожаев приходилось больше 200 случаев организованных захватов, в октябре на 100 случаев неорганизованного захвата пахотных земель приходится только 24 случая организованного захвата. По инвентарю соответствующее соотношение: в июле—231, в октябре—16. Даже движение с.-х. рабочих и арендное движение в октябре выступают, как движения стихийные. Этим падением организованности движения, этим превращением недавно еще организованного эсерами движения в стихийное восстание, развивающееся без эсеров и против эсеров, партия социалистов-революционеров расплатилась за свое предательство крестьянских интересов, за свою службу Корнилову и помещикам.

Но мы видим двойную ограниченность крестьянского восстания. Поднявшись на ступень крестьянской войны, оно не преодолело своей ограниченности и не вырвалось за рамки непосредственной задачи уничтожения соседнего помещика, оно не превратилось в организованное революционное движение, не преодолело свойственного крестьянскому движению характера стихийного бунта.

Крестьянское восстание, взятое само по себе—восстание стихийное, ограниченное целями разгрома соседнего помещика—не могло победить, не могло уничтожить враждебной крестьянству государственной власти, поддерживающей помещика. Поэтому победить аграрное движение могло только в том случае, если бы его возглавил соответствующий класс города. Самостоятельную роль в революции крестьянство могло бы сыграть, только преодолев ограниченность своего движения, превратив свое движение в сознательное, организованное политическое движение. А между тем к октябрю исчезли и те элементы крестьянской организованности, которые были налицо к июлю. Вот почему судьба аграрной революции решилась, в конечном счете, не в десятках тысяч деревень, а в сотнях городов. Только рабочий класс, нанеся решительный удар буржуазии в центрах страны, мог сделать победоносным крестьянское восстание; только победа рабочего класса в городе могла вырвать крестьянское движение из рамок стихийной стычки десятков миллионов крестьян с десятками тысяч помещиков; только победа рабочего класса, наконец, могла заложить основу новому типу крестьянской организации, связывающей бедное и среднее крестьянство не с буржуазией, а с рабочим классом. Проблема победы крестьянского восстания в деревне была проблемой победы рабочего класса в городе.

Когда рабочие в октябре нанесли решительный удар правительству буржуазии, они тем самым попутно разрешили и проблему победы крестьянского восстания. Здесь мы находимся у истоков того союза рабочих и крестьянских масс, который определяет самую возможность существования пролетарской власти. Преодолев ограниченность стихии крестьянской войны, рабочий класс создал предпосылку для действительного, на много лет рассчитанного сотрудничества обоих классов под руководством пролетариата.

Конечно, рассматривая вопрос теоретически, мы не могли бы утверждать, что в условиях каждой страны только рабочий класс мог принести победу аграрной революции. Ведь крестьянское восстание не однажды побеждало в рамках буржуазной революции. Ведь в Великой Французской революции именно французская буржуазия подняла крестьянскую войну на высшую ступень революции, решительно уничтожившей феодальный строй. Но в том-то и дело, что в силу исторически сложившихся условий буржуазия России в 1917 г. выступила в союзе с помещиками. Даже наиболее левые фракции буржуазии, как меньшевики и эсеры, не шли дальше организации выгодной для помещиков сделки. В этом мы имеем важнейшее отличие условий русской революции от революции французской, происходившей 100 слишком лет тому назад. Поэтому и крестьянская революция не могла победить в 1917 г. как революция буржуазная. Перед ней стояло два пути: *или разгром под ударами соединенных сил буржуазии и помещиков или победа в качестве движения, сопутствующего и подсобного к пролетарской революции. Рабочий класс России, приняв на себя миссию французской буржуазии Великой Французской революции, приняв на себя задачу возглавления аграрной демократической революции, получил возможность победоносной пролетарской революции.*

Возглавив крестьянскую войну с помещиками, рабочий класс получил возможность совершить социалистическую революцию, тем самым он получил возможность, *уже опираясь на новый советский закон*, снять эсеровские верхушки, эсеровскую организацию крестьянства, связывавшую крестьянство (через его верхушки) с буржуазией, и приступить к невиданному еще в истории масштабу создания системы организаций, связывающих бедняка и середняка не с буржуазией, а с рабочим классом.

Здесь двойная связь: если крестьяне не могли уничтожить помещичьего землевладения иначе, как в союзе с рабочими, то и рабочий класс мог победить в социалистической революции, только опираясь на крестьянское восстание. И, может быть, ни в каком ином случае так не проявился гений Ленина, как в предоктябрьские дни, когда он с железной решимостью настаивал на немедленном взятии власти рабочим классом, когда он обязательность немедленного восстания рабочих доказывал тем, что в стране идет крестьянская революция. Гений Ленина, его знание действительности, сила его марксистского метода подсказали ему правду о положении в стране, и поэтому он не позволил никому в партии остановиться перед такими препятствиями, как факт возглавления в октябре всей системы крестьянских организаций эсерами. За этой системой эсеровской организации он увидел действительность крестьянского восстания. За действительностью крестьянского восстания он увидел всю призрачность эсеровской верхушечной надстройки. И поэтому он решительно отмел какие бы то ни было колебания,

какой бы то ни было испуг перед мощью эсеровской системы организации. Тогда ждать перехода крестьянских организаций под влияние большевистской партии значило отказаться от пролетарской революции, тогда отказ от захвата власти пролетариатом, отказ от прямой решительной поддержки крестьянской войны путем восстания в центрах был не только отказом от пролетарской революции, он был прямым ренегатством и в отношении рабочего класса и крестьянского восстания.

В заключение приведем некоторые выводы из анализа развития крестьянского движения по основным районам:

1. Основным плацдармом крестьянской войны являются Центрально-земледельческий и Средне-волжский районы. На эти районы падает почти половина всех случаев зарегистрированного милицией движения (23,7% всех случаев за Февральскую революцию падает на Центрально-земледельческий район и 20%—на Средне-волжский район). Здесь с наибольшей яркостью и очевидностью выявляются основные законы развития аграрного движения в Февральской революции: непрерывный рост движения к июню, кратковременность июльского успеха правительства, новое нарастание движения к октябрю, падение организованности движения по мере роста понимания крестьянскими массами истинной классовой природы Временного правительства и эсеровской партии, и в этой же связи падение скрытых и мирных форм движения, их вытеснение явным захватным движением и в свою очередь вытеснение последнего разгромным и разрушительным. Если в мае на долю скрытых и мирных форм движения приходится в Центрально-земледельческом районе—61,5% майского движения, на явные захватные формы—28,8%, на разрушительные и разгромные—9,6%, то в октябре, в итоге непрерывного закономерного изменения соотношения этих форм, приходится на скрытые и мирные формы только 13,5% всех случаев, на явные захватные формы—29,5%, а на разрушительные разгромные формы и захваты имений целиком—57,1% всех случаев.

Таким образом, в этих районах превращение мирного стремящегося к компромиссу с правительством, возглавляемого эсерами движения в крестьянский, неорганизованный стихийный бунт—крестьянскую войну,—выражено с наибольшей очевидностью.

2. Исключительно важной особенностью всей истории крестьянской войны в 1917 г. является тот факт, что подъем аграрного движения на ступень революции характеризует эволюцию крестьянского движения не только в таких классических районах наибольшего загнивания помещичьего землевладения на старой полуфеодальной основе, каковыми были Центрально-земледельческий и Средне-волжский районы.

Белоруссия и Украина (в особенности юго-западная Украина)—районы наиболее энергичного капиталистического прогресса помещичьего хозяйства на базе огромного количества остатков крепостнических отношений, использовавшихся помещиком для усиления эксплоатации крестьянства, становятся также к октябрю районами крестьянского восстания. В них в мае скрытые полулегальные формы движения составляют $1/3$ всех случаев движения—в южно-степной Украине, около $1/2$—в право-бережной Украине, $1/2$ с лишним—в лево-бережной Украине и почти около $1/2$ в Белоруссии. В октябре

же эти мирные полулегальные формы в этих же районах составляют: 1/6 в право-бережной Украйне, 1/5—в лево-бережной, 1/4—в южно-степной Украине и 1/5 в Белоруссии. Так же, как в Центрально-земледельческом и Средне-волжском районах, эти мирные скрытые формы движения вытесняются явными захватами, составляющими в октябре почти 3/4 всех случаев движения в Белоруссии и в лево-бережной Украине, 2/3 в южно-степной Украине и несколько больше 1/2—в право-бережной Украине.

Таким образом, помещиков не спасали ни застой на базе закрепления крепостнических отношений, как это было в Центрально-земледельческом и Средне-волжском районах, ни капиталистический прогресс на основе использования тех же крепостнических остатков, как это было на Украине и Белоруссии. Как задержка капиталистического преобразования помещичьих латифундий, так и их капиталистическое преобразование одинаково не спасли помещика от аграрной революции.

Особенности аграрного движения этих районов: здесь захватные формы вытесняются разгромами с гораздо-меньшей быстротой и энергией, чем это было в районах Центрально-земледельческом и Средне-волжском, здесь аграрное движение поднимается на высшую ступень скорее в форме открытых захватов, чем разгромов (за исключением юго-запада Украины, где разрушительное движение дает в октябре 1/4 всех случаев).

Вытеснение во всех этих районах скрытых захватов явными захватами, а в юго-западной Украине помимо этого вытеснение захватов разрушительными формами движения, идет на фоне общего роста движения к октябрю. Почти вдвое против апреля вырастает число случаев зарегистрированного движения в степной Украине и Белоруссии, в 4½ раза—в лево-бережной Украине, и более чем в 27 раз—на юго-западе Украины, где тип развития движения приближался к Центрально-земледельческому типу. (Юго-западная Украина как бы стремится наверстать к октябрю потерянное в апреле—в апреле юго-западная Украина занимает последнее место в ряде районов по доле падающих на нее случаев движения,—в октябре она выдвигается на одно из первых мест непосредственно вслед за Центрально-земледельческим и Средне-волжским районами).

Тут же необходимо отметить, что на Украине даже националистическому движению не удалось отвлечь крестьян от непосредственной борьбы за землю. Характер развития движения на Украине свидетельствует о том, что аграрное движение в условиях 1917 г. не только разорвало рамки эсеровской организации и эсеровского влияния в русских губерниях, но начало разрывать рамки влияния национально-демократических украинских организаций к октябрю. В том, что Центральной Раде явно уже к октябрю не удается вытеснить аграрной революции революцией национальной, можно прочесть будущую судьбу революции на Украине. В тот час, когда крестьяне Украины, хотя и с опозданием против русских крестьян, убедятся на своем опыте в том, что надо также выбирать между Центральной Радой и захватом помещичьей земли, как пришлось русским крестьянам выбирать между помещичьей землей и Временным правительством, украинские крестьяне поддержат большевистское движение против Центральной Рады, против германской оккупации, против гетманщины с неменьшей силой, чем это сделали русские крестьяне в октябре 1917 г.—марте 1918 г. в России.

3. В Центрально-промышленном и Приозерном районах движение развивается к октябрю значительно медленнее, чем в остальных районах.

В этих районах огромного отхода рабочих в города и значительного сосредоточения фабрик, крестьянская борьба за землю принимала характер не только аграрной революции, но и прямой политической борьбы в советах и союзах. Отчасти эти высшие формы политической борьбы вытесняли формы аграрной борьбы, обычно сосредоточивавшейся, как мы видели уже неоднократно, на прямом непосредственном враге—ближайшем помещике. Некоторую роль, очевидно, играло и то, что в этих районах правительству удалось в большей мере, чем в других, реализовать в деревне результаты своей июльской победы (здесь доля разрушительных форм движения даже падает от августа к октябрю с 25,7% всех случаев августовского движения до 14,2% октябрьского), и это в условиях, когда октябрь по отношению к апрелю, принятому за 100, дает только 142,8, в то время, как в среднем по всей стране октябрь вырос против апреля по числу случаев в $2^1/_3$ раза.

4. Аграрная революция развивается в основном там, где имеется помещичье землевладение на старой крепостнической основе, или там, где это старое помещичье землевладение реорганизуется в капиталистическое. В районах более поздней колонизации, без крупного помещичьего землевладения, несмотря на наличие в этих районах очень мощного кулацкого слоя, аграрное движение не приняло тех размеров, как в районах помещичьего землевладения. Больше того, аграрное движение в этих районах отличалось крайней неустойчивостью, несмотря на то, что доля случаев движения против деревенской буржуазии в этих районах значительно выше, чем в районах помещичьего землевладения, все же абсолютные размеры аграрного движения здесь были таковы, что основная база рабоче-крестьянского союза—сочетание рабочей революции с крестьянским восстанием отсутствовало в этих районах к октябрю. В этом приходится видеть важнейшее объяснение всех трудностей, которые встретит рабочая революция в этих районах (доля случаев движения против деревенской буржуазии ко всему движению за все время Февральской революции равна: Нижне-волжский, объединенный с Северным Кавказом и Донской областью,—11,4%, Сибирь—11,7%, Центрально-земледельческий район—3,7%).

5. С точки зрения соотношения классов в момент Октябрьской революции существенным выводом из всего этого анализа приходится признать следующее: во всех великорусских районах помещичьего землевладения сотрудничество крестьян с рабочими, сочетание аграрной революции с пролетарской революцией было наиболее обеспеченным. В украинских районах на пути к этому сотрудничеству был ряд трудностей. Роль Украины в октябрьском движении показала, что эти трудности могут быть преодолены в кратчайший срок.

Наконец, в районах страны без помещичьего землевладения это сотрудничество могло быть достигнуто только на основе развертывания пролетарской революции, перехода ее на новую ступень борьбы бедняка и середняка против кулака. Борьба против помещика здесь не создала еще активного сотрудничества крестьянства с рабочим классом. Борьба с кулаком еще не стала в порядке дня, ее сможет организовать только пролетариат, ставший у власти. И тогда только вскроются целиком и те особые трудности для заключения рабоче-крестьянского союза, кои будут иметь место в этих районах, так и те новые возможности для утверждения этого союза, которые даст развернутая борьба с кулацкими элементами.

А. В. ШЕСТАКОВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1917 ГОДУ

МОСКВА 1928

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

ВВЕДЕНИЕ

Состояние источников по крестьянским организациям в 1917 году можно признать далеко неудовлетворительным: основные архивы, как архив Октябрьской революции, дают по этому вопросу чрезвычайно мало материала. Дела по уездным, губернским и всероссийским с'ездам крестьянских организаций за 1917 год найти не удалось; не разысканы также архивы армейских крестьянских организаций, крестьянского союза, союза земельных собственников и всякого рода иных организаций, как партийных так и внепартийных, имеющих то или иное отношение к изучаемому вопросу. Эти архивы, вероятно будут разысканы впоследствии, при чем есть основание полагать, что некоторые из них находятся за границей [1]. Мемуарная литература по крестьянским организациям также незначительна: всего имеется не больше десятка-двух статей, в которых даются сведения о крестьянских организациях 1917 г., и то в разрозненном виде; работ обобщающего характера совершенно нет. Главным источником для нашей работы явились газеты и журналы 1917 г., а также некоторые отдельные отчеты, брошюры, отрывки из дел и проч., которые удалось разыскать в архивах и книгохранилищах Москвы. Собирание материалов производилось научными сотрудниками института советского строительства т.т. Артамоновым, Савиным, Петерсон и Рындич, которым и приношу благодарность за помощь в работе.

Границей нашего исследования мы берем бывшую Европейскую Россию без Кавказа, Западного края и других окраин. Наше внимание по преимуществу было заострено на промышленных губерниях и некоторых крестьянских, входящих в состав теперешней РСФСР, и лишь отчасти Украины.

Исследование крестьянских организаций мы считали возможным разбить на некоторые периоды, и предполагаемая работа является лишь первым из этих периодов: от марта 1917 года до Октябрьского восста-

---

[1] Г. Покровский в ст. „Очерк истории всеросийского совета крестьянских депутатов“ в сборн. „Год русской революции“— 1917—18, и 1918 г., на стр. 46 сообщает, что основной архив исполкома совета крестьянских депутатов был „частью разгромлен, частью сожжен“ при разгоне красногвардейцами право—эсеровского третьего всероссийского с'езда. Насколько верно это указание, проверить не удалось, но что часть материалов вывезена за границу, видно из того, что в белогвардейских работах по истории революции 1917 г. некоторые документы использовываются и сейчас.

ния. В этот период времени мы видим зарождение крестьянских организаций, их участие в аграрной революции, их переход из-под правоэсеровского влияния под влияние левых эсеров и отчасти большевиков, выражаясь словами Ленина, «уход из-под влияния буржуазии под влияние пролетариата». Главное внимание мы уделяем низовым крестьянским организациям, которые претерпели ряд изменений в ходе революции и уже после Октября трансформировались под влиянием пролетарской революции в боевые организации крестьянства в форме советов крестьянских депутатов. За изучаемый период времени крестьянские организации явились, с одной стороны, органами экономической революции крестьянства против помещиков, и, с другой—органами политической революции, поскольку они уничтожили и разрушили аппарат царского управления: земских начальников, волостные и сельские управления—и создали предпосылки для революции при гегемонии пролетариата. Главная целевая установка данной работы—это выяснить, как в условиях осуществленной городом буржуазной революции, при максимальных политических свободах, крестьянство вслед за пролетариатом создавало свои внепартийные организации для захвата власти и решения революционным путем аграрного вопроса, т.-е. завершения буржуазной революции при помощи организаций, созданных самим крестьянством и при помощи пролетариата.

Для понимания природы крестьянских организаций 1917 г. мы считали целесообразным несколько остановиться и на таких крестьянских организациях, как Всероссийский крестьянский союз, создавшийся в 1905 г. и игравший некоторую роль и в революции 1917 г. Вместе с этим пришлось остановиться и на враждебных широкой массе крестьянства помещичьих и кулацких организациях, поскольку они стремились расколоть революционную деревню и тем самым ослабить размах крестьянской революции 1917 г.

Уяснение роли крестьянских организаций в революции 1917 года имеет огромное значение для понимания роли крестьянства в революциях вообще и в частности в происходящей сейчас китайской революции, где крестьянство в борьбе с феодальными пережитками и монополистическим торговым капиталом ведет организованную борьбу и где направление этой борьбы со стороны коммунистической партии, на основе опыта русской революции, может иметь очень большое значение.

I. РАСПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В ДЕРЕВНЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1917 Г.

О расположении классовых сил в деревне перед 1917 г. прямого ответа в нашей статистике мы не имеем. Сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 г. по ряду причин дают далеко неудовлетворительный материал для ответа на этот вопрос.

Приходится возвращаться к переписям 1905 г., работам В. И. Ленина периода 1907 и 1908 гг., использовать данные официальных источников такого типа, как «Записка министерства земледелия по вопросу о сельскохозяйственном банке»—1907 г. и т. п., вводя лишь поправки на из'ятие из владений частных лиц земель, отчужденных через крестьянский банк в период столыпинщины и перешедших большею частью к кулакам, частью к середняцким слоям деревни.

Основной вопрос революций 1905 и 1917 гг. в деревне был земельный. Крестьянство прежде всего боролось за отобрание помещичьих и иных категорий земель.

В чьих руках была эта земля?

По «Записке министерства земледелия» в 1907 г. общее пространство земель в 50 губ. Европейской России равнялось 395 млн. дес., из коих 155 млн. дес. принадлежало государству и общественным учреждениям, 139 млн. дес.—надельных крестьянских и свыше 110 млн. дес.—частным лицам. Из последней категории земель принадлежало 107 тысячам хозяйств дворян—53,2 млн. дес., купечеству—23 тыс. хозяйств—13 млн. дес., прочим сословиям, кроме крестьян и мещан,—2,2 млн. дес., торговопромышленным товариществам—3,8 млн. дес., мещанам—3,8 млн. дес., крестьянам—13,2 млн. дес. (490 тысяч хозяйств), обществам, товариществам смешанным и разнословным—12 млн. дес. (74 тыс. владений), а остальные—иностранцам, духовенству и проч.

В первую очередь крестьянство добивалось уничтожения крупной земельной собственности. Как она распределялась?

Владений с количеством земли свыше 10 тыс. дес. было у дворян около 700, а всего у них земли было до 17 млн. дес., к которым следует также отнести и владения торгово-промышленных и фабричных товариществ—53 с 3 млн. дес., при чем наибольшое число латифундий падает на Заволжский район—47,8% всего их числа.

Владений с количеством земли свыше 1.000 дес. было 13,8 тыс. с 52 млн. дес. (у дворян—38,3 млн. дес.).

Мелких помещиков разных сословий с владением от 50 до 500 дес., по данным той же «Записки», насчитывалось 106 тыс. с 17,3 млн. дес., от 500 до 2000 дес.—21.748, с 20,6 млн. дес., от 2.000 до 10.000 д.—5.386, с 20,6 млн. дес. и свыше 10.000 д.—699 с 20,8 млн. дес. Таким образом, число владений с землей свыше 500 дес. составляло 27.833, с 62 млн. дес. Это и были те знаменитые 30 тыс. «зубров», о которых писал В. И. Ленин, о которых говорилось немало в печати, в Государственной думе. Если к ним добавить более мелких землевладельцев с землей от 50 до 500 дес., то мы получим цифру 133.833 владения, с которыми и вступило в борьбу крестьянство в 1917 г., и которые явились основными кадрами союза земельных собственников. Общее количество помещичьей земли, за которое боролось крестьянство, у этих двух групп составляло 79,3 млн. дес. Мелкое частное землевладение на основе личной собственности с количеством земли от 10 до 50 дес. и от 10 дес. и ниже—мелкая столыпинская сельская буржуазия—исчислялось в 600 тыс. владений с 6,5 млн. дес., при чем в значительной массе эти, главным образом, крестьянские хозяйства играли в революции 1917 г. роль того неустойчивого баланса, который склонялся то к основной массе середняцкого хозяйства, то тянулся к упомянутым выше 133 тыс. земельных собственников.

Столыпинская реформа в значительной степени ускорила процесс дифференциации крестьянства, однако определить классовое расслоение деревни перед 1917 г. точными цифровыми данными невозможно. По земской статистике кулацкие группы в общем достигали 10% всех крестьянских хозяйств, середняки—44,6%, бедняки—остальные 45,4%. По данным 1917 г. по 25 губ. Европейской России, без Украины и Сибири, 0,5 млн. обследованных хозяйств дали следующие цифры: беспосевных—11,5%, с земельным

владением до 2 десятин—28,7%, а всего вместе эти две группы бедноты должны составить 40,2%; следующей группой с земельным обеспечением от 2—6 десятин явились середняки в количестве 43,5% всего числа, и, наконец, остальная группа делилась так: с владением от 6—13 десятин—13,9%, от 13—22 десятин—2% и от 22 десятин и выше—0,4%, а всего зажиточных и кулачества по этим данным будет 16,3%. Включение Украины в эту статистику, конечно, могло бы повысить и процент зажиточных и бедняцких групп за счет середняков, так как классовая дифференциация Украины была значительно выше, чем в губерниях теперешней РСФСР. Так, для Таврической губ. в круглых цифрах мы имеем 50% бедноты, 30% середняков и 20% зажиточных. Такого же рода цифровые данные дает и такая губерния, как Самарская—главная поставщица высокосортной пшеницы для внешнего и внутреннего рынков.

Районы «оскудевшего центра» и перенаселенных украинских губерний с «застарелыми» формами хозяйства, пропитанными остатками крепостничества, в отношении классового расслоения стояли ближе к «нормам» земской статистики. Военные годы несомненно обострили классовое расслоение деревни, поскольку кулацкие группы сумели использовать в этот период времени свое господствующее положение в деревне, усилив эксплоатацию труда женщин и подростков, выгодно сбывая свою продукцию, спекулируя на недостатке промпродуктов для деревни, с.-х. товаров для города и армии.

Однако зажиточные слои деревни в период войны были далеко не в первых рядах, извлекающих из нее наибольшие выгоды. Здесь на первом месте стоял помещик, еще в 1916 г. создавший свой союз земельных собственников для более выгодного сбыта продуктов сельского хозяйства для армии. Помещик пользовался преимущественным правом на дешевый труд военно-пленных и беженцев [1], добиваясь ввоза китайских рабочих, мобилизованных «националов» из Средней Азии и т. д. Это давало ему значительные преимущества при конкуренции с зажиточным крестьянином.

---

[1] Следующая табличка очень ярко характеризует захват помещиками военнопленных и беженцев в период уже начавшейся борьбы крестьянства (1917 г.

Районы и губернии	У крестьян. Из 100 работников в земледелии своих и наемных приходится		У частных владельцев. Из 100 работников	
	военнопленных	беженцев	военнопленных	беженцев
1. Средне-черноземн. (Тамб., Пенз., Тульск., Ряз.) . . .	0,3	0,1	11,7	2,3
2. Украина (Черн. и Киевск.)	0,3	0,1	16,8	1,0
3. Промышленный (Моск. и Яросл.)	0,3	0,0	27,0	2,2
4. Вост. степной (Сарат. и Уфимск)	1,1	0,4	15,5	6,0

В результате как этого, так и целого ряда других явлений зажиточное крестьянство было в массе совсем не на стороне помещиков, а скорее держало, особенно в первые месяцы революции, «единый фронт» с середняком против помещика. В худшем случае это была «нейтральная» группа, норовившая использовать свое положение и для захвата власти в деревне, и для использования военнопленных и беженцев, и для освобождения от арендных плат помещику и т. п.

Сила сопротивления помещиков против начавшегося крестьянского движения определялась не только мощью полицейского аппарата в деревне в годы войны и в первый год революции, кстати все же подорванного мобилизациями, но в значительной степени их устойчивостью в хозяйственном отношении как накануне революции, так и в 1917 г.

Несмотря на привилегированное положение помещичьего хозяйства, его экономика с 1917 г. претерпела ряд изменений к худшему. Больше всего страдали латифундиарные имения, хозяйства с системой отработок и т. п. Недостаток рабочих рук, отказ широких слоев крестьянства от аренды и т. д. привели к значительному сокращению посевных площадей, к падению доходности. По данным официальных сельскохозяйственных обзоров у помещиков южной России и Заволжья к 1917 г. падение озимых посевов доходило до 25—30%, а местами даже до 50% среднего уровня последних пяти лет. Яровые посевы весны 1917 г. уменьшились почти в том же размере—тут отражалось начавшееся «беспокойство» в деревне.

По справке Временного правительства, «площадь яровых посевов весной 1917 г. наибольшему сокращению подверглась во владельческих хозяйствах, особенно в крупных; размеры сокращения—$1/2$ и даже $3/4$ обычной площади ярового клина; причина—недостаток рабочих. Владельцы были вынуждены добровольно (!?) сдавать свои земли по дешевым ценам в аренду крестьянам, местами же последние прибегали к самовольному захвату владельческих земель».

Крестьянские хозяйства были лучше обеспечены рабочей силой: женщинами, детьми, стариками, солдатами старших возрастов, отпущенных на полевые работы.

Крестьянское хозяйство в массе экономически в 1917 г. оказалось более устойчивым, чем хозяйство помещика, несмотря на все его «привилегии», против которого крестьянство в первую голову и повело борьбу.

Таким образом, соотношение классовых сил в деревне перед революцией 1917 г. представляло собой два резко противостоящие друг другу лагеря: в первом из них—разного рода и размера помещичьи хозяйства, от отработочных латифундий до капиталистических включительно, с различной степенью разрушения их экономической мощности, и во втором—хозяйства широких крестьянских масс, также по разным причинам выступавшие против помещиков: капиталистические слои деревни боролись, главным образом, против помещичьих привилегий, их конкуренции, середняцкие группы и беднота в первую очередь—против кабальных условий аренды пользования лесом, лугами, за лучшие условия труда, а все вместе за уничтожение помещичьего землевладения вообще.

II. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Крестьянские организации создавались под непосредственным воздействием прежде всего революции города. Но вместе с этим они неразрывно связаны и со всем ходом крестьянского движения 1917 г., во многом определяя его, руководя им. Без выявления основных моментов крестьянской революции была бы неясна природа крестьянских организаций, их роль и значение в революции.

В период войны крестьянское движение носило неорганизованный стихийный характер [1], проявляясь в самых различных формах. Потравы помещичьих лугов, порубки лесов, конфликты на почве аренды, из-за условий труда, столкновения на почве землеустройства с «хуторянами» и «отрубниками», «красный петух» против помещика и кулака, выступления против властей и т. п. формы крестьянского движения в общем повторяли в сравнительно суженных размерах движение 1905/1914 гг.

Февральская революция 1917 г. очень быстро дала толчок крестьянским выступлениям на более широкой социальной базе, и за март мы имеем значительное число различного рода вспышек, подчас довольно бурных, главным образом, в губерниях «оскудевшего центра». Наблюдается ряд разгромов имений помещиков, особенно ненавистных крестьянству в связи с усмирениями в 1905/1907 гг.

Если в декларации Временного правительства от 2 марта [2] вопросу о земле не уделялось ни слова — крестьянское движение еще не выявилось и не вызывало соответствующей реакции, то уже 9 марта было издано постановление о мерах к подавлению возникших в Казанской губернии аграрных «беспорядков», при чем, как всегда, их участники «привлекаются к уголовной ответственности». Кадеты все же еще не чувствовали надвигающейся грозы, и 11 марта на пленуме их центрального комитета было решено: «3) по аграрному вопросу приступить к выполнению программы по окончании войны». 12 марта Временное правительство установило главные основания передачи в казну земель и доходов кабинета «отрекшегося» императора. И только... Из мелкобуржуазных партий на начавшееся аграрное движение первыми откликнулись эсеры, вынесшие на областной петербургской конференции резолюцию, где говорилось: «Конфискация обрабатываемых удельных, кабинетских и частновладельческих земель может быть проведена только законодательным путем через Учредительное собрание, которое дает народу землю и волю»... Это по существу был тот основной лозунг, который красной нитью проходит и в дальнейшем во всех тактических постановлениях партии эсеров.

Между тем под влиянием революции города движение крестьянства развертывалось все шире и шире и в марте-апреле охватило ряд губерний.

В ответ на это Временное правительство разразилось «воззванием к народу», в котором, кроме «терниев и скорпионов», давались обещания подготовить материалы и сведения по аграрному вопросу «народному представительству».

---

[1] Вопросу о крестьянском движении в годы империалистической войны нами посвящена особая работа, издаваемая Международным аграрным институтом.

[2] Всюду даты по старому стилю.

Кроме того, буржуазией был поднят вопрос об учреждении на местах «особых примирительных камер для устранения возникающих среди населения недоразумений по земельным делам».

3-го апреля на всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов принимается в духе эсеров резолюция «о возложении на местные комитеты обязанности бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса, памятуя, что аграрные беспорядки могут быть полезны не крестьянству, а только контр-революции». Особо в резолюции подчеркивается, что «нужно помнить, что теперь власть в руках народа, и народ сам в Учредительном собрании решит земельный вопрос в интересах трудовых масс».

В соответствии с такими резолюциями кн. Львов 8 апреля циркулярно распорядился по губернским комиссарам «устранять аграрные беспорядки и посягательства на аграрной почве против личности и собственности граждан (читай помещиков), всеми мерами, не исключая и вызова воинских команд».

Правительство буржуазии почуяло опасность, и с этого момента его политика так же определилась совершенно ясно. Крестьянство—враг, «разнузданный зверь», усмирить которого можно только свинцом. Карательные экспедиции были санкционированы и за первые 4 мес. после Февральской революции по центрально-черноземным и заволжским губерниям насчитывается 8 посылок воинских частей для усмирения. На-ряду с этим вводятся аресты и предание суду.

В крестьянские массы бросаются кадры агитаторов эсеров. Кн. Львов и Керенский поручают представителю Крестьянского союза С. Мазуренко организационную работу среди крестьянства, надеясь этим путем ввести начавшееся бурное движение в деревне в русло «законных» норм.

Эсерами, меньшевиками и по партийной линии и по линии Советов рабочих и солдатских депутатов ведется работа по «обузданию зверя» различного рода «компромиссами», вроде организации земельных комитетов, законов о запрещении земельных сделок, об охране «национальных богатств страны», санкционируются законы Временного правительства об охране посевов, продовольственных комитетов, волостном земстве и т. п.

Крестьянское движение под воздействием всей этой «машины», пущенной против него буржуазией и ее подголосками, начинает меняться и из форм, радикально решающих вопрос о помещичьем землевладении (разгромы усадеб, убийства, поджоги и т. п.), переходит в новую фазу выкуривания помещиков из насиженных гнезд путем таких мероприятий, которые с внешней стороны производят впечатление «законности».

Количественно число случаев аграрного движения возрастает в июне до огромной высоты—но вместе с этим идет снижение «разгромных» форм, которые в этом месяце падают.

Борьба крестьянства за землю в летние месяцы 1917 г. проходит в формах относительно «мирных», «организованных», при помощи своих исполнительных комитетов, советов, земельных комитетов, союзов и т. п.

Комитеты снимают у помещиков военнопленных, устанавливают таксы на рабочие руки, вмешиваются в распорядок сельскохозяйственных работ на земле помещика, запрещают продажу скота без своего разрешения и т. п.

В этой своеобразной форме «контроля», отчасти напоминающего рабочий контроль в тот же период революции на фабриках и заводах, можно видеть

еще до некоторой степени компромисс с помещиками и с деревенской буржуазией.

Но наиболее характерным явлением для летнего периода крестьянской революции—это огромное возрастание числа случаев движения. Количество переходило в качество—это был своего рода диалектический процесс, который был именно так и учтен помещиками и буржуазией. Это совпадало с обострением классовой борьбы в городе, являлось напоминанием, что «июльские дни» назревают и в деревне. Прежде всего это подчеркнул июльский всероссийский с'езд земельных собственников, еще раз потребовавший от Временного правительства «немедленного (курсив мой. *А. Ш.*) обеспечения землевладельцам спокойного пользования и распоряжения принадлежащими им земельными имуществами, повсеместного восстановления органов правосудия улучшения состава и деятельности милиции».

В том же направлении вел политику нажима и Временный Комитет Государственной думы во главе с Родзянко. Так же расценивал положение вещей и ген. Корнилов, опубликовавший приказ по всему району театра военных действий на юго-западном фронте, в котором он «воспрещал» всевозможные виды и формы борьбы крестьянства с помещиками, вплоть до требований повышения заработной платы в имениях. Ген. Корнилов заканчивал свой приказ угрозами тюремного заключения от 3 до 6 мес. за индивидуальные правонарушения и до 3-х лет исправительных работ за действия скопом.

Давление на крестьянство, несмотря на «мирные» формы движения, усиливалось с каждым днем. В период июль-август, когда диктатура буржуазии, прикрываемая соглашательскими партиями, творила свирепую расправу с революционным пролетариатом, число военных репрессий против крестьянства значительно возросло.

Соглашатели от политики лисьего хвоста все более и более явственно переходили к политике «зажима» крестьянства. 17 июля 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства меньшевик И. Г. Церетелли издал циркуляр по губернским и областным комитетам общественных организаций по земельному вопросу о принятии скорых и решительных мер к прекращению всех самоуправных действий в области земельных отношений и преследовании всех «бунтующих» крестьян «по всей строгости закона». От меньшевика Церетелли не отставал и «народник» министр продовольствия Пешехонов, который того же числа приказал продовольственным комитетам немедленно принять самые решительные меры к прекращению самовольных действий населения. Он требовал, чтобы крестьянство не выносило постановлений, «дающих повод к насильственным и преступным выступлениям» против землевладельцев под угрозой уголовной ответственности. Крестьянское движение за летний период 1917 г. было сильно своей массовостью, выдержкой, организованностью. Эсеровские законы—вроде запрещения земельных сделок (от 12 июля)—уже не имели серьезного значения в смысле «тушения» разгоревшегося пожара крестьянской революции, переходившей в следующий осенний, еще более бурный этап своего развития, чем весной и летом 1917 г.

Осенний этап крестьянского движения начинается с августа и очень быстро уже в сентябре обгоняет июльский под'ем кривой, доходя к октябрю до максимального числа случаев. Основное содержание новой осенней волны движения деревни—это радикальная «чистка» помещичьих гнезд в наиболее резких формах разгромов имений, поджогов усадеб, убийств владельцев и

управляющих, отобрание скота и инвентаря и т. п. За сентябрь число таких форм составляло 20% от общего числа случаев, а за октябрь—до 52%. Крестьянские массы под влиянием назревавшего в городах решительного перелома революции—перехода ее на социалистические рельсы, спешили закончить в деревне свою экономическую революцию против помещиков. Это был огромный стихийный под'ем масс, которым надоела эсеровская болтовня ждать решения аграрного вопроса до Учредительного собрания, которые из усиления карательных экспедиций и судебных репрессий видели, что «законными» путями вековой спор с помещиками не разрешил.

В период разгромных форм движения число карательных экспедиций возросло очень сильно. Особенно энергично подавлялось движение в центрально-черноземной полосе, где число случаев «резких» форм было за весь изучаемый период наиболее велико.

В аграрном движении 1917 г. в отношении территории выявилась та же картина, что и в 1905/1907 гг. На первом месте по переходу к наиболее революционным формам движения стояли районы с наиболее уцелевшими остатками крепостничества, районы «оскудевшего центра», где малоземелье и хозяйственный кризис в результате войны явились наиболее острыми.

Такого рода закономерность об'ясняется еще и тем, что в этих районах середняцкая масса была ближе к бедноте по своему хозяйственному положению, по своей зажиточности, и тем самым имела большую возможность подпасть под влияние пролетарской революции, быстрее перейти под идейное влияние пролетарской партии и левых эсеров, к осени 1917 г. уже успевших во многом разойтись с своим правым крылом—явным пособником буржуазии и помещиков.

Анализируя движение города и деревни на протяжении всего 1917 г., можно установить опять же, как и для 1905 г., известную закономерность опережающего роста города в революционном отношении и подтягивание за ним основных крестьянских масс, сначала наиболее задавленных крестьянскими пережитками, наиболее бедных и неустойчивых в хозяйственном отношении, а затем и районов, экономически более сильных с значительным удельным весом кулачества и зажиточных, влияние которых бедноте и середняку приходилось преодолевать с большим трудом во все этапы революции. Октябрьский переворот в городе, завершившийся переходом власти в руки советов под гегемонией пролетариата, дал крестьянству декрет о земле от 26/X ст. стиля, основные положения которого явились для революции в деревне базой для дальнейшей ликвидации помещичьего землевладения.

III. КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ 1917 г.

При самодержавном строе так называемое крестьянское самоуправление по существу являлось своеобразной формой эксплоатации деревни, аппаратом для выкачивания налогов, соответствующей слежки за умонастроением и «принятием мер» против «строптивых» и «смутьянов». В конечном счете в деревне царили земский начальник, урядник, стражник, в помощь которым крестьянство избирало из своей среды сельского старшину, волостного старшину, утверждало деревенских чиновников—«писарей». Таково было

внутреннее содержание, внешняя же конструкция организаций деревни в общем сводилась к следующему: низшая ячейка—сельское общество, распорядительным органом которого являлся сельский сход из всех домохозяев. В компетенцию схода входило: выбор должностных лиц и представительства на волостной сход, удаление из сельского общества «порочных» и вредных членов, лишение права участия в сходе, увольнительные, приемные приговоры, дела по пользованию землей, назначение опекунов и попечителей, контроль над ними, раздел имущества, совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройство, народное продовольствие, призрение, обучение грамоте, жалобы в учреждения, доверенности ходокам по общественным делам, установка и раскладка сборов на мирские расходы, раскладка земских сборов и повинностей и, наконец, взыскание недоимок. Кворум сельского схода обычно составлялся из половины с непременным участием старосты, но для наиболее сложных дел требовалось большинство в две трети голосов, при чем на постановления сельского схода земский начальник имел право вето. Сельский сход выбирал органы управления: сельского старосту, сборщика податей, смотрителей хлебных магазинов, лесного и полевого сторожей, при чем служба по выбору была обязательной и нахождение на службе освобождало от телесных наказаний и натуральных повинностей. Административная власть с полицейскими функциями в селении или деревне возлагалась на сельского старосту, который имел право ареста и посылки на общественные работы до двух дней всех своих сограждан и оштрафование их до одного рубля. Земский начальник имел право снимать старосту с должности и делать представления уездному с'езду об его увольнении.

Следующей инстанцией крестьянской организации при царизме было волостное правление, состав которого организовывался из всех сельских старост, сборщиков податей, и особых заседателей, избираемых волостными сходами, под председательством волостного старшины. Компетенция волостного правления в значительной степени была сходна с компетенцией сельских сходов, главным образом, в вопросах общего надзора и управления. Волостной старшина имел очень большие права и действовал во многом самостоятельно, под личной ответственностью. В волостном сходе принимали участие все выборные должностные лица волости и из выборных по одному от каждого десятка дворов. Земский начальник имел право опротестовать приговор волостного схода в уездный с'езд, где дворянство проводило свою политику через чиновников и своих представителей. Волостной старшина избирался на волостном сходе из крестьян-домохозяев не моложе 25 лет, не подвергавшихся телесным наказаниям, на срок до 5 лет. Он прежде всего был администратором с полицейскими функциями и так же, как и сельский староста, имел право ареста своих односельчан, направления их на общественные работы и оштрафования. К этой структуре главных крестьянских организаций при царизме можно еще добавить существование волостного суда, с очень ограниченной компетенцией: выборного, но обязательно контролируемого земскими начальниками. Если в сельских старостах «ходили» большей частью зажиточные, а иногда и середняки крестьяне, то волостной старшина при царизме представлял из себя фигуру ярко кулаческого типа, обиравшего население, прямого помощника земского начальника—представителя института, возрожденного после реформ 1861 г. знаменитым положением о земских начальниках 1889 г. в целях укрепления власти помещика над деревней.

Когда произошла Февральская революция, то это немедленно отразилось на политическом положении земского начальника, полиции, волостного старшины и всех правящих лиц деревни. В большинстве случаев они очень быстро самоликвидировались, и их функции власти должны были быть переняты кем-то другим. Временное правительство не сразу реагировало на эту замену старой власти новой и в начале дело крестьянских организаций было предоставлено естественному ходу вещей при некотором сопротивлении комиссаров и других агентов Временного правительства из правящих классов. В начале марта 1917 г. на волостных сходах, созываемых обычно в старом порядке (из одного от 10 дворов волости), самотеком происходило избрание волостных исполнительных комитетов, которые и заменяли старые волостные правления. Волостные старшины кое-где переизбирались, но только в качестве председателей исполнительных комитетов. С дальнейшим развитием революции, с получением директив от органов власти в городах, исполнительные комитеты переизбирались на основе всеобщего и прямого избирательного права. К выборам привлекалось все взрослое население волости, как мужчины, так и женщины, и не только крестьяне, но и все живущие в данном районе или волости, т.-е. учителя, ремесленники, а также попы, помещики и фабриканты, хотя надо сказать, что эти последние три категории избирателей фактического участия в выборах почти не принимали, но все же имеется ряд случаев, когда священники избирались председателями волостных исполкомов. Основным ядром избирателей были, главным образом, крестьянские массы, и та небольшая часть сельской интеллигенции, которая была заодно с этими массами. Эсерокадетская интеллигенция расценивала эти новые крестьянские организации, как временные, которые должны были быть заменены постоянно действующей мелкой земской единицей. Такой взгляд, между прочим, развивался в целом ряде специальных органов, как, например, «Волостное земство», возникшее почти в самом начале Февральской революции. Во главе этого «земского» течения стояла, главным образом, кадетствующая интеллигенция, которая с проектом волостного земства носилась еще до революции 1917 г. Сторонниками волостного земства были и трудовики, и народные социалисты, а в дальнейшем и правая часть эсеров. Крестьянство рассматривало свои новые, избранные на основе всеобщего избирательного права волостные комитеты, которые назывались иногда общественными комитетами (Томская г.), волостными комитетами народной власти (Самарская губ.), волостными хозяйственными советами (Екатеринбургский у.), волостными земскими советами (Тамбовская, Ярославская, Пензенская губ.), волостными организациями Временного правительства и т. п., как полноправные органы власти, которые должны были вводить новые порядки, как политического, так и экономического характера. Несомненно, что по существу это были организации нормального буржуазного порядка, все более и более прибираемые к рукам властями Временного правительства, которые между прочим особенно настаивали на переименовании всех низовых крестьянских организаций в общественные комитеты с исполнительными комитетами во главе, действующие на основе «бессловесности», т.-е. с непременным участием всех жителей волости, в том числе и помещиков, и попов, и разного рода интеллигентов до волостных писарей и полицейских включительно.

Для характеристики функций этих первичных крестьянских организаций начала революционного периода можно отметить Шапкинский народный комитет, Шлиссельбургского уезда, Петроградской губ., который в марте 1917 г.

был избран на общем собрании всех граждан и из состава которого были выделены особые комиссии: продовольственная, финансовая, судебная, милиционная и ревизионная. В той же губернии ряд волостных комитетов установил выборную волостную и сельскую милицию и особые продовольственные комитеты. Были и такие варианты этих низовых организаций в той же губернии: так, в волостной комитет избрали по одному человеку от каждого сельского общества волости; из состава комитета выбиралась продовольственная комиссия, в которую входили с правом решающего голоса представители от больниц, школ, кооперативов и др. учреждений и общественных организаций волости (Яблоницкая вол., Лужского у., Петроградской губ.). В Московской губ. волостные комитеты обычно трактовались как административные, полицейские и хозяйственные единицы для заведывания всеми делами волости. Состав волостных комитетов иногда достигал 35 человек (Муриковская вол.); в него входило по одному представителю от селений до 50 дворов и по два представителя от селений, где больше 50 дворов. Из общего состава волостного комитета избиралось правление в 5 и больше человек, при чем функции правления были чрезвычайно разнообразны. В таком же порядке и с такими же функциями организовывались первые волостные исполнительные комитеты и их подсобные учреждения и в других районах страны, при чем организация чаще всего начиналась с волостей и потом переходила на селения. Так, например, в Московской губ. в мае месяце волостные исполнительные комитеты имелись уже в целом ряде уездов почти полностью, а сельские—еще только начинали организовываться, при чем их заменяли так называемые «сельские комиссары».

Сельские и волостные и общественные комитеты подчинялись уездным и губернским органам власти Временного правительства. Интересную структуру организации власти, в общем напоминающую только что описанную, установил Самарский с'езд крестьянских депутатов, созванный в конце марта 1917 года. В принятом с'ездом наказе говорилось: «Всеми административными и хозяйственными делами в пределах селения, волости, района, уезда ведают сельские, волостные, районные, городские и уездные комитеты народной власти. Члены сельского комитета избираются сельским сходом, в котором участвуют все граждане селения обоего пола, достигшие 20-летнего возраста. Число членов комитета определяется самим сходом. Сельский комитет избирает из своего состава исполнительный комитет в числе членов соответственно местным нуждам, для проведения в жизнь постановлений комитета народной власти. Деятельность сельского комитета и выборного его состава строго согласуется как с распоряжениями волостного комитета, равно и с распоряжениями районного и уездного комитетов народной власти. Правления сельских комитетов могут приглашать для ведения дел в комитете вольнонаемных служащих. В круг ведения сельского комитета народной власти входит—административная власть, т.-е. все обязанности, которыми ведало сельское управление, все обязанности, которыми ведала сельская полиция, продовольственный вопрос, беженский вопрос, по призрению семей призванных на войну и все другие, которые будут постепенно вытекать из требований жизни.

В составе волостных комитетов входят представители от всех жителей волости без различия пола, но не моложе 20-лет, избранными всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, пропорционально населению, при чем за норму берется один на сто. Общие собрания считаются состоявшимися, когда на них присутствуют не менее половины всех участников. Волостной

комитет избирает не менее трех лиц, которые входят в состав исполнительного комитета. Число лиц его может быть увеличено, согласно количеству населения и той работе, которая будет лежать на обязанности исполнительного комитета. Предоставляется право комитету выбирать членов исполнительного комитета не только входящих в состав волостного комитета, но также и из лиц, проживающих в данной волости. Волостной комитет собирается по мере надобности, по приглашению исполнительного комитета или по заявлению не менее 10 участников его не позже семи дней со дня подачи заявления.

Волостной комитет, как постоянно действующее учреждение, ведает всей административной и хозяйственной работой в жизни волости и ее населения и наблюдает за закономерностью действий сельского комитета, устанавливает тесную связь с существующими в волости кооперативами и другими общественными учреждениями, входящими в район данной волости, в целях согласования всех мероприятий касающихся продовольствия и других хозяйственно-экономических вопросов данной волости. Комитет приглашает для ведения дел в комитете вольнонаемных служащих, согласует свои действия с постановлениями и распоряжениями уездного комитета. Постановления сельских комитетов представляются в волостные; если комитет найдет их незакономерными, то передает в районные и уездные комитеты, смотря по принадлежности.

Уездные комитеты являются высшей административной единицей, руководя и направляя деятельность волостных и сельских комитетов, ведают административными и хозяйственно-экономическими вопросами, являясь контрольными органами всех общественных и других учреждений с высшими органами народной власти. В состав уездного комитета входят делегаты всех волостных комитетов, общественных учреждений, организаций, союзов, профессиональных и политических, как существующих, так и могущих возникнуть, на основе пропорционального представительства. Комитет собирается по мере надобности, по приглашению исполнительного комитета, а также по желанию не менее 5 членов комитета. Собрание считается законным, если на нем присутствует не менее половины членов. Вторичное состоится при всяком числе участников и должно собраться не позднее 2-х недель после первого. Исполнительный комитет избирается из всех жителей уезда.

Районные комитеты, организованные по той же программе, об'единяют и руководят деятельностью волостных и сельских комитетов своего района [1].

Дальнейший этап развития сельских и волостных комитетов шел по двум линиям: с одной стороны, эти организации со своими общими «сходами», чаще называвшимися «общими собраниями граждан», под влиянием той или иной политической партии или организации, вроде Крестьянского союза или партии с.-р., принимали постановления относительно своего присоединения к тем или иным политическим требованиям или программам, а с другой— они несколько видоизменяли и свою организационную структуру.

В этом последнем отношении имел место переход первых правительственных органов в деревне в волостную земскую единицу, о чем речь будет дальше в главе X—«Массовые организации крестьянства перед октябрьской революцией».

---

1 «Изв. Самарского совета раб. и солд. деп.», № 15 от 30/III 1917 г.

Там же мы подробно останавливаемся на организации волостных земельных комитетов, постановление об образовании которых было принято Временным правительством 19 марта 1917 г. Положение о земельных комитетах, изданное министром Шингаревым, было очень плохо разработано и рассчитано скорее на вмешательство правительства в аграрные недоразумения в интересах помещиков. С проведением в жизнь и упорядочением структуры и компетенции земельных комитетов Временное правительство не очень торопилось. На местах земельные комитеты скорее всего были своего рода земельными комиссиями волостных исполнительных комитетов, являясь их подсобными органами в области «упорядочения земельных отношений в деревне». Вместе с этим земельные комитеты подчинялись уездным, те в свою очередь губернским, а эти последние Главному земельному комитету.

По проекту Временного правительства от 21 апреля 1917 г. в состав волостного земельного комитета должны были входить и представители земств, суда и другие чиновники на местах. Затем при земельных комитетах с июля стали организовываться особые примирительные камеры с несколько обуженной компетенцией, «разрешать лишь те земельные и сельскохозяйственные отношения, которые подведомственны комитетам и не затрагивают вопроса о праве собственности на землю, и не сопряжены с уголовно-наказуемыми деяниями» [1]. Примирительные камеры составлялись на паритетных началах: по одному от крестьян, помещиков, арендаторов и представителей власти.

Крестьянство, организуя земельные комитеты, ставило им, однако, совсем не те задачи, которых добивалось Временное правительство.

Если главный, губернский и уездные земельные комитеты были чиновничьими организациями, тормозившими ход крестьянской революции, то на местах—в волостях—земельные комитеты, находясь, главным образом, в руках крестьян, скорее всего стремились вести политику осуществления в тех или иных формах своих надежд и чаяний по поводу помещичьих земель. Низовые земельные комитеты большей частью превращались в органы крестьянской революции наравне с исполнительными комитетами и другими низовыми крестьянскими организациями.

Продовольственные комитеты, которые были также организованы в волостях не сразу, а с некоторым промедлением,—через несколько месяцев после Февральской революции,—не представляли собой чего-либо нового для волостных исполнительных комитетов, а по существу являлись развитием их функций, которые имелись в их первых исполнительных органах. Продовольственные комитеты должны были урегулировать вопросы снабжения хлебом населения своей волости, а также в губерниях вывозящих,—снабжения хлебом городов, армий и т. д.

Несколько особняком от «официальных» крестьянских организаций стоят советы крестьянских депутатов. Идея этих советов носилась в воздухе, так как советы рабочих и солдатских депутатов, действовавшие в Февральской революции, были живым и ярким образцом для деревни. Однако это сознание необходимости организации крестьянства по типу рабочих и солдатских депутатов в деревню проникло не сразу. Большую роль в этом деле сыграл

---

[1] Положение о земельных комитетах и инструкция об урегулировании земельными комитетами земельных и с.-х. отношений были окончательно утверждены Временным правительством лишь 4 октября 1917 г.

Всероссийский кооперативный с'езд, который происходил в Москве 25 марта и на котором была принята резолюция относительно организации советов крестьянских депутатов «снизу доверху».

Кооператоры пожертвовали значительные средства на организацию советов крестьянских депутатов, на созывы уездных, губернских и Всероссийского с'ездов и в значительной степени добились серьезных успехов. За дело организации советов крестьянских депутатов взялись представители крестьянского союза и партии с.-р. За организацию советов крестьянских депутатов агитировали и большевики. Много об этом писал и говорил В. И. Ленин (см. т. IV, ч. 1 и 2), но непосредственной работы большевиков, как партии, по организации крестьянских советов в первые месяцы революции 1917 г. по нашим материалам установить не удалось.

Организация крестьянских советов начинается с конца марта и в апреле 1917 г.—перед первым Всероссийским с'ездом советов крестьянских депутатов и особенно после этого с'езда. Обычно дело начиналось с губернии, и советы крестьянских депутатов создавались так сказать по вызову с мест через партийные, кооперативные и всякие иные связи, при чем на этих с'ездах выносились решения о скорейшей организации низов и выборном представительстве сначала в уездные, затем в губернские и, наконец, на всероссийский с'езды.

По вопросу о структуре первых советов крестьянских депутатов мы имеем несколько планов, предложенных, с одной стороны, кооператорами, и с другой—партией с.-р. Первые на совещании группы представителей кооперативных союзов центральных губерний еще в начале марта предлагали:

«1. В состав волостного совета сельских депутатов входят представители от селений волости, избираемые в количестве не менее одного представителя от каждого селения и по одному представителю от кооператива, находящегося в данном районе.

2. Выборы в совет сельских депутатов производятся на основании всеобщего прямого, равного и тайного голосования, без различия пола и сословия.

3. Волостной совет сельских депутатов избирает из своей среды временный исполнительный комитет.

Число членов комитета устанавливается волостным правлением совета сельских депутатов.

Временный исполнительный комитет принимает на себя обязанности:

а) волостных попечительств о семьях призванных на войну;

б) организация милиции и наблюдение за охраной общественной безопасности;

в) организация продовольственного дела;

г) организацию содействия по развитию культурно-просветительной деятельности в органы местного самоуправления и Учредительное собрание;

д) комитет заменяет свое волостное правление.

Предложение меньшинства—д) комитет принимает на себя заведывание делами волости»[1].

По этому плану функции крестьянских советов все же недостаточно определены, и в них видна тенденция быть властью на местах (организация милиции и наблюдение за охраной общественной безопасности, хотя, как

[1] „Земля и Воля", крестьянская газета с.-р., № 2 от 16 марта 1917 г. стр. 2.

видно из примечания, вопрос о взятии советом «заведывания делами волости» не получил большинства.

Кооператоры остановились на полпути, установив также некоторую систему «двоевластия» и в деревне, не решаясь лишать функций власти «бессословный» общественный комитет деревни во главе с исполкомом. Во всяком случае здесь, как в капле воды, отразилась вся концепция взглядов кадетско-эсеровских кругов на организацию власти в первые месяцы революции 1917 г.

Несколько иное содержание деятельности крестьянских советов и их структуру рисовали себе московские эсеры, предлагавшие следующий план:

«1. Задачей советов крестьянских депутатов должны быть:

выяснение аграрного вопроса и отстаивание тех мероприятий, которые могут быть осуществляемы до Учредительного собрания; подготовка крестьянства к Учредительному собранию; контроль над действиями временных органов власти и наблюдение, чтобы они не отступали от демократических начал; представительство интересов крестьянства в комитетах общественных организаций, советах рабочих и солдатских депутатов.

2. Организация советов крестьянских депутатов должна удовлетворять основному требованию—связать крестьянство сверху донизу не только для выявления мысли и воли населения, но и для проведения практических мероприятий.

3. Советы крестьянских депутатов должны быть волостные, районные. уездные, губернские со всероссийским во главе.

4. Организуются советы крестьянских депутатов примерно следующим порядком: в волостные советы крестьянских депутатов, избираются представители не менее одного от селения (местности, района), всеобщим, прямым голосованием, по расчету—один представитель на 200 человек взрослого населения от 18 лет; в уездные советы крестьянских депутатов представители избираются всеобщим, прямым и тайным голосованием; волости разбиваются на районы волостным советом крестьянских депутатов; один представитель избирается на 1.000 душ взрослого населения; в губернский совет крестьянских депутатов избирается по одному человеку от каждой волости.

5. Советы крестьянских депутатов избирают исполнительные комитеты в числе по усмотрению, но не менее 5 лиц.

6. Исполнительным комитетам рекомендуется образовать при себе бюро содействия, привлекая полезных и сведующих лиц.

7. На расходы по советам крестьянских депутатов устанавливается обложение—со всего населения обоего пола с 18-летнего возраста в размере по 50 коп. единовременно [1].

Особенно важен в этом предложении вопрос о контроле над действиями временной власти и наблюдение, чтобы они не отступали от «демократических начал»... Эсеры проводили по существу свою общую идею контроля «демократии» над правительством буржуазии, которая фактически свела роль советов к прислужничеству этой буржуазии.

Наиболее полно аргументация о задачах и структуре крестьянских советов развернута в инструкции агитационного бюро при Петроградском областном комитете партии с.-р., где было сильно влияние левых с.-р. В ней говорится:

«1. Целью организации деревни является об'единение крестьян для за-

[1] „Изв. моск. губ. сов. кр. деп.“, № 3, стр. 4, 1917 г.

щиты их интересов и интересов всех трудящихся, а также для пробуждения в широких крестьянских массах сознания великих государственных задач, стоящих в порядке дня русской революции, и призвания трудового крестьянства к активной государственной жизни. Перед организующейся деревней, таким образом, стоят две задачи: с одной стороны, устроение местной жизни во всей ее полноте, т.-е. работа по проведению общеполезных мероприятий в селениях и волости, в смысле улучшения местного хозяйства, продовольственного вопроса, мер по обеспечению общественной безопасности и пр., а с другой стороны, упрочение и углубление революционных завоеваний и строительства в смысле подготовки к проведению в жизнь коренных реформ социального и политического характера.

2. Первая задача устроения и организации местной жизни выполняется местным земством или аналогичными временными учреждениями, действующими в связи и контакте с учреждениями правительственной власти, власти исполнительной, действия которой определяются общим направлением правительственного курса. Вторая же задача политического и социального творчества должна выполняться, опираясь на социальную и политическую силу организованного народа. Эта сила выявляется в организованных трудовых элементах демократии и должна влиять на правительственный курс вообще и деятельность местных исполнительных органов в частности.

Вызвать к жизни и организовать эту социальную и политическую силу, которая послужит лучшей гарантией для укрепления и расширения завоевания революции в настоящий переходный момент русской истории, является самой крупной и великой задачей.

3. Лучшей организацией, удовлетворяющей второй из указанных задач, является сеть советов крестьянских депутатов, как местных, так и Всероссийского совета крестьянских депутатов.

4. Советы крестьянских депутатов, таким образом, должны формировать и выявлять политическую и социальную силу, скрытую в толщах крестьянских масс, и в этом смысле они должны занять особое место среди всех учреждений организующейся деревни.

5. Всероссийский совет крестьянских депутатов вместе с советом рабочих и солдатских депутатов явится верховным и мощным органом, который и будет волю народа выявлять в жизни и тем оказывать влияние на весь ход государственной жизни. И эта сила и влияние совета крестьянских депутатов будут тем более, чем теснее будет его связь с крестьянскими массами и чем организованнее будут эти массы. Поэтому на ряду с Всероссийским советом крестьянских депутатов необходимо создать сеть тесно связанных с жизнью огранизующих центров—местных советов крестьянских депутатов.

6. Предыдущим определяются функции и характер совета крестьянских депутатов. Советы крестьянских депутатов, являясь выразителями воли трудового крестьянства и защищающими интересы организованного крестьянства, должны сосредоточить в себе руководительство всей местной жизни. Поскольку самым острым вопросом для крестьянства является вопрос земельный во всей его широте, они должны взять на себя прежде всего регулирование этой стороны русской жизни. В их задачу входит разрешение конфликтов на этой почве между крестьянами и помещиками, распределение и распоряжение земельными богатствами России в смысле охранения их как общенародного достояния до окончательного решения земельного вопроса

в Учредительном собрании. Они должны быть на местах верховной народной инстанцией для использования этих богатств в настоящее тяжелое время в интересах всего государства. В этом отношении они должны пользоваться всеми существующими организациями в деревне, как-то: волостные земства, уездные земства, кооперативы и пр. Решения местных советов должны быть согласованы и одобрены следующими инстанциями по организации советов крестьянских депутатов: уездных, губернских и Всероссийского совета крестьянских депутатов. Всероссийский же совет крестьянских депутатов может, непосредственно сносясь с правительственной властью, оказывать давление на местные органы исполнительной власти; бездействие их расходится с требованиями и интересами демократии.

7. Будучи неразрывно связаны с крестьянской жизнью, местные советы крестьянских депутатов войдут в связь с другими, кроме сельских и волостных, организациями, в частности, с земельными комитетами. По отношению к этим комитетам советы крестьянских депутатов должны занять такое же особое положение. Они будут проявлять инициативу в расширении деятельности этих комитетов, контролировать их деятельность, и все решения земельных комитетов должны быть проверены через местные советы крестьянских депутатов.

8. Этими основами определяется сущность задач, лежащих на советах крестьянских депутатов и, исходя из этого, можно в итоге настоящей инструкции разграничить и выделить советы из всех других организаций в деревне. Таким образом, волостные земства и пр. являются организациями техническими, исполнительными, ответственными перед народом своей организацией, утверждающим право на власть, проводящим в жизнь идею народовластия. Земельные комитеты, призванные к технической разработке земельного вопроса, по отношению к советам крестьянских депутатов, точно так же являясь самостоятельной организацией, играют роль подчиненную. В своей деятельности они должны руководствоваться волей и интересами народа.

9. Советы крестьянских депутатов в свою очередь являются ответственными перед трудовым крестьянством, черпающими свою силу в поддержке организованного крестьянства. Поэтому первой задачей советов крестьянских депутатов является организация крестьян вокруг этих представительных органов крестьянских масс. Местное крестьянство должно поддерживать советы крестьянских депутатов и организоваться вокруг них и под их указаниями удовлетворять свои насущные нужды, отнюдь не прибегая к стихийному и неорганизованному захвату земель и лесов».

Тем же бюро предлагалась следующая схема организации советов крестьянских депутатов:

«1. Сельские советы крестьянских депутатов выбираются населением села—один депутат выбирается на каждые десять, двадцать или тридцать и более дворов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

2. Депутаты в волостной совет выбираются также всем населением по количеству дворов в волости. Один депутат выбирается на 50 или 100 дворов.

3. Уездные советы крестьянских депутатов составляются из советов волостных депутатов по расчету не менее двух от волости.

4. Губернские советы крестьянских депутатов создаются из представителей уездных советов крестьянских депутатов пропорционально населению уезда

5. Выборы во Всероссийский совет крестьянских депутатов кроизводятся на следущих основаниях: волость выбирает двух или более выборщиков. Выборщики, с'ехавшись в губернию, избирают депутатов в Петроград по расчету один депутат на 150.000 всего сельского населения, не менее одного от уезда. Где губернский с'езд невозможен, выборы производятся поуездно или порайонно по тем же правилам и расчету» [1].

Как из перечня задач, так и из схемы организации, видна тенденция левых эсеров дать советам крестьянских депутатов значительно больше прав, чем это мыслили себе кооператоры и московские эсеры. Но по существу это были лишь планы, далеко расходившиеся с действительностью.

На каких организационных принципах происходили первые выборы крестьянских советов в деревне, практически у нас сведений нет. Вероятно, это делалось приблизительно по тем схемам, которые приведены выше. Перед майским с'ездом Всероссийского совета крестьянских депутатов в ряде губерний прошли выборы по волостям на уездные и губернские с'езды, а от них и на Всероссийский с'езд, но все же представительство низов на этом с'езде было далеко не полным. В советы крестьянских депутатов на местах при их спешной организации, при политической темноте крестьянства и неподготовленности к общественной работе в первую очередь проникли, конечно, представители верхушечных слоев деревни, «мартовские» эсеры из деревенской интеллигенции и т. п. Это соответствующим образом окрасило и Всероссийский с'езд крестьянских депутатов. В дальнейшем на организацию деревенских советов оказывали свое влияние и представители городского пролетариата, и солдаты с фронта, и из больших городов, о чем подробнее сказано будет дальше (см. главы «Смычка города и деревни» и «Крестьянские организации в армии»).

О политическом настроении низовых крестьянских организаций в первые месяцы революции 1917 г., как «официальных», так и типа советов, а по ним и о широких массах деревни можно судить по постановлениям этих организаций по трем основным вопросам: о волости, о войне и мире и о земле.

Крестьянство в массе не ставило перед собой так остро вопрос о двоевластии, как это делали рабочие города, отчасти потому, что недостаточно разбирались в сущности Временного правительства, и под влиянием агитации эсеров, крестьянского союза и других оборонческих партийных групп оно чаще всего выносило резолюции о поддержке Временного правительства, одни безоговорочно, другие в духе «постольку, поскольку» его политика не расходится с советами рабочих и солдатских депутатов.

В некоторых резолюциях мы находим представление о совете рабочих и солдатских депутатов, как о стороне, защищающей интересы демократии, при чем защищать их приходилось, вероятно, от того же Временного правительства буржуазии, власть которой признавалась единой в это время ярко выраженного двоевластия.

Из резолюций «с оговорками» можно привести из наиболее ранних в качестве образца «условную» резолюцию крестьян Подольского у., Московской губ., о «поддержке Временного правительства, доколе действия его не будут расходиться с интересами трудового крестьянства и рабочего класса» [2].

---

[1] „Земля и Воля“ № 41, 13 мая 1917 г.
[2] „Голос крестьянского союза“, № 1, 1917 г.

Кое-где проскальзывают и еще более резкие ноты по адресу Временного правительства, утверждавшего комиссарами тех же помещиков и чиновников старого режима.

Аграрная политика, которую проводило Временное правительство, вернее, саботаж в разрешении больного для деревни земельного вопроса, вполне естественно вызывала недоверие у крестьянства и служила поводом к появлению такого рода резолюций:

«Мы, крестьяне Ружинской волости, Режицкого у., Витебской губ., на сходе 22 апреля (5 мая) с. г., обсудив современное положение считаем, что Временное правительство не стоит на страже интересов рабочего и крестьянского люда, а представляет грабительские интересы буржуев-помещиков, а потому считаем единственным и действительным правительством Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Председатель волостного собрания А. Митриевич. Секретарь Шишко» [1].

Резолюции об отношении к Временному правительству разных с'ездов крестьянских депутатов в ряде других губерний сводились в основном к указанным двум линиям, при чем интересно отметить, что чем дальше от февраля, тем резолюции все больше и больше принимают оттенок обусловленности доверия Временному правительству теми или иными оговорками.

Несколько иначе в крестьянских резолюциях как низовых организаций, так и различных с'ездов крестьянских представителей развертывался вопрос о войне и мире. В одной из резолюций собрания уполномоченных Яблоницкой вол., Лужского у., Петроградской губ., имелся призыв «божьей помощи доблестному русскому воинству довести войну до благополучного конца, не преследуя завоевательных планов» (резолюция датирована 17 марта 1917 г.) [2]. В том же духе выносились резолюции и позднее. Тон многим крестьянским резолюциям по вопросу о войне и мире задавали кооператоры, выступавшие на с'езде 25 марта в Москве с ярко шовинистическими речами и резолюциями. С этого с'езда на места кооператоры повезли лозунг: «если мы проиграем войну, мы проиграем революцию». Отсюда легко было сделать вывод о продолжении войны «до победного конца», о подписке на «Заем свободы» и т. д. Меньшевистско-эсеровская демократия в крестьянских массах нередко добивалась именно таких воинствующих резолюций.

Многие из низовых организаций советов в марте—апреле принимали резолюции о присоединении к воззванию совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», при чем иногда подчеркивалось требование скорейшего прекращения войны и заключения «народного» мира, в некоторых резолюциях определенно требовалось «скорейшее опубликование секретных договоров, заключение мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций».

В мае крестьянские требования заключения мира становятся все реже и реже, и в огромном количестве просмотренных нами приговоров крестьян на собраниях вопрос о мире и войне чаще всего заслоняется вопросом о земле.

Если признать правильным взгляд, основанный на просмотре указанных документов, что крестьянство к маю 1917 г. все больше и больше втягивалось в орбиту «революционного оборончества» и не оказало должного сопротивления кампании, которую вели эсеры и меньшевики за наступление на

---

[1] „Правда", № 43, 1917 г.

[2] „Земля и воля", № 47, 1917 г.

фронте, то в вопросах о земле картина получалась совершенно иная. Здесь крестьянство, наоборот, день за днем все левело и левело. Масса крестьянских приговоров, опубликованных полностью и в выдержках в повременной печати за первые три месяца после Февральской революции, указывает, как крестьянство жадно тянулось к земле, как оно решительно отвергало политику оттяжки решения земельного вопроса. Однако и здесь было бы перегибом изображать дело так, что крестьянство категорически не соглашалось ждать решения земельного вопроса Учредительным собранием. Наоборот, имеется очень много резолюций, которые выносились и по селам, и на волостных, и уездных с'ездах советов крестьянских депутатов, Крестьянского союза, наконец, на губернских с'ездах, в которых указывалось, что решение основного вопроса о земле должно быть проведено созываемым в ближайшем времени Учредительным собранием. Однако дело было не в этих формальных резолюциях. Крестьянство, использовывая законы Временного правительства о продовольственных и земельных комитетах, об охране посевов и т. п., чаще всего подчеркивало необходимость *правильного и полного использования в 1917 году земельных угодий, независимо от того, кому они принадлежат.*

«*Временно, впредь до разрешения земельного вопроса на Учредительном собрании,* — говорилось в одной почти декретивной резолюции, — *использовать путем реквизиции все пахотные и луговые угодия, с предоставлением всех земель, не могущих быть, по заключению местных комитетов, обработанными силами самих владельцев, в распоряжение местных исполнительных комитетов. Необходимый для обработки, обсеменения и уборки живой и мертвый инвентарь реквизируется волостными комитетами. Все договоры об аренде земель признаются нарушенными*»[1]) *и т. д.*

Такого рода постановления, всюду предваряемые принципиальными заявлениями о конфискации всей помещичьей земли, обращении ее в государственную собственность (национализация) и т. п., являлись реальным планом ближайшей деятельности деревенских организаций для огромной массы крестьянства.

Подводя итог взглядам крестьянства на решение вопросов о власти, войне и земле, можно указать, что в рассматриваемый период революции крестьянская мысль еще недостаточно четко разрешила для себя связь этих «трех китов». Все же можно наметить две основные линии, по которым раскалывалось крестьянство. Часть крестьянства высказывалась за поддержку Временного правительства с весьма серьезными оговорками, в которых сквозило явное недоверие, требовала скорейшего прекращения войны, настаивала на немедленном созыве Учредительного собрания, высказывалась принципиально за национализацию всех земель без выкупа и более решительное использование помещичьих земель до Учредительного собрания «на законном основании» в интересах «разгрома внешнего врага» и прочее (Рязанский с'езд).

---

1 Из резолюции Рязанского губернского с'езда представителей губернского, уездных, городских и волостных комитетов, земства и города, крестьянского союза, об'единенных кооперативов, совета рабочих и солдатских депутатов (журнал „Волостное земство“, № 9—10, 1917 г.).

Другая часть крестьянства, более право настроенная, выражала безоговорочно или почти безоговорочно доверие Временному правительству, призывала ловить дезертиров и воевать до «победного конца» (с оговоркой, «не преследуя завоевательных планов») и стояла за отсрочку решения земельного вопроса Учредительным собранием, высказываясь в принципе тоже, как и «левые», за национализацию земель и разные варианты по вопросу о выкупе и конфискации частновладельческих земель, за уравнительное землепользование на основе трудовой или потребительской нормы и т. п. Здесь-то и получался тот стык между буржуазией и крестьянством, о котором неоднократно говорил В. И. Ленин на Петроградской и Всероссийской конференциях в апреле 1917 г. На последней в резолюциях по аграрному вопросу была подчеркнута необходимость национализации земли, необходимость поддержки пролетариатом буржуазно-демократической революции крестьянства «за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и т. д.)», при чем партией был выдвинут лозунг «немедленного перехода всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников, органы местного самоуправления» [1].

Советы крестьянских депутатов тем и отличались от исполнительных, земельных и других комитетов в деревне, что они были «вполне независимыми от чиновников и помещиков» органами крестьянской революции. Вся их беда заключалась в том, что они подпали с первых же моментов своего возникновения под идейное влияние соглашательских реформистских партий и поэтому не имели возможности развернуть до конца свою революционную сущность вплоть до Октябрьской революции, но об этом дальше.

IV. МАЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ [2]

Подготовка с'езда советов крестьянских депутатов шла по двум линиям. С одной стороны, за это дело взялся б. председатель Крестьянского союза С. Мазуренко, вступивший на этот счет в переговоры с советом рабочих и солдатских депутатов в Петрограде и с кн. Львовым и Керенским, одобрившими план созыва такого с'езда. С другой—за созыв с'езда взялись эсеры, проведшие на кооперативном с'езде соответствующую резолюцию, получившие на его созыв деньги от кооперации и сумевшие захватить из кассы Крестьянского союза $1/2$ миллиона рублей [3]. В организационном комитете по созыву с'езда $2/3$ голосов было у с.-р. и $1/3$ у Крестьянского союза. Посылка делегатов на с'езд велась в «ускоренном» порядке с большим отбором, и в результате на с'езде оказалось 537 эсеров из общего числа 1.115 делегатов. «Крестьянская фракция М. В. Фрунзе», как называет С. Мазуренко группу

---

[1] „Петрогр. общегородск. и всероссийск. конференция РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г." Изд., 1925 г., стр. 160.

[2] Подробные сведения об этом с'езде мною опубликованы в „Пролетарской революции", № 5 (6) за 1927 г.

[3] С. Мазуренко „Крестьянство в 1917 г." в ж. „Пути революции", № 1 (10), 1927 г., стр. 20—22.

крестьян-делегатов, голосовавших за резолюции большевиков, руководимых В. И Лениным, т. Смилгой и др., составляла всего лишь 14 человек. Состав с'езда заранее определял его политическую физиономию, явно эсеровского характера. По всем основным вопросам, интересовавшим крестьянство, с'езд выносил резолюции в духе партии с.-р.

Прежде всего с'езд должен был разрешить вопрос о коалиционном правительстве, т.-е. об отношении к вхождению представителей мелкобуржуазных партий в состав Временного правительства. Против эсеровских предложений выступали только от имени 14 беспартийных М. В. Фрунзе (Михайлов), предлагавший вынести недоверие Временному правительству в связи с его политикой в вопросе о войне и о переходе земли в руки трудящихся.

Эсеры, заранее сторговавшиеся с кадетами, энергично настаивали на принятии своей резолюции, которая получила в результате свыше 800 голосов за и 16 против при 14 воздержавшихся. В резолюции с'езд признавал— «министров-социалистов» «своими представителями в правительстве, ответственными до Учредительного собрания перед советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

От вопроса о коалиционном правительстве с'езд перешел к вопросу о войне, заслушав доклады эсера Бунакова-Фундаминского и Зиновьева. Революционное оборончество эсеровского «Непобедимого» было очень искусно замаскировано, и в результате эсеровская резолюция о «самой активной защите страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами», и о «принятии самых решительных мер к поднятию боевой силы армии как для оборонительных, так и наступательных действий», была принята таким же огромным большинством с'езда.

Было совершенно ясно, что по двум основным вопросам текущей политической жизни—о власти и о войне и мире—с'езд явно шел на поводу у буржуазии и прикрывавших ее правых «социалистов».

По продовольственному вопросу выступили с.-р. Н. Д. Кондратьев и большевик т. Смилга. Первый, исходя из принципов оборончества, призывал крестьянство к признанию целесообразности твердых цен, монополии на хлеб и т. д., затушевывая вопрос о бешеных доходах помещиков и капиталистов. Речь т. Смилги оказала некоторое влияние на резолюцию с'езда, которая оказалась одной из наиболее левых из всех принятых с'ездом. В резолюции говорилось о необходимости установления монополии и твердых цен на хлеб, о снабжении деревни инвентарем и предметами массового потребления, о распределении продуктов первой необходимости по карточной системе, об ограничении прибылей капиталистов, об увеличении пайка семьям всех призванных и т. п.

Но главным и наиболее острым для с'езда был, конечно, земельный вопрос, занявший больше всего времени. Эсеры и трудовики выдвинули лучших своих специалистов аграрников, против которых должен был выступать В. И. Ленин.

Опасаясь, как бы не провалиться с большинством голосов на с'езде по земельному вопросу, эсеры поспешили перед докладами и прениями по этому вопросу провести под сурдинку выборы исполнительного комитета, где им удалось добиться огромного большинства. Так например, В. М. Чернов получил 810 голосов, Е.К. Брешко-Брешковская—809, А. Ф. Керенский—804; Н. Д. Авксентьев—799 и т. д., в то время как В. И. Ленин

собрал всего 20 голосов, левый с.-р. Камков—10, Мария Спиридонова—7, М. Горький—8 и пр.

Выступление Ленина по аграрному вопросу с.-р. перенесли на самый конец с'езда, справедливо опасаясь, что его выступление может «подбавить масла в огонь», усилить недоверие значительной части делегатов к руководящей верхушке с'езда. Докладчики эсеров и трудовиков все острие своей «критики» направили по адресу тактических предложений большевиков о немедленном захвате крестьянством организованным путем частновладельческих и пр. земель. Было не мало вылито всякого рода лжи и клеветы по адресу заявлений В. И. Ленина, которому пришлось в своем докладе отгораживаться от этих приписываемых большевикам предложений по земельному вопросу. В речи В. И. Ленина и в проекте резолюции по аграрному вопросу [1] проводилась идея о самочинном и немедленном захвате кестьянами земель всех категорий без выкупа, не платя помещикам арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания.

В речи от 22 мая, кроме того, подчеркивалось: «Мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность; мы никоим образом не защищаем раздела этих земель; мы предлагаем, что вся земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, принятому большинством местных и крестьянских делегатов» [2].

В проекте резолюции по аграрному вопросу, представленном В. И. Лениным с'езду от имени фракции большевиков, предлагалась, в развитие постановлений Всероссийской конференции партии, конфискация всех помещичьих и частновладельческих земель (а также удельных, церковных и т. д.) и немедленный их захват крестьянами для хозяйственного распоряжения, уничтожение частной собственности на землю вообще (т.-е. национализация земель). Кроме того, в резолюции подчеркивалось, что «крестьяне должны отвергнуть совет капиталистов, помещиков и их Временного правительства относительно «соглашения» с помещиками на местах для установления немедленного распоряжения землей; распоряжение землей должно определяться организованным решением большинства местных крестьян, а не соглашением большинства, т.-е. крестьян с меньшинством, и при том ничтожным меньшинством, т.-е. с помещиками. Далее в резолюции говорилось, что «переход всех помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть проведен до конца, ни упрочен без разрушения в крестьянских массах доверия к капиталистам, которые борются и будут бороться против этого перехода, без тесного союза крестьянства с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки советов рабочих, солдатских, крестьянских и других депутатов. Только государственная власть, находящаяся в руках подобных советов и управляющая государством не через полицию, не через чиновников, не через оторванную от народа постоянную армию, а через всенародную, поголовную, вооруженную милицию рабочих и крестьян, в состоянии обеспечить изложенные выше и требуемые всем крестьянством земельные преобразования».

---

[1] В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 157—173 и 174—175.
[2] В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 158.

В. И. Ленин в дальнейшей части своей резолюции вновь указывал на необходимость особой организации наемных рабочих и беднейших крестьян, чтобы они могли отстаивать свои интересы против богатых крестьян, «неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками». Отмечая в резолюции необходимость для советов рабочих и крестьянских депутатов надзора и руководства всем производством и распределением продуктов, В. И. Ленин подчеркивал задачу соглашения «советов крестьянских депутатов с советами рабочих депутатов об обмене хлеба и других деревенских продуктов на орудия, обувь и пр., без посредства капиталистов и с устранением их от заведывания фабриками. «В тех же целях,— заканчивалась резолюция,—надо поощрять переход помещичьего скота и орудий в руки крестьянских комитетов для общего пользования этими орудиями и этим скотом», а также «устройство из каждого крупного помещичьего имения образцового хозяйства с общей обработкой земли наилучшими орудиями под руководством агрономов и по решениям советов депутатов от с.-х. рабочих».

В. И. Ленин решительно разоблачал буржуазно-помещичью политику партии эсеров в земельном вопросе и его выступления и печатавшиеся во время с'езда статьи в «Правде» и в «Солдатской Правде» несомненно оказали заметное влияние на крестьян-депутатов в вопросе, который им был более всего близок и большего всего наболел. Крестьяне-депутаты заколебались, и на эсеровской фракции обнаружилось, что эсерам протащить свою резолюцию—«разрешение аграрного вопроса Учредительным собранием» — не удастся. Заправилы с'езда приняли все меры к тому, чтобы аграрный вопрос не обсуждать на пленуме, а в заседаниях по областям, где можно было легче обработать крестьян-депутатов.

Эсеры прекрасно понимали, что если бы Всеросийский крестьянский с'езд принял ленинские предложения, то 6 министров-социалистов, не имея большинства во Временном правительстве, не смогли бы провести решений в духе постановления с'езда, так как министры кадеты решительно бы возражали против. В результате явился бы новый кризис власти. Кроме того, это означало бы в значительной степени срыв политики наступления и всей ставки эсеров на буржуазно-демократическую революцию.

Чтобы выйти из затруднительного положения эсеры нащупали компромисс, в виде «каучуковой формулы», которая примиряла всех. Было решено передать все земли, не только помещичьи, но и крестьянские, в ведение земельных комитетов и на их «учет». «Из'ятие из владения в виде общей меры не предлагалось. Имелся в виду лишь контроль хозяйства с устранением действий разорительных и обесценивающих и регулированием земельных отношений» [1].

В резолюции, принятой с'ездом 25 мая, говорилось, что очередной и самой важной и самой ответственной задачей передовой части крестьянства является организация выборов в волостные и уездные земства и организация при них земельных комитетов, с тем, чтобы в основу их работ по подготовке земельной реформы легли следующие начала: «переход всех земель государственных, монастырских, церковных и частновладельческих в общенародное достояние, для уравнительно-трудового пользования без всякого выкупа». Далее в резолюции говорилось, что «в ведении земельных комитетов

[1] В. Гуревич—„Всероссийский Крестьянский С'езд и первая коалиция"—„Летопись Революций". Кн. 1, стр. 192.

должны находиться все земли, все способные рабочие руки, как-то: вольные земледельческие дружины, артели военно-пленных и т. п. Все сельскохозяйственные машины и орудия должны быть реквизированы для всестороннего использования на общественных и кооперативных началах, под контроль земельных комитетов и других органов общественной власти должны быть переданы всякого рода хозяйственные запасы. Земельным комитетам предоставляется также установление арендных цен, порядок внесения арендных денег и определение оплаты сельскохозяйственного труда и т. п. Необходимо строгое и неуклонное, под контролем земельных комитетов, проведение в жизнь запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания».

Дальше в резолюции говорилось о нежелательности явочных и захватных действий крестьянства, которые только затруднят и осложнят дело реформы, и крестьянство приглашается к спокойному, но твердому и неуклонному проведению в жизнь в правовых формах тех заветных дум и чаяний трудового земледельца, которые издавна выражены в дорогом для каждого крестьянина лозунге: «Земля и воля» [1].

Эта резолюция, в корне расходившаяся с ленинской в основных вопросах—обеспечения завоеваний крестьянства при условии создания власти советов и низвержения как политического, так и экономического господства буржуазии,—была выходом для эсеров из затруднительного положения, при чем в конечном счете она осталась на бумаге, так как министры-социалисты не только в мае, но и в последующие месяцы не только не стремились проводить в жизнь ее основные положения, а скорее наоборот— в своих законодательных мероприятиях о земельных комитетах и их компетенции решительно протестовали против представления им тех прав, о которых говорилось в резолюции с'езда.

Из отдельных постановлений с'езда следует еще отметить решение по организационному вопросу о преобразовании организаций Крестьянского союза в советы крестьянских депутатов и резолюцию порицания деятельности кронштадских моряков, выступивших тогда с требованием перехода власти в руки советов. Эта последняя резолюция о всемерной поддержке Временного правительства буржуазии против бунтующих матросов была большой победой для эсеров и меньшевиков. Кн. Львов и Керенский, благословившие организацию крестьянства под эсеровским флагом и Крестьянского союза должны были радоваться, так как с'езд дал им все, что они хотели. Лакеи буржуазии очень ловко сумели фальсифицировать крестьянские чаяния и надежды, опираясь на недостаточное умение крестьянства разбираться в сложных политических вопросах, и только в одном, в вопросе о земле, буржуазии и эсерам пришлось пойти на значительные уступки, хотя бы и словесного порядка. Здесь важно отметить, что крестьянство всерьез приняло постановления 1 Всероссийского с'езда своих депутатов о взятии земельными комитетами «на учет» помещичьей земли и в практической деятельности местами пошло даже дальше, чем говорилось в цитированной выше резолюции. Крестьянское движение летом 1917 г. несомненно широко использовало аграрную резолюцию первого с'езда и на «законном» основании стало применять ту тактику, которую рекомендовал на с'езде В. И. Ленин.

---

[1] „Известия Всер. ср. в. кр. деп.“, № 15, 1917 г.

V. ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ[1]

Возникший в революцию 1905 г. Крестьянский союз, несомненно был делом рук в значительной степени «третьего элемента», и мысль об его восстановлении очень просто держалась в этих кругах. Охранное отделение в Москве, тщательно следившее за кооператорами и земскими деятелями, установило, что в 1916 г. в квартире кн. Шаховского состоялось совещание, па котором Н. В. Чайковским и С. Н. Прокоповичем был поднят вопрос о воссоздании Крестьянского союза. С. Н. Прокопович предлагал через Московское общество сельского хозяйства созвать Всероссийский сельскохозяйственный с'езд с участием агрономических деятелей, а также более сознательных представителей крестьянства, и уже на этом с'езде в окончательной форме выкристаллизовать идею, заложить основы к р е с т ь я н с к о г о союза (курсив мой. *А. Ш.*) [1].

О восстановлении Крестьянского союза был поднят вопрос и на первом после революции кооперативном с'езде 25 марта в Москве.

Одновременно деятели союза в 1905 г. С. Мазуренко и др. в Петрограде и в Москве приступили к организации главного комитета союза и созданию отделов на местах. Весной 1917 г. верхушка союза состояла из членов главного комитета 1905 г., выборных из числа прежних сотрудников и центрального бюро, представителей московской учительской организации и кооперации.

Как уже отмечалось выше, провести подготовительную работу по совыву I Всероссийского с'езда крестьянских депутатов организаторам Крестьянского союза не удалось, так как это дело вскоре перешло в руки партии с.-р., и из 30 человек организационного комитета крестьянский союз имел только 10. На I с'езде советов крестьянских депутатов представители Всероссийского крестьянского союза действовали распыленно, часть из них участвовала в работах фракции трудовиков, некоторые блокировались с правыми эсерами и лишь небольшая группа представляла из себя «фракцию» Крестьянского союза. Из представителей Крестьянского союза в исполнительный комитет совета крестьянских депутатов попали только наиболее правые как Н. В. Чайковский, С. П. Пасечный, главный же организатор союза С. П. Мазуренко получил всего лишь 65 голосов и был забаллотирован.

31 июля 1917 г. Всероссийским крестьянским союзом был созван в Москве особый с'езд крестьян, организованных в Крестьянский союз, для выяснения программной платформы по всем вопросам текущего исторического «момента». На с'езде происходила оживленная полемика между представителями совета крестьянских депутатов и Крестьянским союзом по вопросу об единой организации крестьянства. Первые со с'езда ушли. На с'езде были представлены 32 губернии и 34 делегата от крестьян и солдат, примыкающих к Всероссийскому крестьянскому союзу. На с'езде были приняты устав союза, резолюция по земельному вопросу, подтверждено принятие программы союза, выработанной в 1905 г., резолюции по вопросу о войне, о Финляндии и Украине, о Временном правительстве, о выборах в Учредительное собрание, о народном образовании, о местном самоуправлении, о тактике Крестьян-

---

[1] Подробный анализ Крестьянского союза дается нами в журнале „Историк-Марксист, т. V, 1927 г.

ского союза, о страховании крестьянского хозяйства и пр., при чем с'езд был признан III с'ездом Крестьянского союза.

Представители Крестьянского союза участвовали в заседаниях предпарламента.

По выражению С. Мазуренко, в октябрьские дни Всероссийский крестьянский союз «свернул знамя», «уступив дорогу революционному потоку рабоче-крестьянских масс под другими лозунгами» [1].

Такова внешняя сторона деятельности Крестьянского союза в его верхушечных органах.

Из документов социально-политического характера, выявляющих классовую сущность организации, следует привести несколько выдержек. Наиболее ранний из документов и, пожалуй, наиболее характерный — это воззвание союза—«Ко всему крестьянству», впервые опубликованное в газетах в начале марта и воспроизводившееся на местах [2].

«...Государственная Дума, взамен разрушенного навсегда царского строя образовала Временное Революционное Правительство с тем, что власть будет передана всему народу, будет созвано Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Главный комитет Всероссийского крестьянского союза призывает крестьянство поддержать Новое правительство, его комиссаров и все общественные организации, которые признаются Временным Правительством, отнюдь не допуская самоуправства и посягательства на чужую собственность и свободу. Для успешного окончания войны и низвержения немецкого тирана, кроме пушек, ружей, удушливых газов и всякого военного снаряжения, нужен и «хлеб», а потому крестьяне-земледельцы, спешите помочь нашим братьям-солдатам, товарищам-рабочим и всем вообще гражданам в продовольствии, всем миром поставляйте, граждане-крестьяне, хлеб по тем ценам, которые установит Новое Правительство. Наступает весна, не оставляйте незасеянными ни одного клочка ваших полей и огородов, работайте миром, мужчины и женщины, общественной запашкой, так как теперь в одной семье нет лошадей, в другой не хватает рабочих рук, даже женщин. Поэтому теперь необходимо делать общую запашку на полях, как в старину, в годины бедствий, полюбовно сходясь и решая обо всем с общего совета.

Для прокормления армии и рабочих крестьянского хлеба и скота может не хватить, поэтому частным хозяйствам притеснения не чинить, в их дела не вмешиваться. Для пользы страны пусть и помещики засевают свои поля, в особенности, где есть машины и рабочие руки. Они также, конечно, обязаны поставлять хлеб для армии по ценам и правилам, установленным Новым Правительством.

Хозяйственная жизнь в настоящий момент ничем не должна быть нарушена как у частных землевладельцев, хуторян и однодворцев, так и в трудовом сельском хозяйстве монастырей и церковного причта.

Во время войны все сословия равно послали своих отцов, братьев и сыновей на Фронт. Все равно с оружием в руках стоят перед страшным врагом, защищая родную землю и наш новый свободный строй. Кровавый

[1] Граве—„К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны", 1926, стр. 318.

[2] Мы копируем его с листовки Временного самарского губ. исп. к-та народной власти.

Вильгельм всеми силами будет стараться уничтожить у нас народовластие. Оберегая честь и свободу страны не будем вносить в нашу внутреннюю жизнь раздора и распрей, чтобы не сыграть на руку нашим врагам, только и ждущим такого момента. Будем готовиться к Учредительному Собранию, которое продиктует волю народа и определит формы новой, свободной жизни.

Для борьбы с врагом необходимо усилить добычу каменного угля, руды, необходима постройка огромной сети железных дорог, новых фабрик и заводов, чтобы заводская и фабричная промышленность в избытке производила все необходимое для армии и народа.

Необходимо как можно скорее приступить к восстановлению свободного обмена, который был уничтожен царским правительством, чем и был отчасти создан кризис и обесценены наши деньги.

Граждане русского государства должны приложить все силы к тому, чтобы добывающая и обрабатывающая промышленности достигли у нас таких размеров, как в Западной Европе, чтобы нам быть сильным и независимым на международном рынке сельскохозяйственного труда, промышленности и торговли.

А для всего этого нужны огромные капиталы, которых у нас нет и которые придется привлекать из других стран. Во Франции, Америке и других республиканских государствах фабрично-заводская и сельскохозяйственная промышленности и торговля свободны от вмешательства государства и достигли колоссальных размеров, являясь главными плательщиками прогрессивного подоходного налога. Надо помнить, что капитал обращается быстро из страны в страну и, не найдя себе подходящих условий у нас, легко может быть брошен в чужие государства и даже может оказаться в банках наших врагов, где пойдет на усиление его в борьбе с нами.

Мы заявляем, что наши братья-товарищи, работающие на фабриках и заводах ,всегда встретят поддержку у Всероссийского Крестьянского Союза в своих пролетарских требованиях от предпринимателей. По устранению старого правительства Новое Свободное Государство может существовать только при полной свободе личности, слова и вероисповедания, а равно и неприкосновенности жилищ.

Единственным средством прекращения в Европе войн навсегда является свержение всех деспотических правительств и устройство Европейских Соединенных Штатов, тогда будет легче при одинаковом Государственном строе провести в жизнь социальные начала.

Жители городов, рабочие и другие сословия теперь же, не теряя ни минуты, приступили к подготовке для выборов в Учредительное Собрание и для лучшего устройства своей жизни. Для этого они организуются в партии и союзы.

Крестьянство должно немедленно приступить к организации. Крестьяне, устраивайте «волостные комитеты» Всероссийского Крестьянского Союза, выбирая туда членов из каждой деревни всем миром, земельными и безземельными мужчинами и женщинами, столько лиц, сколько принято обычаем сходов и смотря по надобности.

Выбирайте «волостной совет», не менее как по одному человеку из каждой деревни на текущую работу по устройству в деревне новой жизни и установлению повсюду свободы, равенства и братства.

Граждане-крестьяне, обсуждайте коренные условия свободной жизни, которые нужно будет установить законом будущего Учредительного Собрания.

Граждане крестьяне, торопитесь организоваться по волостям в союзы, так как недалеко время, когда Главный Комитет созовет Всероссийский с'езд Крестьянского Союза для обсуждения программы для крестьянских депутатов, с которой должны будут выступать кандидаты от крестьян на выборах в Учредительное Собрание.

Земельный вопрос во всей полноте может решить одно только Учредительное Собрание, т.-е. «весь Народ Земли Русской».

Трудовое крестьянство несомненно получит столько земли, чтобы народный труд, прилагаемый к земле, дал народному хозяйству наибольшее количество продуктов земледелия. Там, в Учредительном Собрании, крестьянство устранит вековую несправедливость в распределении земли и найдет способы наделить землей каждого желающего ею владеть.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза».

В этом безграмотном воззвании, приведенном нами с сохранением орфографии подлинника, отразилась довольно ярко кадетствующая мысль право-народнических элементов Крестьянского союза.

Из этой прокламации мы видим, что Крестьянский союз безоговорочно поддерживает Временное правительство, призывает крестьянство к «сокрушению» кровавого Вильгельма, высказывается за необходимость немедленного восстановления свободного обмена, за привлечение иностранных капиталов из других стран и т. д., и т. д. По земельному вопросу воззвание придерживается того принципа, что этот вопрос во всей полноте может решить только Учредительное собрание, т.-е. прокламация высказывается против предложений большевиков о немедленной конфискации земли. Это—типичные программа и тактика эсеро-кадетских оборонцев, и вполне естественно, что она была приемлема и для таких представителей кадетской партии, как Кизеветтер, выступавший в «Русских Ведомостях» в № 57 со статьей, вполне одобрявшей эту тактическую платформу Крестьянского союза.

Если мы возьмем другие моменты деятельности Крестьянского союза, хотя бы те же протоколы с'езда Крестьянского союза в августе 1917 г., то в них мы найдем следующее заявление со стороны председательствовавшего на с'езде лидера Екатеринославского губернского отдела союза г. Стронменко, крайне характерное для этой организации: «Граждане, бойтесь диктатуры пролетариата!» По вопросам о тактике в резолюциях с'езда рекомендуется распространять свои взгляды и осуществлять свои требования всеми возможными способами вплоть до составления общественных приговоров на сельских, волостных и частных собраниях «об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния». Никакого реального предложения о захвате власти в этих резолюциях мы не найдем. Здесь есть только указание относительно соглашения с организациями рабочего класса, защищающими интересы трудящихся классов. Но больше всего с'езд в своих резолюциях уделил внимания страхованию крестьянских хозяйств, местному самоуправлению, народному образованию и признанию необходимости скорейшего созыва Учредительного собрания, при чем никакого предложения относительно предоставления Учредительному собранию более реальных прав в интересах трудящихся масс этот с'езд Крестьянского союза не дал. Он подчеркнул только необходимость предоставления народным представителям права самостоятельной законодательной деятельности, не исключая законодательного почина, установления государственной росписи и контроля над администрацией. Предложения с'езда Крестьянского союза по сравнению с

лозунгами, которые давались тогда левыми эсерами и большевиками о переходе всей власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются чрезвычайно убогими и характерными для этого крыла «революционной демократии». В резолюции по аграрному вопросу, принятой с'ездом и в общем повторявшей эсеровские предложения о «социализации»,—имеется один момент, заслуживающий особой отметки; в резолюции говорилось: «государство должно озаботиться, чтобы ипотечные долги по закладным листам, лежащие на землях, при их уничтожении не произвели бы глубокого хозяйственного расстройства в стране, потери Россией внешнего кредита и падения ценности рубля, изыскать специальный фонд за счет обложения более имущих классов населения и налогов на предметы роскоши, не касаясь трудового народа и земли» [1].

Очень любопытна также декларация 15 представителей главного комитета Крестьянского союза, оглашенная на Государственном совещании в Москве 12—15 августа [2]. В ней говорилось, что главной причиной хозяйственной и политической разрухи является обострение классовой борьбы. Далее в этой декларации отмечалось, что «долг всех граждан, верных сынов родины, призывает их к самоограничению, к жертвам». Временное правительство должно привлечь все классы общества к совместному несению тягот государственной жизни. Промышленность и торговля должны подчиниться государственному контролю, труд рабочих должен быть производительным; заработная плата нормирована; крестьянство сдает все свои излишки государству по твердым ценам; вся земля принадлежит народу, но этот вопрос разрешит только Учредительное собрание, до этого должен быть издан закон о земельных комитетах, на обязанность которых ложится урегулирование земельных отношений до Учредительного собрания. Затем указывается на необходимость доведения войны в согласии с союзниками до скорейшего мира; для поддержания крепости России Крестьянский союз вполне одобряет те меры, которые правительство принимает против попытки отделения окраин до Учредительного собрания.

Таким образом, помимо всего прочего, здесь сказался и шовинистический характер Крестьянского союза, выступившего против права окраин на отделение.

На московском областном с'езде Крестьянского союза 8 октября была принята резолюция, еще более характерная для последнего периода жизни Крестьянского союза. Считаем интересным привести наиболее существенные места из этой резолюции.

«В нынешнее смутное время, когда по городам и селам, по всему лицу земли русской идут грабежи, разорение небывалое; когда амнистированные уголовные и бывшие полицейские могут увлекать целые полки не сражаться за родимую Русь или ведут целые деревни на разгромление национального богатства, созданного трудовым крестьянством; когда революционные городские самоуправления и земства не могут распоряжаться в своих территориях, как полные хозяева; когда самочинные организации чинят им всякие препятствия; когда свобода личности ничем не защищена; всякий разбойник, убивший русского гражданина, никем не наказуется; когда целые города

[1] „Земля и Воля“ № 113, 6 авг. 1917 г. Резолюция в такой маскировке косвенным образом выдвигала идею выкупа, против которой с'езд формально высказался против.

[2] „Голос крестьянского союза“, № 17 от 25 августа 1927 г.

и губернии обречены на голод; когда изменники предлагают солдатам воткнуть штыки в землю и перестать защищать родную землю,—тогда в эту годину необходимо всем нам подняться на великую работу строительства русского государства, на борьбу с врагом, который уже стучится в врата Петрограда. В такое время всякий обязан помогать родине, иначе мы погибнем.

В это время созывается Учредительное собрание, поэтому все должны итти к урне, выбирать людей стойких, которые будут защищать, как истинные сыны, свою родину и водворять порядок и внутренний мир, призывая: а) воинов отражать врага, б) рабочего и горожанина работать у станка, в) крестьянина-пахаря пахать землю, сеять хлеб и снабжать армию, города и рабочих продовольствием, г) всех русских граждан к добросовестному несению и исполнению своих обязанностей.

Московский областной комитет Всероссийского крестьянского союза выступает с самостоятельным списком на выборах в Учредительное собрание.

Московский областной комитет не считает возможным примкнуть к списку какой бы то ни было партии, так как: 1) ни одна партия не может охватить многомиллионного и разнообразного по своему составу крестьянства, 2) партийные организации, как показал опыт с выборами в городские и земские самоуправления, для привлечения голосов бросают населению различные заманчивые обещания, которых па практике они выполнить не в состоянии, как например, удешевить и всем дать хлеб, удешевить в городах трамвайное сообщение, заключить немедленный мир, и вместо хлеба—голод, вместо мира—развал армии и затяжная война; 3) в рядах социалистических партий находят себе место и лица, исповедывающие идеи пораженчества и анархизма, что, по нашему мнению, ведет родную отчизну к неминуемой гибели, и 4) партийные деятели часто ставят догму партии выше интересов государства и дела. Всероссийский Крестьянский союз не считает возможным примкнуть и к списку совета крестьянских депутатов, так как: 1) совет крестьянских депутатов является по существу организацией партии социалистов-революционеров и 2) это учреждение со всей партийной нетерпимостью и неразборчивостью в средствах всегда старалось разрушить беспартийную крестьянскую организацию Всероссийского Крестьянского союза.

Мы призываем товарищей-крестьян и всех, кому великое практическое дело, дело спасения родины, дороже партийных лозунгов, голосовать за список Всероссийского крестьянского союза.

Мы пошлем в Учредительное собрание лиц, могущих отстаивать наш наказ, в котором мы скажем: необходимо прежде всего водворить в государстве порядок, путем поднятия боеспособности армии и уничтожения разрухи тыла, как воинского, так и обывательского...

... Учредительное собрание должно устранить продовольственную разруху. Хлебная монополия, продовольственные комитеты не достигли своей цели...

... Необходимо теперь же приступить к реорганизации продовольственного дела: восстановить хлебные и пищевые биржи, предоставив торговым аппаратам право выписывать товары с этих бирж. В комитет биржи, в виде контроля, ввести общественный элемент, в лице домовых комитетов, где они есть, кооперативов, профессиональных организаций, организаций торговых служащих, предоставивши руководить этими комитетами специалистам.

Прежде всего в Учредительном собрании должен быть разрешен земельный вопрос в интересах трудового народа. Всероссийский крестьянский союз

полагает, что вся земля должна быть передана в пользование трудового крестьянства. В разрешении этого большого вопроса Учредительное собрание должно выработать наилучший путь, как к удовлетворению потребностей всего народа, городов, армии и непроизводящих хлеб губерний, так равно и к соблюдению интересов государства в целом. Необходимо немедленно приостановить разрушение национального богатства—хозяйственных экономий несознательными массами, взвинченными безответственными агитаторами, памятуя, что эти сельскохозяйственные богатства пойдут на удовлетворение нужд необеспеченного трудового народа.

Необходимо приступить к улучшению нашего финансового дела. Начать экономить государственные деньги, пересмотреть все субсидии, пенсии, выдаваемые от государства, и расходы и по возможности их уменьшить. В то же время призываем население к поддержке правительства покупкой «Займа свободы», взносами платежей государственных, земских и городских, а равно взносами в ссудо-сберегательную кассу всех лишних денежных знаков...

... Необходимо создать условия, благоприятствующие развитию русской промышленности, что способствует удовлетворению различных нужд населения и дает рабочим возможность всегда и в наилучшей обстановке прилагать свой труд.

Надлежит обеспечить русским гражданам действительную свободу личности, свободу собраний и слова, когда всякий арест или пресечение свободы, а равно обыски могут производиться только по предписанию законной прокурорской власти, но отнюдь не по почину каких бы то ни было других организаций. Между тем как в настоящее время частные лица, в качестве депутатов различных комитетов, позволяют себе врываться в жилища для обысков, производить аресты, при чем правовые начала нарушаются до такой степени, что даже присяжные заседатели подвергаются насилиям толпы.

В государстве должна быть установлена полная веротерпимость: всякий гражданин должен с полным уважением относиться к вере другого, никто не имеет права посягать на святыню человека, оскорблять его религиозные чувства...

... Формой государственного устройства Московский областной комитет ВКС признает демократическую республику с широким самоопределением всех народностей без нарушения целостности общероссийского государства.

Московский областной комитет Всероссийского крестьянского союза».

Эта резолюция, по существу, повторяет только в более «бешеной» и столь же малограмотной форме основные положения мартовского воззвания к крестьянам. «Взбесившийся мелкий буржуа» рвет и мечет громы против «изменников», «уголовных» элементов, «пораженцев и анархистов», «безответственных агитаторов» и пр., под которыми очень прозрачны намеки на большевиков, требует восстановления хлебных бирж, протестует против хлебной монополии, вообще против «развертывания революции» в деревне и городе и за создание условий, «благоприятствующих развитию русской промышленности» и т. п. Этот «бешеный» буржуа против оскорбления религиозных чувств, за целостность общероссийского государства и пр.

Крестьянскому союзу в связи с октябрьским восстанием действительно надо было «свернуть знамя», иначе ему свернули бы шею.

Интересно также, что на этом областном с'езде был намечен список кандидатов в Учредительное собрание по Московской губернии и городу Мо-

скве, а также утверждены и самостоятельные списки по губерниям: Костромской, Калужской, Тульской, Владимирской, Тверской. Таким образом, Крестьянский союз перед октябрьским восстанием выступил открыто в качестве политической организации перед массами со своими избирательными списками.

Таким образом, верхушка союза в 1917 г., несомненно, выступала в качестве политической партии с программой и тактикой эсеро-кад т.к.го толка.

В отношении организаций Крестьянского союза на местах мы имеем сведения о значительном их распространении в ряде губерний: Вятской, Ярославской, Московской, Екатеринославской, в Донской области и др.

О возникновении союзов на местах и характере их деятельности, организационной форме, об отношении к союзу крестьянских масс в нашем распоряжении имеются лишь отрывочные справки.

Так, в конце марта (ст. ст.) в Петроградской губ., в Гдовском уезде, в Полновской вол., по докладу агронома Н. Епифанова, на митинге крестьяне постановили: «Организоваться в крестьянский союз и приняться за организацию уездного с'езда крестьянских делегатов «Крестьянского союза» [1], но тут же на митинге для управления делами волости был выбран ими волостной исполнительный комитет из 26 человек с временным сохранением старого волостного старшины. В той же губернии крестьяне д. Яскович, Лужского у., 2 апреля (20 марта) постановили: «Основать у себя крестьянский союз, чтобы войти в сношение со Всероссийским крестьянским союзом для подготовки к Учредительному собранию» [2]. 22 (9) мая 1917 г. общее собрание всех жителей Медунской вол., Петергофского у., выбрало двух депутатов от волости в Петергофский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но при непременном условии, чтобы избранные представители участвовали в Крестьянском союзе.

Бывали случаи, когда собрание крестьян называло себя советом крестьянских депутатов, ставя в скобки протокола «Крестьянский союз» (Которская вол., Лужского у.). Во многих случаях крестьяне противопоставляли советы крестьянских депутатов отделам Крестьянского союза.

По Московской губернии в газете союза «Голос крестьянского союза» перечислено несколько десятков сел и деревень различных уездов Московской губ., которые выносили решение вступать в союз. Порядок организации союза рекомендовался такой: по селениям и волостям устраивались сходы, выбирались сельские и волостные комитеты, из представителей сельских сходов созывались уездные с'езды и выбирались уездные комитеты, а из представителей волостных сходов собирались губернские с'езды и выбирались губернские комитеты Всероссийского крестьянского союза.

Необходимо отметить, что Крестьянскому союзу неоднократно приходилось вести борьбу с советским типом крестьянских организаций. Так, на станции Михнево, Серпуховского у., 2 мая (19 апреля) состоялось районное совещание советов крестьянских депутатов, на котором было постановлено обратиться к Крестьянскому союзу с требованием о возвращении всех приговоров, отобранных от крестьян на собрании 27 (14) апреля о вступлении

---

[1] „Гдовский голос“ от 27 (14) апреля 1917 г.
[2] „Земля и воля“, № 14, 1917 г., 22 (9) мая 1917 г.

их в Крестьянский союз [1]. Чем закончилась для союза эта история, неизвестно, но в том же Серпуховском уезде крестьяне с. Стремилова—большие поклонники союза—пытались опорочить советы следующими соображениями: «Советы не удобны, так как в этой организации двухстепенные выборы, при помощи которых крестьяне будут просеиваться, и они допускают посылку на защиту крестьянских интересов и не-крестьян, тогда как такие представители не будут истинным голосом деревни» [2].

В борьбе с советами союзовцы иногда добивались «идейной» победы. Это видно на примере следующего приговора 800 крестьян с. Сосновки, Моршанского у., Тамбовской губ.

«Совет рабочих депутатов является представителем лишь небольшой группы населения и потому не может выражать мнения всей страны. Собрание считает необходимым возможно скорую организацию в Петрограде совета крестьянских депутатов, которые, выразители мнения главной массы населения родины, должны занять подобающее их значению место и служить совещательным органом для Временного правительства, контролируя действия последнего. Вместе с тем для об'единения действия трудового крестьянства мы считаем необходимым, чтобы совет крестьянских депутатов, работая в полном согласии со Всероссийским крестьянским союзом, неуклонно держался в дальнейшем программы и постановлений, которые будут выработаны на с'ездах Всероссийского крестьянского союза». Этой резолюцией также подчеркивается политическая роль Крестьянского союза.

По вопросу о характере союза его руководители не давали четкого ответа. Вследствие этого харьковские организаторы Крестьянского союза мыслили его взаимоотношения с советами крестьянских депутатов, как с исполнительным органами Крестьянского союза [3]. Организованный при непосредственном руководстве братьев Мазуренко Донской областной комитет Крестьянского союза об'явил себя «профессионально-политическим союзом хлеборобов «без различия партий» [4].

Нередко эта формулировка «беспартийности» служила прикрытием политической работы эсеров, народных социалистов, трудовиков и пр.

Следует отметить, что в провинции Крестьянский союз делал некоторые попытки об'единиться с советами рабочих и солдатских депутатов. Об этом мы имеем сведения по Екатеринославской губернии, где для проведения совместной кампании выборов в городскую думу, земства и Учредительное собрание, были начаты переговоры о соглашениях. Между прочим в Екатеринославской губ. Крестьянский союз добился почти монополии в деле организации середняцких слоев крестьянства и сумел в значительной части уездов заменить советы крестьянских депутатов, которые имели возможность организоваться только в таких промышленных уездах, как Бахмутский, Мариупольский и др.

С лета 1917 г. организации Крестьянского союза на местах все больше и больше начинают реорганизовываться в советы крестьянских депутатов, а осенью эта «трансформация» идет еще более усиленным темпом. Верхушка союза окончательно отрывается от масс и в октябре «свертывает знамя».

[1] „Известия Московского губ. совета крест. деп.“, № 2, 1917 г.
[2] „Голос крестьянского совета“, № 10, 1917 г.
[3] „Голос крестьянского союза“, № 5, 1917 г.
[4] Там же.

VI. КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В АРМИИ

В первые же месяцы после Февральской революции среди крестьянских масс как на фронте, так и в тылу стали зарождаться своеобразные организации в виде отдельных «крестьянских секций» или советов крестьянских депутатов, той или иной части армии [1]. Наиболее полно удалось проследить организацию совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона, открывшую свои действия 14 апреля 1917 г. [2]. От каждой тысячи солдат было избрано по одному депутату; всего было избрано 280 депутатов, фактически представлявших до 280 тысяч солдат Петроградского гарнизона (вместе с окрестностями). Первое заседание совета открылось 21 апреля в присутствии 160 делегатов от 25 частей. Была избрана исполнительная комиссия из 14 человек. Этот совет был тесно связан с Петроградским советом рабочих, солдатских депутатов через особую комиссию из 7 представителей. Совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона рассматривал себя, как организацию для «давления на Временное правительство в деле решительного проведения конфискации земель помещиков и передачи их крестьянству без всякого выкупа». Платформа совета в земельном вопросе в начале его деятельности сводились к следующему:

1. Вся земля, как-то: удельная, казенная, кабинетская, помещичья, частновладельческая, монастырская и церковная должна перейти в пользование народа без выкупа.

2. Самовольный захват земли без ведома местных земельных комитетов— недопустим, ибо это вносит беспорядок в проведение аграрной реформы и подрывает основы гражданского права.

3. Лес, воды и недра земли должны быть немедленно об'явлены государственной собственностью. Частная же собственность на таковые навсегда отменяется.

4. Срубленные и невывезенные лесные материалы должны быть переданы в распоряжение местных земельных организаций, которые обязаны следить и за порубкой леса, требующегося для нужд государства, а также отправляемого по договору за границу.

5. Лесничие казенных, удельных и прочих лесов должны быть упразднены и заменены в случае надобности выборными от трудового народа.

6. Все покосные угодья должны быть немедленно переданы в ведение местных земельных организаций.

7. Землей имеют право пользоваться как граждане, так и гражданки по установленной трудовой норме, если они будут обрабатывать ее своим личным трудом.

8. Пахотные земли, кому бы они ни принадлежали, владелец которых не хочет или не может ими пользоваться, должны быть переданы в ведение местных земельных комитетов.

9. Окончательное разрешение земельного вопроса подлежит Учредительному собранию.

---

[1] Кроме того, в армии имелись организации крестьянского союза. В Саратове был организован военный союз крестьян („Голос Деревни“ Саратовск. газ., № 4 от 21 мая 1917 г).

[2] „Петроградский совет крестьянских депутатов“. Очерк возникновения и деятельность 1917—1918 г.

10. Необходимо снабдить местные земельные организации сельскохозяйственными машинами и орудиями для обработки полей, покосных угодий, уборки хлеба.

11. Неиспользованный сельскохозяйственный инвентарь помещиков, частных владельцев и складов должен перейти в распоряжение местных земельных организаций.

12. В период полевых работ необходимо организовать поддержку солдатских и безлошадных хозяйств.

Анализируя эту платформу можно видеть, что ее авторы считали возможным немедленный захват земли помещиков, но лишь с ведома местных земельных комитетов. Окончательное разрешение земельного вопроса они откладывали до Учредительного собрания. По политическим вопросам здесь выявилась также «левая» платформа поддержки Временного правительства до тех пор, пока оно выражает доверие совету крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Такой же левый характер носит и требование установления демократической, федеративной, однопалатной, беспрезидентской республики. Совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона требовал, чтобы главную тяжесть военных займов несли капиталисты и вместе с этим считал, что главным источником покрытия государственных расходов должны явиться военные налоги на капитал.

Этот совет принял участие в майском с'езде советов крестьянских депутатов, на котором его представители выступали по целому ряду вопросов, главным образом, о войне и земле, с достаточно левой окраской. Представители этой организации опубликовали после с'езда прокламацию к трудовому крестьянству, которая значительно расходилась с постановлениями Всероссийского совета крестьянских депутатов, что и было предметом расследования в заседании исполнительного комитета советов крестьянских депутатов 8 июня 1917 г. Чем кончилось это расследование неизвестно, но интересно отметить, что представители совета приняли участие в июньской демонстрации против наступления. Вот что об этом писал депутат крестьянского с'езда Морозов: «Члены с'езда крестьянских депутатов Петроградского гарнизона приняли участие в манифестации 18-го июня. Мы шли Петроградским районом, порядок был образцовый, всего было 300 человек, избранных по одному от тысячи, таким образом, мы представляли собой 300 тысяч крестьян. Это шествие наглядно должно было показать всю ложь буржуазии, кричащей, что крестьянство не идет за рабочими. Нашими лозунгами во время манифестации были: «Долой 10 министров-капиталистов», «Земля трудовому народу немедленно, без выкупа» и др. большевистские лозунги. Для нас было большой радостью, что во всем шествии лозунги были одинаковые, и мы готовы с оружием в руках отстаивать наши требования». Влияние петроградского пролетариата на совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона выявилось в том, что рабочие Петрограда из специально отчисленного заработка, давали деньги на рассылку по деревням агитаторов-солдат, на издание воззваний, литературы для деревни и пр. В этом солдатском совете крестьянских депутатов имели своих представителей рабочие следующих заводов: Трубочного, Эриксон, Арматурно-электрического акционерного общества, Русского Рено, Айваз, Монетного двора, Патронного, Лаферм, Новый Лесснер, Трамвайного парка, завода Пузырева, Ниточной мануфактуры, Экспедиции государственных бумаг, Старого Парвиайнен и Русского общества.

Солдатский совет крестьянских депутатов Петрограда особенно энергично развернул работу с апреля 1917 г. по 1 января 1918 г. За этот период времени он послал в деревню 1395 агитаторов, которым были выданы специальные мандаты на агитацию, столько же делегатов выехало в деревню без мандатов. Агитаторы об'ехали 65 губерний и областей [1].

Дальнейшая эволюция совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона указывает на его дальнейшую большевизацию, и в этом отношении характерны следующие положения, которые были вменены советом в обязанность делегатам, направленным на Демократическое совещание. Они должны были отстаивать: 1) однородную и ответственную перед парламентом власть; 2) немедленную передачу земель (курсив мой. *А. Ш.*) в ведение земельных крестьянских комитетов и предоставление им права реквизиции живого и мертвого инвентаря; 3) мир на демократических началах; 4) контроль рабочих организаций над промышленностью; 5) широкую демократизацию армии и полную реорганизацию ставки и высшего командного состава; 6) полную реорганизацию дипломатического корпуса на демократических началах, и 7) созыв Учредительного собрания безотлагательно в назначенный срок 15 сентября.

В октябрьском воззвании к крестьянам, рабочим, солдатам и всем трудящимся этот же солдатский совет писал: «Революция и родина в опасности... Прошло 8 месяцев со дня свержения царской власти, но буржуазно-помещичье правительство революционной России не дало ни крестьянам земли, ни рабочим свободы труда, ни солдатам мира... Временное правительство, потеряв всякое доверие и поддержку, свергнуто. Снова настал кризис революции. Социалисты позорно покинули 2-й Всероссийский с'езд советов солдатских и рабочих депутатов, не считая возможным работать вместе с партиями рабочих и крестьян.

Петроградский совет крестьянских депутатов считает единственным выходом из создавшегося положения образование однородной демократической власти из представителей всех политических партий, входящих в советы, на следующей платформе: 1) Подтверждение декрета о земле. 2) Немедленное предложение демократического мира. 3) Контроль над производством при участии рабочих. 4) Неотложный созыв Учредительного собрания в назначенный срок. 5) Ответственность власти перед советами впредь до Учредительного собрания.

Петроградский совет обещает самую энергичную поддержку и доверие такой власти, резко осуждая всякую попытку ниспровержения ее вооруженной силой или путем саботажа».

Таким образом, совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона был одной из таких левых организаций, которые оказывали влияние на деревню в направлении, близком к лозунгам партии большевиков.

Этот живой пример левизны солдатских масс из крестьянства был, конечно, не по душе представителям Временного правительства и его военным министрам, не говоря уже о том, что офицерство в армии относилось к организации солдат-крестьян скорее враждебно, чем поощрительно. Если некоторые полки выносили резолюции об отмене частной собственности на землю, о передаче всех земельных дел волостным, уездным и губернским комитетам, избираемым крестьянами, если они требовали от Временного пра-

---

[1] „Петроградский совет крестьянских депутатов“, стр. 8 и сл.

вительства декретов о приостановлении сделок с землей и инвентарем[1], то вполне естественно, что со стороны правых и мелкобуржуазных партий принимались все меры к тому, чтобы сбить настроение солдат. В этом отношении очень характерно воззвание, напечатанное в «Рабочей газете», № 24, от 12 мая 1917 г., от комитета солдатских депутатов 540-го пехотного Сухиничского полка, в котором говорилось: «Товарищи-крестьяне, отцы наши и братья, наша свобода, наша воля в опасности, до нас доходят слухи, что по глухим деревням нашей обширной и многострадальной родины какие-то дикие, вредные люди сжигают у помещиков сено, жгут хлеб, бьют скот, разрушают постройки. А на них глядя, подымаются темные, беспонятные мужики наши и за одно с грабителями начинают громить и расхищать помещичьи усадьбы. Мы, ваши сыны и братья, одетые в серые солдатские шинели, из своих окопов взываем к вам: остановитесь, что вы делаете, вы хотите оставить нашу армию без хлеба, без мяса, без фуража, хотите, чтобы нас голодных здесь немцы голыми руками взяли. Вы хотите погубить нашу родину и свою свободу. Вы хотите, чтобы опять у нас был царь Николай со старыми порядками, с розгами, с виселицами, с карательными отрядами, со стражниками, с ингушами, хотите, чтобы у вас вместо земли и воли была голь и маята хуже прежнего. Не хотите, так не троньте чужой собственности, сохраняйте порядок, ждите спокойно и терпеливо, пока новое правительство установит новые законы в государстве. Вот нынешним летом соберется в Петрограде Учредительное собрание, новая Дума. Выбирайте туда своих надежных людей, которые постояли бы за вас, и тогда это Учредительное собрание разберет все ваши жалобы и облегчит все ваши нужды».

Из этого воззвания видно, что солдатские массы на фронте были далеко не на стороне тех течений, которые пропагандировал совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона. Представители действующей армии на майском с'езде советов крестьянских депутатов точно так же были настроены в значительной степени оборончески и по вопросу о земле голосовали с эсерами за решение аграрного вопроса Учредительным собранием. Однако следует отметить, что ряд солдатских наказов на майский с'езд советов крестьянских депутатов был по своему содержанию ближе к той платформе, которую выдвигал совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона[2]. Если можно считать, что июньское наступление на фронте для мелкобуржуазных партий в результате закончилось в значительной мере потерей их влияния на армию, то все же в руководящей верхушке советов солдатских депутатов, через которые она воздействовала и на крестьянские секции, было еще много оборонческих тенденций и эсеровских взглядов на решение аграрного вопроса и после июньского наступления.

Организация крестьянства в армии вообще шла чрезвычайно туго, и только с лета 1917 г. под нажимом солдат-крестьян они начинают серьезно выявляться. Как солдаты настаивали на крестьянских организациях в армии, видно из резолюции 48-й пехотной дивизии, которая на общем собрании солдат постановила: «создать союз солдат с целью организовать разбросанные по окопам крестьянские массы, помогая им путем с'ездов, литературы

---

[1] Первый пулеметный народный полк, „Правда", № 32 от 14 апреля 1917 г.

[2] См. эти наказы: „Правда", № 51 от 20/V 1917 г., „Солдат-гражданин", № 46 от 11/V, № 52 от 19/V 1917 г. и др.

и пр., разбираться в политических вопросах, и тем подготовить солдат к сознательному участию в политической жизни страны и в предстоящих выборах в Учредительное собрание» [1]. О политических настроениях крестьянских организаций в армии можно судить по большому собранию войсковых частей на фронте из крестьян, которое постановило выразить полное доверие совету рабочих и солдатских депутатов, а относительно Временного правительства в резолюции говорилось: «доверяем постольку, поскольку оно будет итти с советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В дальнейшем это собрание требовало скорейшего заключения мира и «немедленного (курсив мой. *А. Ш.*) и полного отобрания всех помещичьих, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и др. земель и передачи их в руки трудового крестьянства; конфискации всех монастырских капиталов и драгоценностей и передачи их в распоряжение советов рабочих и солдатских депутатов». «Мы требуем,—заявляли солдаты, на этом собрании,—чтобы все граждане России имели оружие для того, чтобы защищать безопасность русской свободы. Нас еще и старое, свергнутое правительство кормило обещаниями, то же самое хочет сделать и Временное правительство, поэтому мы требуем, чтобы оно от слов перешло к делу». Они требовали также немедленной передачи нотариальных книг по земельным делам в руки советов рабочих и солдатских депутатов [2]. Немудрено, что в связи с такими резолюциями офицерство в армии выступало определенно враждебно и всячески препятствовало организации советов крестьянских депутатов в армии. Об этом имеется указание в «Известиях всероссийского совета крестьянских депутатов», № 71, где сообщается, что командир третьей армии отказался утвердить списки исполнительного комитета крестьянских депутатов и проект организации военно-служащих армии. Военное министерство, которое по этому вопросу запрашивали представители организации, ответило, что функционирование крестьянских комитетов в армии оно не признает возможным. Еще в начале августа на частном фронтовом совещании при военном отделе Всероссийского совета крестьянских депутатов в резолюции отмечалось: «1) что возникшие на платформе Всероссийского совета крестьянских депутатов в частях войск крестьянские организации пользуются неоспоримым и действенным авторитетом, 2) что идея организации крестьянства встречает исключительно глубокое сочувствие в солдатских массах армии и флота, среди которых до 90% крестьян, 3) что крестьянские организации в войсках безусловно жизненны и необходимы в целях развития в среде солдат, в своем большинстве крестьян, самосознания, сплоченности и чувства долга во имя защиты чести, достоинства и благополучия свободной, революционной родины, что столь важно, принимая во внимание текущие события на фронте и в тылу, 4) что в целом ряде конкретных случаев авторитет крестьянских организаций армии и флота, а в частности Всероссийского совета крестьянских депутатов, служил и служит могучим средством поднятия боеспособности армии и флота и что 5) столь необходимые планомерные организации крестьянства в армии и флоте встречают местами почти непреодолимые затруднения в отсутствии законной почвы, ибо военным министерством организации эти только допущены, но не легализованы. Принимая во внимание вышеизложенное, совещание находит необходимым в целях

---

[1] „Правда", № 76 от 21 июня 1917 г.
[2] „Правда" от 23 июля 1917 г.

скорейшего, планомерного и единообразного проведения в жизнь во всех войсковых организациях армии и флота для достижения внутренней идейной спайки таковых, возникающих крестьянских организаций, и укр пления уже существующих: а) санкцию, соответствующим приказом военного министра, крестьянских организаций при всех фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных, полковых, экипажных, ротных, эскадронных, сотенных, батарейных, судовых и командных комитетах, на равноправных с названными комитетами началах, с тем, чтобы эти организации, действуя в контакте с комитетами и сливаясь с ними в виде крестьянских секций, но сохраняя полную автономию в вопросах чисто крестьянской политики и не затрагивая военной сферы деятельности комитетов, служили связующим звеном между крестьянами армии и флота и их родными селами и деревнями в тылу, обсуждали вопросы чисто крестьянского быта и решали дела, находящиеся в связи с общекрестьянской жизнью, а также широко занимались культурно-просветительной работой среди крестьянских масс, войсковых частей армии и флота и политической их подготовкой к общегражданским обязанностям нового демократического строя, и б) предоставление работникам крестьянских организаций прав одинаковых с правами членов аналогичных войсковых комитетов».

Представители фронта по этому вопросу вели переговоры с Керенским, который обещал им принять меры о допущении крестьянских организаций в армии [1], но затягивал это дело. Представители армии в конце августа обратились вновь к управляющему военным министерством Б. В. Савинкову с заявлением по поводу утверждения положения о крестьянских организациях в войсках [2]. Б. Савинков указал депутации, что издание такого приказа было задержано не по его вине. Одновременно Б. Савинкову было представлено решение президиума военного отдела исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов об установлении должности уполномоченных по крестьянским организациям на каждом фронте. Вскоре приказом по военному ведомству существование в армии специально крестьянских организаций в виде культурно-просветительных ячеек (секций), входящих в состав комиссий при полковых, дивизионных, корпусных и армейских комитетах, было разрешено. Однако и после этого на местах дело организации советов крестьянских депутатов в армии чрезвычайно тормозилось, например: «при 37-й дивизии образовалась крестьянская организация, председателем которой был подполковник Федоров. Офицеры общего собрания дивизии постановили исключить подполковника Федорова из своей среды за участие в такой организации» [3]. «В 5-й армии армейские комитеты всячески противились организации крестьянской секции. О такого же рода фактах на фронтовых совещаниях официально заявляли представители 2-й и 6-й армий» [4].

Стремление эсеров из Временного правительства низвести роль советов крестьянских депутатов в армии до ячеек культурно-просветительного характера, конечно, не способствовало широкому развитию этих организаций, и по существу в сентябрьско-октябрьском движении солдатских масс они существенной роли не играли, хотя несомненно следует отметить их значение в деле организации крестьянства прифронтовой полосы и их влияние, особенно через отпускников, на организацию крестьянских масс вообще в стране.

---

[1] „Новая жизнь“ № 97 от 10 (25) августа 1917 г.
[2] „Новая жизнь“ № 108 от 23 августа (5 сентября) 1917 г.
[3] „Изв. Всер. сов. кр. деп.“ № 83 от 13 авг. 1917 г.
[4] „Изв. ВСКД“, № 73, 1917 г.

О настроениях крестьянских масс в солдатских мундирах в связи с осенним ходом революции можно судить по некоторым резолюциям, имеющимся в нашем распоряжении. Так, исполнительный комитет крестьянских депутатов юго-западного фронта, в связи с корниловщиной, требовал сильной республиканской власти самой революционной демократии, созыва с'езда для реорганизации власти демократических организаций, проведения в ближайшие дни земельных мероприятий, намеченных бывшим министром земледелия Черновым, быстрой ликвидации по всей строгости законов контр-революционного движения корниловцев [1]. 23 октября в городе Минске состоялось открытие первого с'езда армий западного фронта, на котором присутствовало до 400 делегатов. По первому пункту порядка дня—о передаче земли в ведение земельных комитетов—вынесено постановление с тр б ванием «немедленной передачи всех земель без исключения, а также живого и мертвого инвентаря, государственных, частновладельческих и пр. имений в распоряжение земельных комитетов в целях общего народного спокойствия при выборах в Учредительное собрание» [2].

И, наконец, как заключительный аккорд, можно привести наказ уполномоченным 1-го сводного полка Финской стрелковой дивизии: «Мы, крестьяне-солдаты, всецело требуем: 1) власти Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 2) ни на один день не откладывать Учредительного собрания; 3) ознакомления в тылу крестьян с программами всех политичеких партий, а также 4) ознакомления с выборами в Учредительное собрание» [3].

Подведем итоги. Крестьянские организации в армии представляли из себя большую революционную силу прежде всего тогда, когда они были связаны с пролетариатом, что и выявилось на примере совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона. Солдатские крестьянские массы в фронтовых частях большевизировались стихийно и, несомненно, представляли из себя левое крыло в революции. И препятствия к созданию крестьянских организаций в армии, которые ставились Временным правительством и соглашательскими партиями, указывают лишь на то, что земельный вопрос, интересовавший солдат-крестьян, весьма остро фигурировал в настроениях войсковых частей. Буржуазия вместе с ее подголосками — соглашательскими партиями—всячески тормозила развитие крестьянских организаций в армии, которые в первую очередь поставили бы вопрос о самом больном и основном для этих масс—о земле. Солдаты-крестьяне «своим умом» доходили до необходимости организованно бороться «за землю и волю» и всячески помогать широким массам крестьянства в этом направлении. Известную роль в большевизации солдатских умов сыграли «Окопная правда» и вся та большевистская агитация среди солдатских масс, которая шла непрерывно от февраля до октября 1917 г. Восстание 25 октября дало возможность крестьянским организациям в армии развиваться так, как это было необходимо в интересах революции. Но в связи с распадом старой армии крестьянские организации в ней после Октябрьского переворота сходят почти на-нет, и на примере совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона мы видим, что к январю 1918 г. они почти перестают существовать, уступая дорогу новым организациям новой Красной армии.

[1] „Изв. ВСКД", № 116 от 21 ноября 1917 г.
[2] „Правда" № 175, от 14 ноября (1 ноября) 1917 г.
[3] „Правда" № 176, от 15 ноября (2 ноября) 1917 г.

VII. ЗЕМЛЯЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Вопрос о непосредственной помощи крестьянству в революции 1917 г. со стороны пролетариата может быть выявлен по двум линиям. Первая—это помощь идеологического и организационного порядка. Вторая—помощь в хозяйственном отношении. На практике оба вида помощи иногда тесно переплетались между собой.

На первом месте в деле смычки рабочих и крестьян должен быть поставлен петербургский пролетариат. Выше уже отмечалось, что петербургские рабочие принимали очень близкое участие в работах совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона, собирая деньги и помогая своим опытом в деле организации агитаторских курсов и посылки делегатов-солдат в деревню. В мае-июне, под влиянием партии большевиков, среди петербургских рабочих возникает большое течение—образование землячеств отдельных уездов и губерний как по отдельным фабрикам и заводам, так и по районам Петрограда. О размере организации землячеств свидетельствуют целые столбцы об'явлений в рабочей прессе и особенно в «Правде» о собраниях такого рода землячеств. Усиление такого рода деятельности наблюдается в конце июня. Для характеристики размаха движения приведем справку об об'явлениях о собраниях землячеств в № 84 «Правды», где на 25 июня об'являлись следующие собрания: 1) на заводе «Треугольник»—рабочих Себежского у., Витебской губ.; 2) общее собрание Костромского губернского землячества; 3) на заводе «Феникс»—Смоленской губ. (все уезды); 4) общее собрание уроженцев крестьян Тверской губ. в цирке Чинезелли; 5) то же—Чухломского у., Костромской губ. (в клубе военных писарей); 6) то же—Калужской губ. и др. Кроме губернских и уездных землячеств, происходили собрания и по отдельным волостям, при чем, судя по повесткам и порядку дня собраний, на них заслушивались отчеты о поездках и проделанной работе в деревне, собирались средства на поездки, составлялись и утверждались особые наказы делегатам.

В одном из таких ранних наказов Кологривского уездного землячества, опубликованном 27 мая [1], читаем: «Мы, собравшиеся на общее собрание, поручаем своим делегатам требовать от волостных комитетов немедленного созыва общественных собраний, на которых должны сделать доклады о нашей организации в Петрограде и ее целях; раз'яснить на общем собрании, что означают выборы на демократических началах в революционные комитеты вообще и волостные комитеты в частности; уяснить себе, пользуется ли данный комитет доверием большинства, а в противном случае сделать новые выборы; от уездного комитета должны потребовать немедленного прекращения хищнических вырубок лесов частновладельческими предпринимательскими конторами и отдельными лицами; конфисковать невывезенный из лесу материал в пользу революционного комитета, если таковой организовался на демократических началах и должен называться не комитетом общественного спокойствия, а революционным уездным комитетом; все луга и выгоны для скота на частновладельческих землях, носившие кабальный характер с реформы 1861 г., должны быть конфискованы и переданы в распоряжение

[1] „Правда“, № 57, 1917 г.

волостных общественных комитетов; арендные договоры на такие покосы считать недействительными, и если уплачена аренда, то возвратить таковую арендаторам через волостные комитеты; местные волостные комитеты должны взять в свои руки учет церковных земель и имуществ. Организовать центральный орган контроля в уезде и т. д.».

Таким образом, в этом наказе еще нет определенных директив по поводу агитации за немедленное отобрание помещичьей земли, чувствуется несколько осторожный подход к помещичьей собственности, и конфискация допускается лишь по отношению лугов и выгонов для скота, «носивших кабальный характер с реформы 1861 г.», т.-е. реставрируется старая с.-д. аграрная программа 1903 г. Но все же революционный подход к вопросу о лесах, имевших для крестьянства Костромской губ. наиболее важное значение, имеется налицо. В дальнейшем в наказах часто отмечается необходимость подготовки крестьян к выборам в Учредительное собрание, вопросы о земле заостряются в духе большевистской партии. То обстоятельство, что рабочие печатали большей частью свои об'явления в «Правде» также характеризует общее настроение петербургских пролетариев, почувствовавших необходимость соответствующего воздействия на крестьянские массы.

Что посылаемые рабочими Петрограда делегаты делали свое дело хорошо, видно из следующего весьма характерного документа.

М. Ю.
ВИТЕБСКОГО
ОКРУЖНОГО СУДА.
Судебный следователь
Себежского уезда.
Августа 12 дня 1917 г.
№ 526.
Г. Себеж, дело № 129.

Копия.

Арестанское.

Комиссару той части гор. Петрограда, в районе коего расположена фабрика Гука.

По производящемуся у меня делу о произнесении гражданкой дер. Мал. Дубровы, Каменецкой вол., Себежского уезда, Татьяной Сергеевной Михайловой, 26 лет, речи с призывом к свержению Временного правительства и восхвалением тактики Ленина, работавшей в Петрограде ткачихой на фабрике Гука и проживавшей на В. О. по Железноводской ул., д. № 9, прошу Вас дознать и уведомить меня:

1) Имеется ли на названной фабрике сейчас или раньше поляк-конторщик Ленский, каково его отношение к рабочим и к какой политической партии он принадлежит, не ленинец ли он, с какого времени служит на фабрике Гука?

2) К какой политической партии принадлежит обв. Михайлова, не участвовала ли он в демонстрациях большевиков в гор. Петрограде, не является ли она приверженкою Ленина?

3) Какой политической платформы по своим взглядам держится муж обвиняемой, который служит в Петрограде на Трубочном заводе, не ленинец ли он?

И. д. судебного следователя (подпись)».

В этом документе интересно не только отношение «республиканской, почти социалистической» юстиции Временного правительства к рабочим делегатам, но и самый характер той агитации, которую они вели в деревне.

В осенний период революции отдельные землячества начинают сливаться и перед октябрьским переворотом возникает Центральное бюро землячеств, находившееся под влиянием партии большевиков. Это бюро добивалось участия своих представителей в заседаниях право-эсеровского Исполкома всероссийского совета крестьянских депутатов, которое решительно отказывало им в этой «чести». В одной из резолюций на общем собрании землячеств от губерний: Архангельской, Витебской, Владимирской, Костромской, Калужской, Олонецкой, Тверской, Ярославской, Псковской, Вятской, Новгородской, Минской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Виленской, Воронежской и Нижегородской в количестве 5 000 человек, указывалось, что Исполком всероссийского совета крестьянских депутатов «сознательно игнорирует представителей от организаций центрального бюро землячеств и не допускает их на заседания Исполкома с правом решающего голоса только потому, что организованные землячества избирали туда не оборонцев, а истинных выразителей воли беднейшего трудового крестьянства и пролетариата»... «Этим самым,—говорится далее в резолюции,—Исполком всероссийского совета крестьянских депутатов неопровержимо доказывает, что он не является выразителем воли пославших его, а поэтому мы, крестьяне организованных землячеств, требуем немедленного созыва 2-го с'езда советов крестьянских депутатов, а также обязательного переизбрания Исполкома всероссийского совета крестьянских депутатов» [1].

Из этой резолюции совершенно ясно видна та политическая большевистская платформа, на которую в конце концов вступили землячества Петрограда, а также и размах этого движения. К сожалению, мы не имеем данных о распространении «земляческого» движения в других городах, за исключением Москвы, Кронштадта и Твери, но все же можно предположить, что петроградские рабочие были не одиноки в этом важном деле.

Уже одно то обстоятельство, что поднятая буржуазией травля большевиков за требование введения 8-часового рабочего дня направлялась, главным образом, в солдатские и крестьянские массы, вызывало со стороны рабочих естественную реакцию и желание раз'яснить деревне, что 8-часовой рабочий день является необходимым условием культурного роста и возможности для них участия в общественно-политической жизни, что самый характер их труда требует такого сокращения рабочего дня. Как известно, эта кампания буржуазии в конце концов провалилась и воздействие пролетариата на деревню было одним из условий этого провала. Воздействие же мыслилось не только в форме печатной агитации, а, главным образом, устной, наиболее доступной деревне, а это, в свою очередь, вызывало необходимость поездок в деревню. Усилившаяся к лету 1917 г. безработица в городах, как результат общего хозяйственного кризиса, а также и локаутов предпринимателей, давала деревне большие кадры агитаторов революции, которые явились новых отрядом пролетариата, воздействовавшим на политическое сознание деревни и ее организационное строительство.

Эту роль безработных, направлявшихся в деревню, буржуазия и помещики очень хорошо учитывали и со своей стороны были не прочь поставить,

---

1 „Правда“, № 185, 1917 г.

где это возможно, препятствия этому потоку. В этом отношении любопытна заметка в «Вестнике Временного правительства» от 1 августа за №119 [1], где сообщается, что в связи с увольнением большого числа рабочих с фабрично-заводских предприятий, а с другой стороны, вследствие недостатка рабочих рук в сельском хозяйстве, министерство продовольствия совместно с министерством труда предполагало использовать фабрично-заводских рабочих для сельскохозяйственных работ. С этой целью министерство труда и министерство продовольствия обратились с воззванием к безработному городскому населению, предлагая ему помочь трудовому крестьянству в полевых работах. Кроме того, министр продовольствия телеграфно запросил ряд продовольственных комитетов о возможности привлечения безработных к сельскохозяйственному труду. Но эти мероприятия встретили пассивное (курсив мой. *А. Ш.*) отношение со стороны комитетов; последние, уклоняясь от ответа на предложение использовать фабрично-заводских рабочих или указывая на ряд технических затруднений, вместе с тем настойчиво требовали и требуют представления им военнопленных и воинских команд. Вследствие этого министерство продовольствия находит необходимым военнопленных, занятых в фабрично-заводских предприятиях, направлять на сельские работы, а освободившиеся таким образом места предоставлять безработным. Для выработки порядка осуществления проектируемой меры министерство продовольствия полагает наиболее целесообразным образовать особую комиссию при министерстве труда и ввести указанный порядок в кратчайший срок, в виду острой нужды в рабочих руках для всей продовольственной кампании 1917—1918 гг.»

Из заметки весьма определенно явствует, что продовольственные комитеты на местах из буржуазии и помещиков боялись наплыва в деревню «зараженных революцией» пролетариев безработных и предпочитали им менее опасных военнопленных и солдат.

Помощь деревне в хозяйственном отношении диктовалась пролетариату непосредственной его заинтересованностью в хлебе и других продуктах питания. Рабочие прекрасно понимали, что их интересы в революции тесно связаны с крестьянством, нуждающимся в орудиях обработки, в гвоздях и других предметах для починки. В одном из воззваний Центрального совета фабрично-заводских комитетов в сентябре 1917 г. говорилось, что необходимые крестьянину предметы для его хозяйства он не может достать даже и за дорогую цену—«крестьяне, видя, как гибнет от этого их хозяйство, начинают относиться враждебно к городским жителям вообще, а главное—к рабочим, думая, что мы, рабочие, виноваты в недостатке и дороговизне нужных для них предметов»... «В результате,—говорится далее в воззвании,—крестьяне отказываются вести свой хлеб на продажу в город, зная, что за полученные деньги все равно не купишь того, что надо. Так начинается вражда крестьян к рабочим, чрезвычайно опасная по своим последствиям. Этим постараются воспользоваться (и уже пользуются) враги революции»...

Вывод из этого положения напрашивался сам собой. Рабочие должны организованно помочь крестьянину, выделывая необходимые для его хозяйства железные части и предметы. Таким образом, на металлообрабатывающих заводах, опять-таки того же Петрограда, рабочие приступили к организации особых сельскохозяйственных комиссий, которые устраивали у себя по за-

[1] Архив революции и В. П. № д. 2874/66.

водам сбор металлов, браковочных частей, обрезков, обрубков, старых ломанных машин и т. п. Собранный металл поступал в распоряжение особого технического комитета при Центральном совете фабзавкомов под названием «Рабочий—крестьянину», при чем лом шел частью для производства с.-х. инвентаря и запасных частей, для ремонта с.-х. орудий в специальных мастерских и, наконец, для удовлетворения хозяйственных потребностей крестьян и кузниц. Работа закипела, и в конце осени начались первые отправки в села обрезков железа для сельскохозяйственных орудий. Земляческие организации оказали в этом деле значительные услуги. В виду того, что это дело попало в «большевистские руки», Исполком совета крестьянских депутатов также забеспокоился, привлек к участию фабрикантов с.-х. машин и орудий и обратился в Центральный совет фабзавкомов с заявлением, что «совет решил образовать центральную организацию для производства с.-х. орудий» и просил Центральный совет прислать своего представители в организационное совещание [1]. Это происходило в конце сентября 1917 г., когда «политика Исполкома уже возбуждала негодование на местах» (из речи Мелкова на заседании Исполкома 23 сентября 1917 г.) [2], и в результате у кулацкого исполкома ничего из этого дела не вышло. Меньшевики также пытались примазаться к работе организации «Рабочий—крестьянину», но и у них дело дальше разговоров не пошло. Руководимая же большевиками работа по снабжению деревни металлами продолжалась и после октябрьского переворота.

Итак, смычка рабочих и крестьян, руководимая большевиками, шла по широким низовым каналам, действительно творя великое дело рабоче-крестьянской революции. Земляческие организации оказали этой смычке большую помощь. Через них же проводилось большевистское влияние на деревню, особенно в период избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание.

VIII. ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ

Для нашей темы нет необходимости подробно останавливаться на организациях земельных собственников. Вполне естественно, что они были антагонистами крестьянских «советов и комитетов», что они являлись противниками тех требований, которые выдвигались в революции крестьянством. В настоящей главе мы отметим связанную с нашей задачей попытку помещичьих организаций расколоть крестьянство, включить в орбиту их влияние кулацкую и зажиточную часть деревни, до известной степени «нейтрализовать» середняка, использовывая его собственнические инстинкты.

Из наиболее видных помещичьих организаций для 1917 г. является «Всероссийский союз земельных собственников», устав которого был утвержден еще царским министром земледелия 10 ноября 1916 г. Целью союза являлось об'единение земельных собственников «для укрепления начал земельной собственности и для защиты интересов землевладения и сельского хозяйства, главным образом, путем разработки и проведения законов и мероприятий,

---

1 „Раб. газета“, № 168 от 23 сентября 1917 г.

2 „Изв. всер. сов. кр. деп.“, № 121 от 27 сентября 1917 г.

нужных для сельского хозяйства и укрепления земельной собственности [1]. Союз не замыкался в сословные дворянские рамки и этим как бы развивал идею «аграрной партии», с которой еще в 1916 г. носился кн. Щербатов. По плану этого князя в состав партии должны были «войти представители и так называемого «крепкого» крестьянства—хозяйственных мужичков, и по всей стране должна быть широко развернута сеть местных сельских ячеек» [2].

Союз земельных собственников также широко открывал двери «хозяйственным мужичкам», устанавливая членский взнос по 1 коп. с десятины в год для всех «земельных собственников без различия сословий» (наименьшая сумма годового взноса устанавливалась в 50 коп.). Таким образом, столыпинские отрубники и хуторяне имели полную возможность вступления в союз.

Организаторами союза и его заправилами были члены Государственной думы, и тем самым на нем красовалась вывеска «общественности». Под прикрытием лозунга «все для войны», союз в первое же время после своего возникновения взялся за поставку продуктов сельского хозяйства для армии, получив от министерства земледелия изрядный куш в 4½ млн. руб., которые и были использованы для организации союза и «уловления крестьянских душ».

В начале мая в Москве состоялось «учредительное» собрание союза, на котором присутствовало «свыше 300 землевладельцев, хуторян и отрубников, явившихся представителями 31 губерний» [3]. На с'езде в числе других была принята резолюция о необходимости скорейшей организации на местах уездных и губернских отделов союза и созыва его всероссийского с'езда.

9 мая 1917 г. в «Русских ведомостях» была опубликована своего рода декларация, в которой говорилось: «Всероссийский союз земельных собственников доводит до всеобщего сведения об открытии своих действий. Цель союза: содействие наивысшему развитию производительных сил страны и защита личного землевладения, поскольку оно является основой благосостояния, в разрешении земельного вопроса путем разработки соответственных законов и участия через своих представителей во всех правительственных и общественных органах по земельным реформам и продовольствию. Для достижения этой цели союз об'единяет всех земельных собственников, как-то: хуторян, отрубщиков, арендаторов, владельцев имений, независимо от размера их владений, а также лиц, сочувствующих союзу, без различия пола, сословия, вероисповедания и политических воззрений. Призывая к об'единению все те губернии и уезды, где еще не организованы отделения союза, призывая к единению с союзом всех сочувствующих лиц, совет союза принимает и выдает ежедневно всякого рода справки информационного характера, дает раз'яснения и советы, принимает членские взносы и пожертвования в своем новом помещении: Москва, Новинский бульвар, 32, кв. 45 (гимназия Ивановой).

После с'езда на местах началась лихорадочная организационная и агитационная деятельность отделов союза. В Херсоне за организацию союза взялись деятели земского банка, выпустившие ряд брошюр, устраивавшие лекции и митинги, на которых доказывалась несправедливость безвозмездного

---

[1] „Известия министерства земледелия", № 3 от 22 января 1917 г.
[2] Справка из арх. деп. полиции.
[3] „Русские ведомости", № 112 от 20 мая 1917 г.

лишения земли владельцев, «особенно крестьян, усиленным трудом нескольких поколений увеличивших свою собственность» [1].

Особенно энергично втягивалось в союз земельных собственников зажиточное крестьянство Украины и Заволжья. На учредительном с'езде в Чернигове 2 июля из 120 делегатов было 90 крестьян [2].

В Новгородсеверском у., Черниговской губ., в союзе летом 1917 г., состояло до 5000 чел., большей частью хуторян [3]. На с'езде в Одессе присутствовало до 500 делегатов из Херсонской и Бессарабской губ., также опиравшихся на зажиточное крестьянство [4]. Та же картина наблюдалась на с'езде в Ростове-на-Дону, где было постановлено лишать хлеба города, «откуда приезжают агитаторы за 8-часовой рабочий день, и снятие пленных с работ». С'езд решил также об'единиться с донским и кубанским казачеством [5]. В полтавском, оргеевском, екатеринославском и др. союзах хуторяне и отрубники также были представлены в весьма значительном числе [6]. На осеннем с'езде Саратовского уездного отдела союза присутствовало свыше 150 делегатов, из них 135 мелких собственников из всех волостей уезда [7]. На этом с'езде было подчеркнуто, что союз земельных собственников «есть крестьянский союз», а не союз помещиков, и правление его состоит в большинстве своем из крестьян. На Рязанском с'езде еще в июне из 300 делегатов большинство было хуторяне [8].

В Донской обл., в Полтавской и Таврической губ. образовались специальные союзы хлеборобов и мелких собственников, которые единодушно принимали постановления о сохранении частного землевладения. Приведем наиболее существенные места из программы таврического союза хлеборобов: «Союз стремится к осуществлению демократического республиканского строя на началах, провозглашенных партией народной свободы и примыкающими к ней группами. До Учредительного собрания все разногласия по земельному вопросу должны разрешаться на основании узаконений правительства.

Союз признает принцип частной собственности. Казенные, кабинетские, удельные, монастырские, церковные и городские земли должны быть отчуждены безвозмездно, а частновладельческие—с уплатой владельцам стоимости земли по оценке, установленной для каждой местности.

Не подлежат отчуждению: усадьбы, постройки, сады, виноградники, плантации, огороды и вообще земельные очаги с их принадлежностями, а также культурные и промышленные хозяйства, существование которых будет признано необходимым для государственных и общественных строений. Землевладельцам-собственникам, самостоятельно обрабатывающим землю, земля должна быть составлена на праве частной собственности в количестве, определенном для каждой местности. Землевладельцам предоставляется право обрабатывать эту землю как своим, так и наемным трудом.

Отчуждаемые земли должны поступать в государственный фонд для наделения на правах частной собственности безземельных и

---

1 „Земля и воля", № 59 от 3/VI—1917 г.
2 „Русск. вед.", № 152, 1917 г.
3 „Борьба", Екатеринослав, № 95 от 7/IX—1917 г.
4 „Борьба", Екатеринослав, № 95 от 7/IX—1917 г.
5 „Земля и воля", № 66, 1917 г.
6 „Нов. жизнь", № 1(9, 1917 г.
7 „Саратов. вестник", № 17 от 3/X—1917 г.
8 „Русск. вед.", № 1917 г.

малоземельных граждан, действительно занимающихся сельским хозяйством. Прежде всего должны быть наделены землей участники японской и настоящей войны. Государство должно взять на себя скорейшее наделение землей инвалидов или обеспечение их каким-либо способом, в зависимости от рода инвалидности и желаний самого инвалида.

Союз признает необходимым сохранение всех существующих ныне норм землевладения и землепользования» [1].

Полтавский союз хлеборобов в ответ на закон о запрещении земельных сделок послал Временному правительству телеграмму: «так можно поступать только с преступниками, лишенными всех прав состояния, а не с честными тружениками».

Хорошо организованный союз хлеборобов-собственников Зеньковского у., Полтавской губ., 2 июля послал кн. Львову две телеграммы следующего содержания, ярко рисующие политическую физиономию кулацких и зажиточных групп крестьянства в этот период революции:

«С'езд хлеборобов-собственников, выражая доверие Временному правительству, надеется получить от него поддержку в настоящее тревожное и трудное время для хлеборобов в интересах государства. Временные волостные и сельские комитеты, выбранные только частью населения, творят насилия над хлеборобами-собственниками, снимая рабочих с работ, и всячески мешают уборке урожая в уезде. Хлеборобы-собственники ходатайствуют пред правительством о защите их собственности от насилий и о прекращении временных законов о земле в виду скорого созыва Учредительного собрания, где будут выработаны уже постоянные законы выборными от всего народа. Хлеборобы-собственники единогласно заявляют, что если правительство не примет немедленных и энергичных мер, то большая часть и так скудного урожая распылится, и армия и города останутся без хлеба».

«На основании постановления с'езда сельских депутатов от части безземельного населения Зеньковского у., Полтавской губ., состоявшегося в Куземине, 24—25 июня, в настоящее время, в разгар уборки хлебов и сена, сельскими комитетами Зеньковского у., насильно и против желания самих рабочих, сняты все сельскохозяйственные рабочие, арестовывают хозяев, устраняют от распоряжения скотом, уборка хлеба прекращена, скот остался без присмотра, просим экстренного восстановления порядка» [2].

Совершенно очевидно, что влияние помещичьих организаций на верхушечную часть деревни имело успех и что консолидация кулачества с помещиками, задуманная последними, успела внести соответствующий отход верхушек деревни от остальной массы крестьянства. Представители крестьянских организаций понимали опасность такого отхода, и всюду ими выносились резолюции об отрицательном отношении и к союзу земельных собственников и к союзам хлеборобов.

Организациями трудовых масс против политики вовлечения крестьянства в свой союз, кроме резолюций, применялись и другие более радикальные меры. Так, в Зарайске, Рязанской губ., представители советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов явились с красными знаменами на уездный с'езд союза земельных собственников в дворянском клубе (большинство на с'езде были мелкие отрубники и хуторяне, «соблазненные» крупными

---

[1] „Изв. Вс. сов. кр. деп.“, от 9/VII—1917 г.

[2] „Полт. день“, № 150, от 7/VII—1917 г.

помещиками) и устроили митинг. После речей крестьяне поднялись и из 200 членов с'езда осталось только 50. Таким образом с'езд был сорван [1].

«Срывы» с'ездов и собраний союза земельных собственников имели место в уездных городах и других губерний. Иногда трудовым крестьянством применялись еще более суровые меры воздействия против организаторов помещичьих и кулацких организаций вплоть до арестов.

Кроме союза земельных собственников и союзов хлеборобов-собственников, которые служили в руках помещиков орудием борьбы с крестьянскими массами, следует еще отметить замаскированный помещичий крестьянский союз— «Освобождение земли», имевший свою программу, устав, организационное бюро и распространявший среди крестьянства соответствующую литературу. Центр этого союза был в Москве. Приспособляясь к господствовавшим среди крестьянства воззрениям как на устройство государства, так и на разрешение вопросов о земле и пр., союз «Освобождение земли» очень ловко подходил к возможности отведения «остатков земель для отдельных хуторских хозяйств и частновладельческих экономий», сохранения «культурных земледельческих хозяйств»; выкупа за отчужденные земли за счет государства и т. п.

Связь этого крестьянского союза с союзом 17 октября подтверждалась не только тем, что они помещались чуть ли не в одной квартире, но и всеми пунктами его политической платформы. Крестьянский союз «Освобождение земли» был несомненно правой политической партией, ставившей себе целью «об'единение всех крестьян для желательного проведения возможно большего числа своих членов в Учредительное собрание, которое должно мирным путем установить всю русскую жизнь на новых началах». Устав союза подписан 12 «крестьянами», из которых один не мог скрыть своего кандидатства богословия [2].

Вполне естественно, что такого рода помещичьи союзы для крестьян среди них-то как раз и не имели никакого успеха.

Кулацкая часть деревни шла в помещичьи организации с некоторой оглядкой, и если брать всю эту группу деревни целиком, то процент зажиточных крестьян, участников разного рода союзов земельных собственников и пр., был сравнительно не велик. Помещики слишком поздно взялись за это дело, и, по существу, бурный ход пролетарской и крестьянской революции не дал им возможности собрать «родственные» силы в мощные организации. Зажиточные группы крестьянства к тому же вовсе не были склонны итти до конца с помещиками, а, наоборот, к развертывавшейся революции в деревне подчас относились весьма дружественно или, в лучшем случае, «держали нейтралитет», использовывая открывавшиеся им возможности «попользоваться» и помещичьей землей, и инвентарем, и барским скотом, и пр. Все это они очень ловко прибирали к рукам даже в такое время, как первые месяцы после октябрьского восстания.

Отсюда вполне естественно, что зажиточные группы крестьянства, особенно Центрально-Земледельческого и отчасти Заволжского, Промышленного и других аналогичных районов, чаще всего тянулись к программам и тактике правых с.-р., народных социалистов, трудовиков, Крестьянского союза и тем самым отходили от помещичьих организаций и их программ и тактики.

---

[1] „Земля и воля", № 92, от 25/VI—1917 г.

[2] Сведения о союзе „Освобождение земли" заимствованы из специальной брошюры: Программа кр. союза „Осв. земли", находящейся в библ. Ком. Академии 6 к. 21 д. № 11633/22320.

IX. ИСПОЛКОМ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕТА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Если помещичьи организации проводили политику откола верхушек деревни от крестьянского движения и нажима на Временное правительство с целью принятия мер удушения крестьянской революции, то исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов, избранный на майском с'езде советов, вел линию удушения крестьянского движения мерами саботажа и обмана. Партия социалистов-революционеров, возглавившая Исполком совет крестьянских депутатов, во главе которого был Н. Д. Авксентьев, а его заместителями Бунаков-Фундаминский, Мартюшин, Покровский и др., проводила через Исполком свою партийную линию давления на крестьянские организации в духе резолюций и постановлений майского с'езда, собирая через них голоса при выборах в Учредительное собрание. За время своего существования Исполком по существу являлся придатком партии с.-р. и одним из созданных буржуазией и эсерами бюрократических «общественных» органов, который посылал своих представителей в различные государственные учреждения Временного правительства.

Исполком делился на целый ряд отделов. Наиболее важными из них были: отдел по выборам в Учредительное собрание, экономический, военный, по народному образованию, местному самоуправлению, организационно-пропагандистский и др.; самые отделы делились на подотделы и специальные комиссии, при чем большую работу проделала комиссия по связи с местами. Представители Исполкома раз'езжали по отдельным губерниям и вели работу по организации советов крестьянских депутатов на местах, а также и политическую обработку крестьянства в духе постановлений майского с'езда и партии с.-р.

Отделы Исполкома были связаны непосредственно и постоянно с рядом органов Временного правительства через своих представителей. Так, в Главном земельном комитете от Исполкома было 12 человек, в комитете по обороне работал ряд представителей от экономического отдела; отдел по народному образованию имел своего представителя в Государственном комитете по народному образованию при Министерстве народного просвещения и т. д. Особенно интенсивной была работа Исполкома по отделу пропаганды, который подготовлял разного рода воззвания по текущим политическим вопросам. Эти воззвания аппробировались Исполкомом и затем рассылались на места. Исполком обращался не только непосредственно к крестьянству, но и к рабочим и солдатам фронта и тыловых частей.

Довольно часто происходили совместные заседания представителей Исполкома крестьянских депутатов с Бюро Центрального комитета совета рабочих и солдатских депутатов. Целый ряд воззваний к населению исходил за подписью этих органов, но некоторые воззвания издавались непосредственно самим Исполкомом совета крестьянских депутатов.

Исполком стремился расширить свое влияние на огромные массы крестьянства и убрать конкурентов, которые работали в том же направлении. Здесь больше всего мешал ему Крестьянский союз, по отношению к которому Исполкомом выносился ряд постановлений о необходимости борьбы с этой организацией. Исполком категорически возражал против созыва Крестьянским союзом всероссийского с'езда. Представителям Исполкома, посы-

лаемым на места, давалась директива реорганизации низовых органов Крестьянского союза в советы крестьянских депутатов, в чем они до известной степени и успевали. Военный отдел Исполкома содействовал (впрочем очень плохо) созданию крестьянских организаций в армии, для чего им посылались на места (в армию) представители. Военный отдел издавал особый листок для осведомления войск о своих работах. Военным отделом проводилась линия соответствующей политической обработки солдат, главным образом, по выборам в Учредительное собрание, а с другой стороны, воздействие происходило в отношении политики по земельному вопросу. Этим же военным отделом созывались фронтовые совещания, на которых выносились резолюции и предлагались меры «для укрепления дисциплины и порядка в армии».

Для работы Исполкома требовались большие средства, которые собирались как от местных советов крестьянских депутатов, так и от войсковых частей. С момента возникновения Исполкома по 22 сентября им было получено 960.874 руб., в том числе от крестьянских организаций 52.772 руб., от воинских частей 28.528 руб., от кооперации по 12 августа—397.000 руб., от земств по 1 августа—199.231 руб. С 1 августа по 22 сентября в фонд Исполкома поступило от воинских частей 62.000 руб., от крестьянских советов 31.000 руб., всего с 1 августа поступило 228.000 руб. В то же время расходы Исполкома равнялись 730.000 руб. Темп поступления средств в осенние месяцы перед октябрьским переворотом сократился до половины. Особенно слабо поступали средства от крестьянских организаций на местах и от кооперации, с которой у Исполкома к осени 1917 г. отношения несколько испортились. Для добывания средств в сентябре в Петрограде и его окрестностях по инициативе Исполкома был устроен специальный сбор под названием «День советов крестьянских депутатов». Вся мелкобуржуаная печать вплоть до «Новой жизни» горячо поддерживала этот сбор, который проводился на вокзалах, в ресторанах, кафе, кинематографах и театрах. Устраивались летучие митинги и аукционы, на которых выступали: Чернов, Авксентьев, Спиридонова, В. Фигнер и др.

Как уже отмечалось, эсеры возлагали очень большие надежды на организацию советов крестьянских депутатов, которые должны были дать им мандаты в Учредительное собрание. В этом отношении отдел по выборам в Учредительное собрание развернул очень большую работу, и успех эсеров на выборах, несомненно, связан с работой этого отдела. Им была издана инструкция для губернских, уездных и волостных советов крестьянских депутатов, в которой рекомендовалось крестьянству не выдвигать своих кандидатов, а поддерживать список партии эсеров. При намечении кандидатов инструкция рекомендовала руководствоваться требованиями от кандидатов таких качеств: «а) преданности интересам трудового крестьянства, доказанной стойкой защитой их в предыдущие годы, нравственной безупречности и высокого умственного развития; б) наличности политического опыта и навыков в области коллегиальной, общественной работы и специальных знаний в той или иной области государственного управления или народного хозяйства; в) обладания даром слова» и пр., вплоть до популярности того или иного кандидата среди местного населения. В случае недостатка в губернии достаточно ярких и выдающихся политических деятелей, стоящих на платформе Всероссийского совета крестьянских депутатов, инструкция рекомендовала выставлять кандидатуры всероссийских политических деятелей, проявивших себя в качестве «истинных друзей и защитников трудового крестьянства».

По продовольственному опросу Исполком, кроме участия в различного рода органах Временного правительства и разных совещаниях, издал специальное воззвание к крестьянам, в котором отмечалось тяжелое положение страны в связи с прорывом фронта, бедственное положение русской армии, которой нехватает продовольствия и т. д.

«Дайте хлеба, ускорьте его подвоз. Пробудись, великий народ-земледелец, напряги силы и спаси родину», заканчивалось это воззвание Исполкома.

Некоторое отношение Исполком имел и к делу созыва Стокгольмской конференции, вынося 26 августа 1917 г. резолюцию по докладу И. А. Рубановича, в которой говорилось: «Борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуции, с правом каждой нации на самоопределение должна опираться на энергичную организацию дела народной обороны против вторжения в пределы родины войск германского императора, что только организованной, грозной силой можно вызвать и у друзей и у врагов русской революции уважение к ее инициативе по созыву конференции мира» и т. д. И. А. Рубановичу Исполкомом были даны полномочия представлять Исполнительный комитет и в дальнейших переговорах по вопросу о мирной конференции.

Большое внимание Исполком уделял крестьянскому движению: в отдельных комиссиях и на пленумах Исполкома ставились несколько раз особые доклады об аграрных волнениях, об их форме и характере, делались представления Временному правительству о скорейшем проведении временных законов об упорядочении земельных отношений и т. д.

5 октября Исполком подготовил проект закона по вопросу о передаче всех земель сельскохозяйственного значения в ведение земельных комитетов (впредь до решения вопроса Учредительным собранием), раз'ясняя в то же время, что всякие насильственные способы для осуществления этой меры недопустимы [1]. Дальше в этом же законопроекте предлагалось земельным комитетам принять меры против земельных сделок с частновладельческой землей, «какие могли бы оказаться вредными для предстоящей земельной реформы». В остальной части этого проекта говорилось о задачах земельных комитетов, которые должны принимать меры к предупреждению аграрных беспорядков, подготовлять материалы для решения земельного вопроса Учредительным собранием, знакомить население с земельными программами и законопроектами разных партий и т. п. Из этого проекта совершенно ясно вытекала позиция Исполкома по вопросу о немедленном переходе земли к крестьянству. И перед самым октябрьским переворотом Исполком не пошел дальше тех мер, которые предлагались каучуковой резолюцией майского с'езда.

О том, что Исполком вел политику обмана крестьянства, видно хотя бы из тех взаимоотношений, какие у него установились с кн. Львовым. В этом отношении очень характерно официальное газетное раз'яснение от 2 июля 1917 г., в котором сообщается, что председатель Исполкома Н. Д. Авксентьев имел беседу с председателем совета министров кн. Львовым по поводу появившихся в газетах телеграмм о том, что кн. Львов признает постановление Всероссийского с'езда крестьянских депутатов незаконным. Кн. Львов заявил Авксентьеву, что «он отнюдь не придерживается этого взгляда, что напротив хотел бы согласовать работу министерства внутренних дел с взглядами

[1] „Дело народа“, № 172 от 5 октября 1917 г.

и работой Исполкома, что считает недопустимым препятствовать энергичной деятельности советов» [1].

В отдельные исторические периоды, начиная с июльских дней и до октябрьского переворота, Исполком выявил себя в качестве правоэсеровской организации, решительно боровшейся с развитием революции в направлении, указанном В. И. Лениным. В июльские дни 1917 г. Исполком принял участие в соединенном заседании Бюро центрального комитета совета рабочих и солдатских депутатов и Исполкома крестьянских депутатов, на котором была принята резолюция, резко осуждающая «анархические выступления групп солдат и рабочих» и благословляющая политику Керенского по отношению к разгрому большевиков и их организаций. По этому вопросу стоит привести целиком резолюцию Исполнительного комитета, напечатанную в «Единстве», № 62, от 11 мая 1917 г.: «Исполнительный комитет всероссийского совета крестьянских депутатов, как выразитель воли всего трудового революционного крестьянства России, стоящий вместе с всероссийским и петроградским советами рабочих и солдатских депутатов на страже интересов всего трудового народа и завоеваний революции, обсудив последнее выступление большевиков, вынес нижеследующую резолюцию: 1) большевики не желают считаться с волей всего трудового революционного народа, выраженной советами крестьянских и рабочих депутатов; 2) действия их грозят опасностью междуусобной войны, ведут к распылению революционных сил и благоприятствуют замыслам врагов революции; 3) последний призыв их к выступлению рабочего класса и войск, вопреки и без ведома совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов является сопротивлением воле всей революционной России.

Поэтому Исполком крестьянских депутатов об'являет подобные действия большевиков глубоко вредными для дела революции и свободы, выражает резкое осуждение их деятельности и призывает весь трудящийся народ сплотиться вокруг совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

В таком же духе было выпущено Исполкомом воззвание к крестьянам и армии, где события 3—5 июля в Петрограде изображались, как контрреволюция, как попытка вернуть старый порядок. В одном из своих постановлений Исполком договорился до необходимости «в данное время применять решительные меры к подавлению анархии и попыток задавить революцию. Временное правительство в этой борьбе должно применять вооруженную силу в сознании, что иного выхода нет к спасению революции». Итак, дело доходило до рекомендации применения вооруженной силы против своих политических противников, против большевиков.

Мелкая буржуазия становилась на дыбы. На Государственном совещании в Москве представители Исполкома—Мартюшин и Кондратьев—выступали с речами в духе декларации об'единенной демократии, здесь же раздавались речи о борьбе на внутреннем и внешнем фронтах, о коалиционном правительстве, о разрешении аграрного вопроса Учредительным собранием и о решительном протесте против немедленного «частичного разрешения его по произволу на местах».

В эпоху корниловщины Исполком выступил с воззванием к крестьянам фронта и тыла, в котором слышались те же призывы, что и на Государ-

---

[1] „Известия ВСКД, № 47 от 2 июля 1917 г.

ственном совещании: «На фронте попрежнему без колебаний. Грудью отстаивать родину от внешнего врага, сплотиться вокруг советов крестьянских депутатов, беспрекословно им подчиняться и отстаивать их до последнего, устанавливать в волостях и селениях твердую народную власть, оберегаться смутьянов (читай—большевиков), не допускать кровопролитий и междуусобиц».

На Всероссийском демократическом совещании Исполком высказался за привлечение к участию в образовании власти и цензовых элементов и в то же время «против тактики большевиков»: захвата власти пролетариатом и беднейшими слоями крестьянства. В заседании представителей крестьянских организаций — участников Демократического совещания 15 сентября — было принято постановление о коалиции большинством 66 голосов против 57-ми при 6 воздержавшихся. На этом совещании уже выявилась та трещина, которая созревала в самом Исполкоме между правыми и левыми эсерами. Последние являлись, главным образом, представителями с мест и решительно возражали против коалиции, требовали радикального решения аграрного вопроса. Раскол между правыми и левыми эсерами осенью 1917 г. все больше и больше углублялся. Это сказалось на сентябрьских заседаниях Исполкома при обсуждении вопроса о 2-м с'езде советов крестьянских депутатов. Правые эсеры решительно выступали против созыва этого с'езда, в то время как левые—Иващенко, Сухарьков и др.—указывали, что необходимо Исполком переизбрать, что он теперь занимает такую позицию, которая не соответствует настроению крестьянства. Член Исполкома Мелков подчеркивал, что деятельность Исполкома расходится с деятельностью местных комитетов, что его политика возбуждает негодование на местах. На этих собраниях выявилось, что комитет не пользуется доверием широких масс, что поступления в его кассу от крестьянских организаций все падают и падают. Но все же голосование по вопросу о созыве 2-го с'езда дало правым эсерам 64 голоса против 29 левых. Октябрьскому перевороту Исполком оказал бешеное сопротивление, поддерживая Керенского, участвуя в контрреволюционном комитете «Спасения родины и революции».

2-й с'езд советов крестьянских депутатов пришлось назначить ЦИК'у, выбранному 2-м с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов. На этом с'езде авксентьевский Исполком требовал себе решающего голоса, но не получил. На созванном им на 25 ноября 1917 г. новом с'езде советов крестьянских депутатов правоэсеровского толка деятели старого Исполкома еще продолжали вести свою контрреволюционную работу, их снова переизбрали, но они уже были бессильны что-либо сделать в открытой борьбе с советской властью. После 3-го с'езда в январе 1918 г. они окончательно «приказали долго жить».

X. МАССОВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

После 1-го Всероссийского с'езда крестьянских депутатов в деревне началось усиленное строительство низовых организаций. К лету всюду уже действовали волостные исполнительные комитеты или, вернее, общественные комитеты, исполнительными органами которых и были эти исполкомы. Как

уже отмечалось в главе третьей, эти комитеты были органами Временного правительства, действовавшие под надзором уездных комиссаров и отличавшиеся от царских волостных управ только тем, что они избирались более расширенным представительством от всего населения волости.

21 мая 1917 г. Временное правительство утвердило положение о волостном земстве, выборы в которое должны были закончиться в конце августа—в начале сентября. По положению надзор за деятельностью волостного земства возлагался на уездного комиссара, на административный суд, при чем, кроме того, земство в волости подчинялось уездному и губернскому земствам.

Особенно торопил с организацией волостных земств кн. Львов, бывший тогда министром внутренних дел [1]. Он стремился заменить волостные общественные комитеты земством, главным образом, потому, что крестьяне неохотно допускали к выборам в свои общественные комитеты, преемственно возникшие из крестьянских организаций прежнего времени, «посторонних», «интеллигентов» и т. п. Кроме того, буржуазия лелеяла мысль, что с введением земства отомрут и советы крестьянских депутатов, которые еще больше, чем общественные комитеты, замыкались в круг «чисто крестьянских интересов». Правда, советы крестьянских депутатов ко времени утверждения положения о волостном земстве не были широко распространенной массовой организацией и являлись лишь некоторого рода угрозой в будущем.

О волостном земстве только в августе месяце стали говорить, как уже о явлении в достаточной степени заметном в русской деревне. Со времени их введения волостные земства развивались параллельно с волостными исполнительными комитетами, иногда поглощали их, а иногда они существовали в качестве зародышевых органов без особых претензий на замену одних другими. Крестьянство большой разницы между волостными земствами и волостными исполнительными комитетами не видело: те и другие были органами их представительства, с той лишь разницей, что в волостном земстве могли активнее выступать представители некрестьянских групп, живших в деревне. Следует отметить, что такие элементы, как представители культа, сумели пробраться на руководящие посты не только в волостные земства, но и в исполнительные комитеты [2]. Если кулацкие элементы могли влиять через волостные земства на низовые организации в своем направлении, то они имели полную возможность делать это и в волостных исполнительных комитетах. Политическое настроение деревни летом 1917 г., как мы знаем, претерпело известную эволюцию, и к осени волостные земства уже в значительной мере утратили свою привлекательность в глазах крестьянства, как бы их ни расхваливали представители кадетской и эсеровской партий. Агитация, которая была проведена эсерами по вопросу относительно уничтожения власти волостных исполнительных комитетов в пользу волостных земств, была явлением, которое, по существу, сворачивало революционную сущность исполнительных комитетов на дорогу сотрудничества с помещиками и отражало все ту же общую линию эсеровской политики замедления аграрной революции, остановки ее, создания компромиса между крестьянством и помещиками. Через волостные земства кадеты и эсеры надеялись провести известное влияние наиболее интеллигентных и зажиточных слоев деревни,—а та-

---

[1] „Изв. Всер. сов. кр. деп.", № 42 от 27 июня 1917 г.

[2] См. об этом замечание в книге Большакова „Деревня 1917—1927 гг.", стр. 216 и ряд сообщений в прессе.

ковыми были представители помещиков, попов и кулачества,—на остальную крестьянскую массу и этим создать для себя некоторую организационную опору для борьбы с революционными настроениями в деревне.

Эсеры в оценке волостных общественных комитетов и земства с самого начала их возникновения, по существу, не расходились с буржуазией. Они рассматривали волостные советы крестьянских депутатов весьма своеобразно. По этому поводу их публицист Я. Олейник писал: «Волостной совет крестьянских депутатов не есть власть: это — классовая организация трудового крестьянства (курсив автора). Крестьяне, как и фабрично-заводские рабочие (пролетариат) имеют свои интересы, отличные и противоположные интересам землевладельцев и фабрикантов. Эти интересы общие у всего трудового крестьянства всей России—классовые интересы. И для защиты этих классовых интересов, для выражения воли трудового крестьянства и создаются советы крестьянских депутатов, подобно тому как для защиты классовых интересов фабрично-заводских рабочих созданы советы рабочих депутатов. Эти советы власти не имеют (курсив мой. *А. Ш.*). но они имеют силу (курсив автора) сознания справедливости своих требований, силу, опирающуюся на организованные массы рабочего класса—пролетариата и трудового крестьянства [1].

Итак, по эсеровской концепции, в деревне должны были существовать общественные комитеты, в дальнейшем реформированные в мелкую земскую единицу (об этом говорит в своей статье тот же Олейник, и имеется ряд заявлений по партийной линии эсеров и в резолюциях на различных с'ездах советов крестьянских депутатов, руководимых эсерами). А советы крестьянских депутатов такой власти иметь не должны, удовлетворяясь только «силой сознания своих требований» и... голосовать за эсеровские списки на выборах в Учредительное собрание, в земские продовольственные органы, в земельные комитеты, принимать на с'ездах эсеровские резолюции и т. п. В этом вопросе о расценке деятельности советов крестьянских депутатов эсеры довольно часто скатывались к позиции деятелей Крестьянского союза, которые рассматривали их как вспомогательные органы своей политической организации—Крестьянского союза. Как мы видели в главе III, эсеры в своих планах организации советов крестьянских депутатов подчеркивали, что советам должна принадлежать какая-то весьма неопределенная роль контроля над деятельностью низовых органов власти в деревне, но это нигде фактически не было проведено и выражалось лишь в том, что «крестьянские депутаты», находясь в низовых органах власти, в некоторых случаях отчитывались о своей работе, вернее, давали информацию на различных с'ездах и в исполкомах советов крестьянских депутатов в уезде и губернии.

Необходимо отметить, что советы крестьянских депутатов в низах возникали не по инициативе крестьянских масс, а чаще всего, как мы это показали в главе III, насаждались из уезда и губернии, при чем это насаждение было далеко не интенсивным, и с советами в результате получилось крайне неопределенное положение. За летние и осенние месяцы из целого ряда губерний мы имеем сообщения о том, что советы организуются очень слабо. Кулацкие и зажиточные группы деревни, засевшие в общественных комитетах, а затем и избираемые в волостные земства, довольно часто

[1] „Крестьянский депутат“—„Изв. моск. губ. сов. кр. деп.“, № 5, от 14 июля 1917 г.

препятствовали созданию советов крестьянских депутатов. «Единство» в № 88 от 17 июля 1917 г. сообщает, что в Ярославской губ. «крестьяне недовольны выборными депутатами, так как в депутаты прошли в большинстве случаев местные торговцы, старшины и старосты». О захвате кулаками советов деревни сообщает также «Гдовский голос» в № 20 от 17 августа 1917 г. и т. д. Тот удельный вес, которым расценивались советы крестьянских депутатов в ряде других деревенских организаций эсерами [1], приводил к тому, что советы в деревне оказывались далеко не на первом месте. Небольшая справка об организации крестьянства в Воронежской губернии очень ярко характеризует рост отдельных крестьянских организаций за летний период 1917 г. В ней сообщается, что по анкете на втором губернском крестьянском с'езде оказалось, что к 20 июля по всей губернии были правильно организованы правительственные волостные комитеты. Продовольственные комитеты имелись в 192 волостях, земельные в 175, а волостные советы крестьянских депутатов были только в 64 волостях. Кроме того, в деревне имелись еще крестьянские союзы социалистов-революционеров, организованные в 104 волостях, при чем последние были партийными организациями, подчинявшимися уездному и губернскому комитетам партии [2].

Из целого ряда сообщений с мест о деятельности сельских и волостных советов крестьянских депутатов можно видеть, что крестьянство сравнительно слабо реагировало на создание своих советов, считая их лишней, ненужной организацией, которая-де только собирает с крестьян полтинники, а местами крестьяне называли свои советы «живыми трупами» [3].

Бывали случаи, что, под давлением уезда, крестьянские советы образовывались, но «не знали, что им делать» [4].

Немалую роль в пассивности крестьянских советов на местах играла надежда, тщательно подогреваемая эсерами, на Учредительное собрание, которое-де «установит новые законы на основе народной свободы, всеобщего равенства и братства, даст новые законы о земле, которая должна перейти в руки трудового народа» [5].

Страда и уборка полей также мешали в летний период 1917 г. организации крестьянских советов.

Следует еще отметить, что влияние на деревню право-эсеровских агитаторов, кадетской и эсеровской литературы, все время долбивших о поддержке Временного правительства, о незаконности притязаний крестьянства на помещичью землю и т. п., было довольно значительно и известным образом расхолаживало крестьянство в их попытках создать революционные организации для осуществления своей заветной мечты о земле и воле. То

---

[1] На Ярославском уездном с'езде крестьянских депутатов 3—4 июня 1917 г. роль уездного и волостных советов крестьянских депутатов определялась 1) подготовкой крестьянства к выборам в Учредительное собрание и в земские учреждения; 2) выяснением земельного вопроса и проведения в жизнь тех мероприятий, которые могут быть осуществлены до Учредительного собрания и 3) участием в организации местной власти и представительством интересов крестьянства во всякого рода правительственных и общественных организациях. В том же документе по вопросу об организации крестьян говорится, что они необходимы для выявления мысли и воли крестьянства". Определенности, как видите, немного.

[2] „Земля и Воля", № 155 от 29 сентября 1917 г.

[3] „Ярославское народное дело", № 99, от 12 октября 1917 г.

[4] Там же.

[5] Из постановления крестьян Донского окр., с. Карповки. „Изв. всер. сов. кр. деп.", № 72 от 1 августа 1917 г.

обстоятельство, что наиболее важные для деревни вопросы попадали в земельные комитеты и в паритетные примирительные камеры или комиссии при них, вело к известному худосочию советов, которые в ряде случаев и смотрели на себя как на деревенские культпросветы, а вовсе не считали себя ни органами власти, ни органами контроля над этой властью [1].

Таким образом, советы крестьянских депутатов в низах для эсеров служили в известной мере в качестве «голосующей скотинки», обработанной в их партийном духе. Не мудрено, что низовые крестьянские советы и не представляли из себя вплоть до октябрьского переворота той революционной силы, которая могла бы выявить крестьянскую мысль и настроение, а также быть орудием в руках крестьянства в его борьбе за землю и волю.

Дальше губернских и уездных с'ездов и остававшихся после них исполкомов эсеры не считали нужным организовывать крестьянские массы, причем в уездах «и в губернии» они имели достаточное число своих сторонников, чтобы выносить резолюции о доверии Временному правительству и пр. За два месяца перед октябрьским переворотом, правда, и в уездных, и в губернских центрах крестьянских депутатов появились в большой степени «левые ноты», что об'яснялось расколом эсеров на правых и левых и что сигнализировало отход от политики соглашателей некоторых кругов интеллигенции и особенно представителей крестьянства. Иллюстрации этих левых течений приведем ниже.

Сейчас же остановимся на двух организациях в крестьянских кругах, игравших очень большую роль в деревенской жизни в предоктябрьский период. Это были волостные земельные и продовольственные комитеты, которые входили в сеть низовых крестьянских организаций по линии общественных комитетов и волостных земств, представляя из себя до некоторой степени самостоятельные органы власти. Эти организации, как указывалось в III главе, возникли в первый период революции 1917 г. и сразу же привлекли к себе внимание широких крестьянских масс. По мысли законодателей Временного правительства они должны были быть, как и волостные общественные комитеты, органами государственной власти. Эту сторону особенно подчеркивал кн. Львов, будучи министром внутренних дел. В докладной записке Временному правительству от 3 июля 1917 г. он особенно возмущался тем, что государственные органы власти в деревне являются руководителями и зачинщиками всякого рода «беспорядков», Так, он отмечал, что Китрусский волостной комитет, Рязанской губ., постановил заготовлять на зиму дрова в имении Голынской, Леонпольский волостной комитет, Виленской губ,—принять в свое ведение леса и имения Лопацинского; исполнительный комитет в Пензенской губ. предложил управляющему лесными имениями в Городищенском у. рассчитать служащих, прекратить рубку, распилку и продажу лесных материалов и все хозяйство взял в свои руки; земельные комитеты Каноникольского и Преображенского заводов, Орского у., Оренбургской губ., решили взять в свое управление до Учреди-

---

[1] В ряде сообщений с мест о деятельности крестьянских советов раздаются жалобы на недостаток литературы, на то, что крестьяне не разбираются в политических партиях, что это-де препятствует ориентировке крестьян при выборах в Учредительное собрание, волостные земства и т. п. Деньги с крестьян (по 50—60 копеек со двора) шли часто на отсылку в исполком всероссийского совета крестьянских депутатов в Петроград, частью в уезд, а на местах больше всего тратились на литературу.

тельного собрания частные лесные дачи» и т. д. В той же записке кн. Львов указывает на пензенский и самарский крестьянские с'езды, которые, помимо общих властей, установили «право распоряжения лесами поставить в зависимость от волостных и сельских комитетов» [1]. В таком же роде действовали волостные и сельские комитеты Харьковской губ., на действия которых телеграммой от 15 июня жаловался кн. Львову харьковский союз лесопромышленников и лесоторговцев. Из этих данных видно, что в первый период революции вмешательство волостных и сельских комитетов шло, главным образом, по лесной линии и носило чаще всего характер запретов и препятствования хищнической рубке лесов помещиками. Наступательного значения на помещичье землевладение это вмешательство, строго говоря, еще не носило. И кн. Львов, возмущаясь действиями исполнительных комитетов, в той же докладной записке подчеркивает, что «только земельные комитеты, образованные на основании постановления Временного правительства от 21 апреля, имеют право вмешиваться в правовые отношения между помещиками и крестьянами и выносить те или иные решения», конечно, в духе «общих директив Временного правительства» [2].

Роль волостных земельных и продовольственных комитетов, как «органов государственной власти» также усиленно подчеркивал «селянский» министр земледелия В. М. Чернов в инструкции земельным комитетам [3], который тщательно оберегаются права помещиков и ставятся препятствия попыткам крестьян попользоваться помещичьей землей.

В том же духе действовал и другой «социалист» министр продовольствия Пешехонов, требовавший от волостных продовольственных комитетов: «1) принять немедленно самые энергичные меры к недопущению и прекращению всяких самовольных и незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам уборке хлеба, посеву; 2) никоим образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев; 3) об'явить землевладельцам и арендаторам, что они обязаны приложить все силы к тому, чтобы поля и покосы были убраны, озимые засеяны, 4)... Все меры к разрешению вопросов о засеве и уборке полей должны приниматься исключительно продовольственными комитетами... Никакие другие комитеты не имеют права брать на себя разрешение указанных вопросов и их постановления не обязательны для населения (курсив подлинника. *А. Ш.*) [4].

Что земельные и продовольственные волостные комитеты являлись в представлении деятелей Временного правительства органами его власти на местах, видно также из декларации «об'единенной демократии» от 14 августа 1917 г., где имелись следующие пункты: «...2) непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на местные земельные комитеты, в ведение которых должны без нарушения существующих форм землевладения (курсив мой. *А. Ш.*), перейти земли

---

[1] АОР. ф. III оп. 3, д. 91.

[2] К 15 июня организация земельных комитетов рисуется в следующем виде: губернских—14; уездных—84 и волостных 220 (главным образом, в Центрально-промышленном районе); к августу губернских земельных комитетов было—52; уездных—422 („Изв. Всер. сов. кр. депут. № 95, от 27 августа, 1917 г.).

[3] Изв. Всер. сов. кр. деп.“ № 64, от 22 июля 1917 г.

[4] Циркулярная телеграмма от 18/VII за № 18, АОР, ф. III, оп. 3, д. 91.

с.-х. значения для наиболее полного использования их в целях спасения народного хозяйства от окончательной разрухи; 3) с этой целью необходимо немедленно издание центральной властью законов и инструкций, точно определяющих права и обязанности земельных комитетов, также и реформа их деятельности, при чем означенные законы и инструкции должны всемерно отражать как интересы земледельческого населения, в отношении землевладения, так и интересы продовольственного дела и с.-х. производства в целом».

Такого рода «ламентации» о земельных комитетах в период диктатуры буржуазии, прикрытой «соглашателями», были не только словами, а вызывали и соответствующие действия. За «неправильные» постановления ряд низовых земельных комитетов был арестован и многие подвергнуты административным взысканиями «за превышение власти» [1].

В начале сентября министерством юстиции был подготовлен, выработанный в срочном порядке, законопроект об установлении подсудности продовольственных и земельных комитетов административным судам [2].

Наконец, на сцену появляется новый министр земледелия Временного правительства С. Л. Маслов, автор создания «арендного фонда» из земель помещиков, «обычно находившихся в арендном пользовании», «из казенных, удельных и испольно-арендованных земель, остающихся незасеянными». Он к делу распоряжения фондом на местах намечает привлечь те же земельные комитеты, о которых в интервью с представителями печати заявляет: «в настоящее время на их деятельность раздается много нареканий и некоторые из них нельзя не считать справедливыми, так как комитеты порой выходили из пределов предоставленного им права, но в защиту комитетов необходимо сказать, что к этим действиям им приходилось прибегать под давлением стихийного движения крестьян за землю. Чтобы предупредить беспорядки и захват земли, комитеты вынуждены были издавать свои собственные обязательные постановления. Может быть, с точки зрения старого права земельные комитеты и можно обвинять в беззаконии, но надо признать, что в переживаемое время с точки зрения политического момента земельные комитеты находились бы в безвыходном положении, «если бы они не издавали особых постановлений» [3].

Итак, до самых последних дней Временное правительство рассматривало земельные комитеты, как своего рода «буфер» между помещиками и крестьянами, «буфер» скорее контрреволюционного значения, чем наоборот. Земельные комитеты—это органы власти буржуазии в деревне и, несмотря на все недостатки в их структуре, ошибки, неудачный подбор руководителей на местах, особенно в волостях, они играли такую же роль, как и общественные комитеты.

Вопли помещиков о революционных резолюциях отдельных общественных и земельных комитетов всерьез принимать нельзя. Более дальновидные представители буржуазии и их лакеи прекрасно понимали, что некоторые уступки крестьянству необходимы, хотя бы на словах, и поэтому считали возможным применять в отношении этих комитетов ту «каучуковую» политику, которую начали вести эсеры еще с майского с'езда советов крестьянских депутатов. Здесь же следует подчеркнуть, что волостные земельные комитеты образо-

---

[1] „Изв. Всер. сов. кр. деп.“, № 93, от 25 августа, 1917 г.
[2] „Изв. Всер. сов. кр. деп.“, № 105, от 8 октября 1917 г.
[3] „Саратовский вестник“, № 233 от 21 октября 1917 г.

вывались сравнительно медленно, главным образом, из-за недостатка средств и подготовленных работников на местах, и в ряде губерний они стали возникать лишь в сентябре. Так, в Елатомском у., Тамбовской губ., к началу сентября из 26 волостей земельных комитетов было только в 6 [1].

Кроме того, волостные земельные комитеты, согласно постановлению о волостном земстве, должны были избираться на волостных земских собраниях, и, поскольку к осени 1917 г. такие земства уже стали организовываться, волостные земельные комитеты попадали в зависимость от последних, так как их содержание ложилось на земства [2].

И все же как летом, так и осенью крестьянство в своих выступлениях против помещиков больше использовывало «правительственные» общественные и земельные комитеты, чем свои советы крестьянских депутатов. По крайней мере, в тех материалах, которыми мы пользовались, мы нашли очень мало сведений о том, чтобы тот или иной низовой совет крестьянских депутатов активно вмешался в борьбу крестьянства с помещиком и, наоборот, имеется очень много указаний на то, что крестьянство проводило свою борьбу или через исполнительный комитет, или через земельный комитет. Мы уже отмечали в главе «Основные моменты крестьянского движения», что летний период столкновений крестьянства с помещиками проходил в форме различного рода постановлений исполнительных комитетов, земельных комитетов и пр., которые этими постановлениями брали помещика, что называется, «измором». В осенний период крестьянского движения с его разгромными формами чаще выступает на сцену старый «сход» крестьян, который выносит те или иные решения о нападении на помещичью усадьбу, на захват инвентаря и пр. Сходом же делит крестьянство отобранное добро, через сход ведет переговоры с помещиками и администрацией имений, с уездными комиссарами и разного рода усмирителями, которые незамедлительно являлись в районы, охваченные беспорядками.

О том, что в деревне назревали и несколько иные формы организации для борьбы крестьянства «за землю и волю», чем советы крестьянских депутатов, обескровленные эсерами, можно видеть из одного очень интересного документа, изданного в Саратове, где крестьянству предлагалось организовывать крестьянские революционные комитеты, при чем об их функциях говорилось: «На местах эти комитеты должны взять в свои руки всю власть, руководить всей жизнью, организовать правильное хозяйство на землях, взятых у помещиков, монастырей и церквей, учредить милицию, ответственную перед комитетом, для действительной безопасности всего населения, а не для охраны помещичьих владений и не для карательных экспедиций... Комитеты должны ведать снабжением населения всем необходимым, правильно распределяя наличные и вновь поступающие продукты, не останавливаясь перед реквизицией в тех случаях, когда это необходимо» и т. д. [3]. Из всего характера этого документа видно, что к нему руку приложили не кто иной, как большевики, эти истинные и единственные революционеры и друзья революционного крестьянства.

Крестьянский союз называл себя «профессионально-политической организацией», эсеры считали советы крестьянских депутатов органами для своего

---

1 „Сельский вестник", № 170, от 6 сентября, 1917 г.
2 Арх. НКВД. Дело по Саратовской губ. Аткарск. у. за 1917 г., стр. 208.
3 „Социал-демократ", Саратов, № 25, от 2 июня 1917 г.

партийного влияния на крестьянские массы и только большевики совершенно правильно ставили вопрос о крестьянских революционных комитетах, как органах власти. Саратовские большевики весьма правильно конкретизировали задачи крестьянских комитетов, и их наметка имела большое значение для будущего [1]. И совсем не плохо, что они заимствовали свое название низовых революционных крестьянских организаций от славной памяти 1905 г., вложив в них новое содержание.

Однако предложения саратовских большевиков, вероятно, широкого влияния на крестьянство в предоктябрьский период не оказали, и сведений об организации крестьянских революционных комитетов мы пока не нашли.

Волостные земства в предоктябрьский период в большинстве представляли из себя организации, которые находились под влиянием тех же эсеро-кадетских группировок, как и другие крестьянские организации «правительственного типа». Однако и здесь иногда встречаются решения волостных земских управ, которые идут в разрез с общим курсом Временного правительства и эсеров на волостные земства, как на органы, которые должны были тушить крестьянский революционный пожар. Мы имеем чрезвычайно характерную резолюцию для этого левого настроения волостных управ. Считаем интересным привести ее целиком:

«Резолюция гласных Верхне-Синячихинской волостной управы.

Собрание гласных в своем очередном заседании 29 сентября 1917 года, обсудив настоящее политическое положение страны, постановило требовать: 1) Перехода всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2) Создания власти из состава советов. 3) Беспощадной борьбы с контрреволюцией. 4) Аннулирования всех политических репрессий против революционной демократии. 5) Отмены смертной казни. 6) Действительной борьбы за демократический мир в международном масштабе. 7) Немедленного издания декретов, гарантирующих волю Учредительного собрания о переходе земли в руки трудового народа. Мы стали на путь самой решительной поддержки, обеспечивающей нашу платформу за полную победу революции» [2].

Что постановления такого рода были не единичны, можно видеть из резолюции гласных Осевского волостного земства, Богородского у., Московской губ., от 1 октября 1917 г. [3], в которой говорилось:

«Перед лицом надвигающегося голода и холода в тылу и на фронте, перед лицом все увеличивающейся государственной разрухи Осевское земское собрание полагает, что спасти революцию и довести страну до Учредительного собрания может лишь правительство, вышедшее из недр революционной демократии и перед нею ответственное. В основу деятельности должно быть положено: 1) Об'явление демократической республики. 2) Немедленная

---

[1] Необходимо отметить, что В. И. Ленин о советах крестьянских депутатов так же высказывался в соответствии со всеми общими взглядами на советы, как на органы, которые должны стать властью: „Выше, лучше такого типа правительства, как советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем“ (т. XIV, стр. 26, 9 апреля 1917 г.). Об этой же роли советов крестьянских депутатов мы найдем у Ленина в целом ряде других статей всего периода 1917 года (т. XIV, 1, стр. 22, 55, 74—76, 156—172, 88 90 и т. д.).

[2] Архив НКВД. Дело „По Пермской губ. за 1917 год“, Орг упр. стр. 11.

[3] „Деревенская Правда“, орган Моск. военной орг. РСДРП фракции большевиков, Моск. сов. солд. деп. и крестьянской фракции большевиков области С'езда советов раб. солд. и крест. деп. № 8, 21 окт. 1917 г. стр. 4.

отмена права собственности на помещичьи земли (без выкупа) и передача их в ведение крестьянских комитетов, впредь до решения Учредительного собрания. 3) Введение рабочего и крестьянского контроля над производством и распределением. 4) Беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военной прибыли в деле спасения страны от хозяйственной разрухи. 5) Об'явление тайных договоров с союзниками недействительными, и немедленное предложение всем народам воюющих государств демократического мира. 6) Национализация важнейших отраслей промышленности (нефтяной, горной, угольной и т. п.)».

Что такого рода резолюции были не случайны, видно также и из целого ряда постановлений отдельных крестьянских сходов в предоктябрьские и октябрьские дни, в которых подчеркивается требование немедленного перехода всей земли в распоряжение крестьянских земельных комитетов, о полной политической свободе—«чтобы она не нарушалась во вред народу» [1].

В том же роде опубликованы резолюции крестьян дер. Рыбушкина, Янульской вол., Звенигородского у., Московской губ.; села Спас-Каменки, Дмитровского у.; села Игнатова, того же уезда и др. [2].

Постановления о передаче земель крестьянам до Учредительного собрания были вынесены советами крестьянских депутатов на губернских с'ездах Казанской, Пензенской, Самарской, Нижегородской и других губерний. Саратовский с'езд требовал ответственности правительства перед центральными органами об'единенной демократии, о немедленном из'ятии в законодательном порядке всей земли из товарооборота и передаче ее в распоряжение земельных комитетов [3].

На заседании Гдовского совета рабочих и крестьянских депутатов 24 сентября в резолюции по текущему политическому моменту говорилось: «Вынося порицание министрам-социалистам и всем оборонцам, которые проводят политику соглашательства с контрреволюционной буржуазией, а не с революционной демократией, и отвергая в принципе коалицию, как не соответствующую интересам революционной демократии, — требовать немедленного созыва Всероссийского с'езда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для организации настоящей революционной власти [4].

Из всех этих фактов явствует, что «полевение» крестьянских масс в предоктябрьский период шло параллельно с развитием крестьянского движения и тем самым подводило крестьянство к октябрьскому восстанию и сливало его движение с потоком революции, развертывающейся в городах. В приведенных отрывках резолюций можно видеть некоторую разницу политических требований между низовыми крестьянскими организациями и организациями уездов и губерний. И если рядовая крестьянская масса выносила чисто большевистские резолюции, то советы крестьянских депутатов выше стоящих организаций большею частью ограничивались левоэсеровскими предложениями половинчатого характера о поддержке «истинно революционной демократии и о передаче земли в распоряжение исполкомов на местах или земельных комитетов», опуская слова «немедленный захват помещичьих земель», являвшиеся основным лозунгом большевиков того периода.

---

[1] Приговор крестьян Сходневской вол., Московского уезда („Деревенская Правда, № 7, 1917 г.).

[2] „Деревенская правда“ № 11, от 26 октября 1917 г.

[3] „Земля и воля“, № 155, от 29 сентября 1917 г.

[4] „Гдовский голос“ № 26, от 1 октября 1917 г.

Подводя итоги характеристике массовых организаций крестьянства в предоктябрьский период, можно отметить чрезвычайную пестроту этих организаций в деревне, различную степень влияния на них политических партий, сравнительно слабое развитие советов крестьянских депутатов в низах, не успевший широко развернуться процесс перехода волостных общественных комитетов в волостные земства и вообще весьма слабое развитие крестьянских организаций чисто революционного типа. Деревня в предоктябрьский период еще недостаточно была втянута организационно в революцию, и процесс развития крестьянских организаций за период после майского с'езда крестьянских советов до октябрьского переворота шел чрезвычайно медленно, чем и об'ясняется значительная стихийность разгромных форм движения в предоктябрьский период. Следует также отметить иной тип развития крестьянских организаций в деревне и их большевизации, что это имело место в городе. Там буржуазия и ее подголоски в июльский период революции сумели в достаточной степени обезоружить советы рабочих и солдатских депутатов, лишить их власти и тем из системы «двоевластия» перейти к диктатуре буржуазии. Деревня, как таковая, в процессе двоевластия в первые месяцы революции никакого участия не приняла, и только майский с'езд создал для буржуазии еще один «соглашательский» орган—Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов, который с первых же дней своего существования играл роль прикрытия для буржуазии и ее политики.

В послеиюльские дни пролетариат захватывал в городе позиции в своих советах, большевизировал их и к октябрю превратил их в свои органы власти, изгнав из них все предательское и соглашательское. Деревня в этот период времени значительно отставала, и большевизация организационно очень мало коснулась советов крестьянских депутатов, которые были, несомненно, наиболее подходящей для крестьянства формой борьбы с помещиками и кулачеством. Но этой революционности их лишили, главным образом, эсеры, стремившиеся превратить эти крестьянские организации на низах в привесок к своей партии и в значительной степени успевшие это сделать. Таким образом крестьянство не смогло, как следует, использовать свои «советы» и в революционном наступлении на помещика на них почти не опиралось. Большевизация уездных и губернских советов крестьянских депутатов скорее носила характер «левоэсеризации», и поэтому-то понадобился еще известный промежуток времени, когда крестьянство действительно понастоящему организационно связалось с пролетарскими организациями, создало единые советы рабочих и крестьянских депутатов, что стало возможным лишь после октябрьской революции.

XI. ОРГАНИЗАЦИЯ С.-Х. РАБОЧИХ

В одном из ранних мартовских «Писем издалека» из Швейцарии В. И. Ленин писал: «Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельскохозяйственные рабочие выделяли свои особые советы, но и чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовалось отдельно от зажиточных крестьян» [1].

---

[1] Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 12 (изд. 1925 г.).

К этому предложению В. И. Ленин возвращался несколько раз и по возвращении в Россию, неоднократно подчеркивая важность создания, кроме крестьянских, и батрацких советов. «Чтобы богатые крестьяне—те же капиталисты—не могли обидеть и обмануть батраков и беднейших крестьян,—говорил В. И. на митинге в Измайловском полку 10 апреля 1917 г.,—необходимо или совещаться, сплачиваться, об'единяться самим, отдельно, или устраивать свои собственные советы батрацких депутатов» [1].

В резолюции по земельному вопросу, изложенной выше в гл. III, принятой на всероссийской конференции РСДРП (большевиков) 24—29 апреля 1917 г. и составленной В. И. Лениным, опять-таки повторялось его прежнее предложение: «Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих советах крестьянских депутатов» [2].

В последнем пункте той же резолюции предлагалось: «Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет советами депутатов от с.-х. рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств» [3].

Так определенно ставились задачи социалистической революции ее вождем и стратегом, но удалось ли сельскохозяйственным рабочим и полупролетариям деревни хоть в некоторой степени осуществить предложения В. И. Ленина? На это приходится ответить отрицательно. Попытки организации советов батрацких депутатов в общем были незначительны. Так, нам удалось установить организацию такого совета в Режице, Витебской губ., где организация совета возникла среди батраков помещичьих имений с молочным направлением. В конце апреля по почину Режицкого совета рабочих, солдатских и гражданских депутатов состоялось собрание 90 батраков имений Розентово, Гориколки, Грищаты, Бычки и др., на котором было постановлено создать либо свой совет батрацких депутатов, либо послать своих делегатов в Режицкий общий совет. «Пока был выбран батрацкий комитет из 5 чел.», сообщает корреспондент «Правды» в № 53 от 23 мая 1917 г. Затем батраки выработали требования о различного рода улучшениях их положения и решили добиваться от помещиков их удовлетворения. Чем кончилась эта попытка батраков, нам неизвестно. Судя по этому Режицкий совет батрацких депутатов ближе подходил по своим задачам к профессиональному союзу, чем к тем батрацким советам, о которых говорилось в апрельской резолюции большевиков. Несколько ближе к решениям конференции подходили советы безземельных депутатов в Лифляндии, которые стали возникать в самом начале революции и уже 16—18 апреля созвали свой с'езд в г. Вольмаре [4].

Так, в постановлениях с'езда намечалось передать конфискованные безвозмездно помещичьи и церковные земли «в руки демократического самоуправления».

---

[1] Там же, стр. 75.
[2] Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 127.
[3] Там же, стр. 127.
[4] „Правда", № 55 от 25 мая 1917 г.

В мае 1917 г. в Эстонии состоялася под руководством большевиков первая конференция советов безземельных депутатов, 13—16 августа в Ревеле—вторая, на которой было представлено до 40 тыс. батраков и безземельных. Исполнительный комитет, избранный на этой конференции, об'явил себя советом безземельных крестьян эстонского края. Августовская конференция также проходила под руководством большевиков, приняв ряд резолюций в их духе [1].

Но это движение было чисто местным и широкого распространения в России не получило. Гораздо шире в 1917 г. до октября шло в русской деревне строительство профессиональных организаций с.-х. рабочих. Одним из первых был союз садоводов, огородников, служащих и садовых рабочих г. Москвы и ее окрестностей, организованный в марте 1917 г. В мае создались союзы с.-х. служащих и рабочих в ряде крупных экономий Харьковской и Курской губ., преимущественно в тех, где были предприятия с.-х. значения: винокуренные, сахарные заводы и пр. В июне в Москве функционировал профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих, заключивший после некоторых трений, вероятно, первый в России коллективный договор с Московским сельскохозяйственным институтом [2]. В конце июля союз организовал с'езд с.-х. рабочих и служащих всего Московского района [3]. С лета же развертывается довольно широкое движение за организацию профессиональных союзов среди рабочих в помещичьих имениях на юге: в Таврической, Херсонской и особенно энергично в Екатеринославской губ. Движение охватывало с.-х. рабочих также и в хозяйствах богатых колонистов и кулаков юга России [4].

По сведениям той же газеты, между прочим, очень полно осветившей условия труда с.-х. рабочих и первые шаги их борьбы за организацию своего союза, осенью 1917 г. в Екатеринославе состоялся ряд уездных конференций членов союза и губернский с'езд, на котором были выработаны основные положения условий труда с.-х. рабочих в помещичьих и богатых крестьянских хозяйствах [5].

С'езды в уездах и в губерниях не отразили в печати своих политических настроений и лишь намеками высказывались против затягивания войны, тем самым косвенно осуждая политику Временного правительства. По волнующему крестьянство земельному вопросу, насколько нам удалось выяснить, эти с'езды и конференции резолюций не выносили, сосредоточив все свое внимание на чисто экономических требованиях батрачества. Об этих вопросах молчал и летний московский с'езд [6]. Здесь несомненно большую роль сыграло то обстоятельство, что в организациях профсоюзного типа с.-х. рабочих имелось значительное влияние «третьего земского элемента»—гл. образом, из с.-р. и меньшевиков.

Что в предоктябрьские дни батрацкое профессиональное движение стало охватывать и другие районы, видно из отдельных сообщений в повременной печати, но в общем это были лишь его первые шаги.

---

1 „Пролетарий", № 7 от 2 сентября 1917. г.
2 „Земля и воля" от 29 июня 1917 г.
3 „Земля и воля", № 97 от 2 августа 1927 г.
4 „Звезда", орг. РСДРП в Екатеринославле, № 85 от 8 сентября 1917 г.
5 „Звезда" №№ 38, 95, 97, 107, 112, 167 и др.
6 По его инициативе, между прочим, на 4—6 ноября был назначен всероссийский с'езд служащих и рабочих в сельскохозяйственной промышленности, который был перенесен на декабрь вследствие октябрьских событий.

В отдельных случаях батрачество несомненно не ограничивалось борьбой только за улучшение своего экономического положения. Об этом очень красноречиво говорит следующее сообщение: «В министерстве внутренних дел получены сведения, что батрацкий союз завладел Бенардакинской экономией Меркульева в Хвалынском у. (Саратовской губ.)» [1]. Подробности этого случая нам также неизвестны.

Взаимоотношения организаций с.-х. рабочих с другими крестьянскими организациями нами также не выяснены. Вероятнее всего, в дооктябрьский период движение с.-х. рабочих было все же так незначительно, батрачество и полупролетарии деревни были так слабо организованы и так мало политически подготовлены, что за небольшими исключениями и не пытались и не могли проводить свою линию в борьбе крестьянских масс, тоже, как мы видели, действовавших далеко неорганизованно, не сумевших до конца и пореволюционному использовать такую форму организации, как советы крестьянских депутатов.

XII. ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Крестьянские организации в дооктябрьский период 1917 г. создавались на основе дореволюционных классовых сил в деревне и в обстановке экономической и политической борьбы крестьянства, в свою очередь определяемой в огромной степени революционным движением города.

Анализируя классовые группы дореволюционной деревни, мы установили два главных лагеря, боровшихся друг с другом: помещиков и крестьян. Но среди самих крестьян существовало разделение на кулацко-зажиточную верхушку, середняцкую и бедняцкую массы.

Как они выявили себя в первый период революции? Капиталистические слои деревни явились наиболее пестрой группой в деревне, которая, с одной стороны, выступила против широких масс в качестве организованной силы в виде разного рода союзов хлеборобов, солидаризировавшихся с организациями помещиков, с другой—выступила против привилегий последних и тем самым как бы поддерживала движение масс. Эти слои деревни были заинтересованы в рабочей силе военнопленных и беженцев, которыми почти монопольно пользовались помещики, в снижении арендных плат, в расширении землепользования за счет помещиков и т. д. Этим определялся их «союз» с остальной массой крестьянства, но вместе с этим разного рода хуторяне, отрубники и проч.,—созданная столыпинским законодательством сельская буржуазия—были против национализации их земель, против попыток крестьянских масс расширить аграрную революцию и за их счет. Поскольку крестьянская революция до октября 1917 г. шла по линии, главным образом, борьбы с помещиками, постольку консолидация кулацких слоев деревни происходила медленно, и помещики просто не успели их сплотить вокруг себя в более или менее достаточную силу. Если это им удавалось, то больше всего в районах развитого капиталистического хозяйства, главным образом, на юге России, где кулацкие организации сыграли свою контрреволюционную роль в последующие годы революции.

---

1 „Саратовский вестник" № 229 от 17 октября 1917 г.

Там, где были сильны крепостнические пережитки, тормозившие создание мощного слоя капиталистического крестьянства, представители последнего, в худшем для революции случае, держали нейтралитет, а чаще всего примыкали к крестьянскому движению, составляя в нем более умеренный правый фланг. В крестьянской революции 1917 г. несомненно огромную роль сыграл середняк. Этим в значительной степени об'ясняется самый ее характер, ее «основные» этапы. Июльская волна «мирных» форм движения отразила в себе, как в зеркале, мелкобуржуазную сущность середняка, его стремление использовать «законные возможности» путем разного рода постановлений своих организаций взять помещика «измором», добиться от него уничтожения кабальных форм эксплоатации, развернуть за счет помещика свое хозяйство. Это, как мы видели, крестьянству плохо удавалось. Буржуазия вместе с помещиками самым решительным образом протестовала против такого рода «законных» выступлений, применив тактику подавления «беспорядков» вооруженной силой, арестами и т. д. Но эта политика Временного правительства, одобрявшаяся и поддерживаемая мелкобуржуазными партиями, в обстановке продолжавшейся революции пролетариата, в обстановке развала хозяйства и продолжавшейся войны—привела к обратным результатам. Крестьянское движение осенью 1917 г. от «мирных» форм перешло в более «резким»: к разгромам, поджогам помещичьих усадеб, захватам земель и пр.

В этот осенний период крестьянской революции в ней начинает играть все большее и большее значение беднота, давящая на середняка. Крестьянские массы высвобождаются из-под влияния соглашательских партий и все смелей и смелей идут за левыми эсерами и большевиками.

В этом процессе крестьянской революции большую роль играют и его организации. Деятельность крестьянских организаций следует рассматривать прежде всего со стороны их воздействия и участия в политическом и экономическом движении крестьянства.

Первое выявилось в чистке крестьянством в мартовские дни старых царских учреждений в деревне и создании новых волостных и сельских учреждений на основе всеобщих выборов. Создаются вполне политически свободные, демократические органы власти в деревне, избираемые самим крестьянством, которое использовывает их в дальнейшем для решения ряда важнейших вопросов, в том числе земельного, продовольственного и т. д. Такой же характер крестьянских, демократических учреждений носят земельные и продовольственные комитеты. Все эти три формы главнейших крестьянских организаций по существу являются отражением устанавливавшейся нормальной буржуазной власти, которая и стремилась ограничить компетенцию крестьянских низовых органов разного рода правилами и инструкциями, лишить их революционного характера, создать из них послушное для себя орудие для установления в деревне буржуазного порядка. В этом большую помощь буржуазии оказывают соглашательские партии, главным образом, эсеры и тот третий земский элемент, который по роду своих занятий был связан с деревней. Захват ряда исполнительных волостных комитетов и других организаций крестьянства представителями зажиточных слоев, духовенством, врачами, учителями и пр. «интеллигенцией», перекрасившейся в «мартовских эсеров», тоже явился «водой на мельницу» буржуазного порядка. Но все это только на время и только местами задерживало напор крестьянства на свои организации.

Уже майский с'езд советов крестьянских депутатов, искусно подобранный эсерами и политиками из Крестьянского союза, показал, что буржуазный «порядок» в деревне ненадежен, что крестьянская масса, особенно в земельном вопросе, не разделяет политики буржуазии и ее подголосков. Этим последним пришлось, чтобы не сорвать всей затеи со с'ездом, принять «каучуковую» резолюцию о передаче всех помещичьих земель на «учет» волостных земельных комитетов. Крестьянские массы нажимали все больше и больше на свои низовые организации, требуя радикального и быстрого решения больных вопросов и из них главного—отобрания земель у помещиков.

Волостные исполнительные и земельные комитеты в этой борьбе за землю, особенно в летний период 1917 г., становятся центрами крестьянского движения.

Буржуазия, борясь с «уклонами» своих деревенских органов власти, рассылает приказы о прекращении беспорядков, арестует членов разных волостных и земельных комитетов и т. п. В этом ей усиленно помогают двурушничающие министры-«социалисты». Вместе с этим Временное правительство торопится ввести «всесословное» волостное земство и заменить им все иные крестьянские организации. Крестьянство не торопится выполнять это предписание правительства [1] и, несмотря на агитацию эсеров, волостные земства только с осени 1917 г. кое-где начинают функционировать, а в дальнейшей революционной борьбе города и деревни они умирают в начале 1918 г. такой же бесславной смертью, как и Учредительное собрание.

Партией социалистов-революционеров и такой политической организацией, как Крестьянский союз, еще с весны 1917 г. была предпринята попытка организации крестьянства в советы крестьянских депутатов и низовые ячейки Крестьянского союза. При создании этих организаций они преследовали исключительно цель политической обработки крестьянских масс в духе своих программ, использования крестьянских голосов при выборах в Учредительное собрание. В то время как партия большевиков рассматривала советы крестьянских депутатов, как низовые органы власти крестьянства, о чем особенно много раз и настойчиво говорил и писал В. И. Ленин, эсеры и «крестсоюзцы» отрицали такое содержание крестьянских советов. Они и здесь проводили идею беспринципного «двоевластия», неопределенного контроля крестьянских советов над крестьянскими органами власти в лице исполнительных, земельных комитетов, волостного земства и т. д. В результате создаваемые ими советы крестьянских депутатов являлись лишенными своего внутреннего содержания. Советы крестьянских депутатов на местах, поскольку они проводили политику эсеров и Временного правительства, в общем не встречали широкого сочувствия крестьянских масс. К осени, однако, и в этих организациях намечается определенный перелом, чему не мало содействовала развертывающаяся революция города и самой деревни. Полевению советов в значительной мере содействовали и направляемые в деревню представители рабочих землячеств, солдаты фронтовых и тыловых частей (главным образом Петрограда), рассылавшаяся в деревню большевистская литература, газеты и наконец, самый рост политической сознательности крестьянских масс.

---

[1] В некоторых местах Центрально-черноземной полосы, Белоруссии и др. районах наблюдалось в сентябре и октябре даже ожесточенная борьба крестьянства с разгоном волостного земства.

Крестьянство не сразу отходит от взглядов партии эсеров и сначала поддается влиянию так называемых левых эсеров, что выражается в их резолюциях в предоктябрьский период с робким порицанием политики Временного правительства, в требованиях перехода помещичьих земель «действительно» в распоряжение земельных комитетов и т. п. Таким образом, крестьянство большевизируется не до конца, что и отражается на дальнейших событиях, когда в ноябре на 2-м Всероссийском с'езде крестьянских депутатов огромное большинство крестьянства все еще голосует за левых эсеров.

Организации с.-х. рабочих, развернувшиеся в ряде районов лишь осенью 1917 г., были все же еще настолько слабы, что существенного влияния на крестьянские массы оказать не могли. Их политический и социальный удельный вес перед Октябрем был сравнительно незначителен.

Основной вывод, который можно сделать из нашего обзора крестьянских организаций в период февраль-октябрь, — это тот, что крестьянство в своей массе тянулось за пролетарской революцией в городе, и сопротивление, бывшее в деревне со стороны буржуазно-помещичьих и кулацких элементов, могло быть окончательно преодолено только при помощи захвата политической власти пролетариатом. Крестьянство не могло до конца закончить свою экономическую революцию, не добившись политической власти, не связав свои завоевания в этой области с революцией пролетариата, не став под его руководящую руку в развертывании революции. Это крестьянство получило лишь тогда, когда оно об'единило свои организации с пролетарскими советами, что стало лишь возможным после октябрьских побед пролетариата.

И. ВЕРМЕНИЧЕВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ

МОСКВА 1928

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Значение крестьянского движения в 1917 году до Октябрьской революции нельзя недооценивать: оно, несомненно, сыграло крупную роль в подготовке и проведении пролетарской революции и вместе с этим являлось во многом стержнем для последующей аграрной политики советского государства. Характеристика крестьянского движения этого периода имеет поэтому интерес не только исторического порядка; несомненно, что изучение крестьянского движения в период осуществившейся буржуазной революции, движения, венцом которого было победоносное разрешение основных вопросов крестьянской революции в октябре,—имеет актуальное значение и в современных условиях.

В данной статье мы сосредоточиваем свое внимание на общем обзоре и общей характеристике крестьянского движения в период от февраля до момента Октябрьской революции, рассмотрении распространенности движения по территории, освещении некоторых моментов организованного движения и на характеристике главнейших форм аграрного движения. Материалами для данной статьи служат документы Архива Октябрьской революции (преимущественно дела Временного правительства). Для цифровой характеристики форм движения использованы краткие извлечения из документов, поступавших в главное управление по делам милиции при Временном правительстве и составлявших содержание сводок этого управления о событиях и «важнейших происшествиях на местах». Автором было подсчитано общее число всех случаев крестьянских выступлений по месяцам; при этом подсчет выступлений на территории той или иной губернии производился по отдельным видам и формам движения. В результате такого подсчета мы располагаем цифровыми данными, которые позволяют судить как о количественном нарастании, так и о его качественных формах. Необходимо подчеркнуть, что эти данные нами составлялись, конечно, далеко не по полным материалам, следовательно, они не могут дать исчерпывающей картины движения, которую вообще невозможно по существующим материалам со всей полнотой осветить в цифрах. С другой стороны, необходимо отметить, что сам подсчет производился не по отдельным выступлениям, а по отдельным формам, с которыми было связано это выступление крестьян. Если документом регистрировался случай захвата помещичьей земли, который сопровождался вместе с этим захватом живого и мертвого инвентаря, да к тому же порубкой леса плюс снятие с работ рабочих имения, то нами данный случай расчленялся на 5 частей: захват пахотной земли, захват скота, захват машин и орудий, порубка леса и снятие с работ рабочих. Следовательно, приводимые итоговые цифровые

данные по месяцам и районам являются суммой расчлененных по отдельным формам движения подобных случаев.

Произведенный подсчет дает несколько иную картину развертывания движения, чем цифровые сводки Главного управления милиции[1], где регистрация случаев была иной, как по степени дробности расчленения отдельных случаев по формам движения, так и по другим приемам подсчета и отличавшиеся неполнотой материалов, включаемых в сводки данного месяца, так как значительное число сведений о крестьянских выступлениях в данный месяц поступало в следующих месяцах, уже после составления цифровых сводок.

Мы остановились на цифровых сводках потому, что, по нашему мнению, подобная, хотя бы недостаточно точная и грубая, цифровая характеристика является очень существенным подспорьем в анализе движения в его самых разнообразных формах и заменяет описания движения на основании цитирования документов эпохи. В отношении крестьянского массового революционного движения статистический метод учета революционных выступлений приобретает еще особую трудность благодаря чрезвычайной сложности самого крестьянства, как конгломерата всевозможных социально-экономических групп.

Проследить, какие слои участвовали в том или ином выступлении, статистически невозможно и приходится ограничиваться характеристикой движения по его направлению, а не по самым носителям движения, пользуясь для этой последней цели лишь отдельными разбросанными сведениями. В данной статье вопросу о различных социальных прослойках, принимавших участие в борьбе с помещиками, мы не уделяем особого внимания, ограничиваясь лишь некоторой характеристикой классовой борьбы внутри крестьянства, выразившейся в выступлениях против представителей сельской буржуазии.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Крестьянское революционное движение в своем развитии прошло по существу три фазы, три периода. Кратковременный период вслед за Февральской революцией, когда деревня еще только вбирала в себя новые революционные веяния, когда шла по всем местам смена старого правительственного аппарата, и когда шел бурный процесс создания новых общественных организаций; этот период характерен лишь отдельными вспышками крестьянских выступлений против помещиков в некоторых губерниях.

Второй период отличается началом и развитием массового, охватившего огромную территорию крестьянского движения, при чем благодаря исключительно широкому распространению всевозможных крестьянских организаций этот период отличался массовой органиованной борьбой с помещиками. В свою очередь этот второй период имеет два этапа: первый этап—от апреля до июля (его середины)—характеризуется непрерывным под'емом в условиях недостаточно реальной борьбы с движением со стороны Временного правительства. Бессилие Временного правительства в борьбе с движением этого периода, общий характер легальных условий для развертывания массовых крестьянских организаций во втором уже этапе сменяются началом жестоких

[1] Эти данные Гл. Упр. Мил. частично были нами использованы в статье „Аграрное движение в 1917 г.", журн. „На аграрном фронте" № 3, 1926 г.

репрессий по отношению к революционному крестьянскому движению. Этот этап начала расправы буржуазии с революционным движением под прикрытием (и прямо руками) соглашательских партий изменяет темп и характер аграрного движения: оно начинает снижаться, и, как увидим ниже, в формах борьбы начинают расти разгромы помещиков.

Наконец, третий период—период предоктябрьской волны крестьянского движения, когда последнее переходило в крестьянскую революцию. Этот период резко отличается от предыдущих коренным изменением всего характера движения. Непосредственно перед Октябрьской революцией в сентябре и октябре сравнительно мирные формы борьбы с помещиками уступают место разгромам помещиков, вооруженной борьбе с ними, крестьянское движение превращается в крестьянскую войну против помещиков.

Вместе с этим падает организованность движения; оно превращается в стихийную безудержную и ожесточенную ликвидацию всех остатков феодально-крепостнических отношений. Развитие движения из месяца в месяц по нашим данным рисуется в следующем виде:

Общее число подсчитанных случаев по итогу всех форм движения (в % с округлением до 1)

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Итого
1	7	12	17	16	13	14	20[1]	100

Об'единяя все число случаев по периодам, получим (округляя до 1):

I период (1 мес.) начало движения (март)	II период (5 мес.) развертывание крестьянской борьбы (апрель, май, июнь, июль и август)		III период (2 мес.) начало крестьянской революции (сентябрь и октябрь)
	I этап	II этап	
1%	36%	29%	34%

Только 2 месяца перед Октябрьской революцией дают 34% всех случаев за все время движения до Октября. Но это общее число случаев не показательно для представления о существе движения, ибо с течением времени изменяется, как мы только что говорили, самый характер движения.

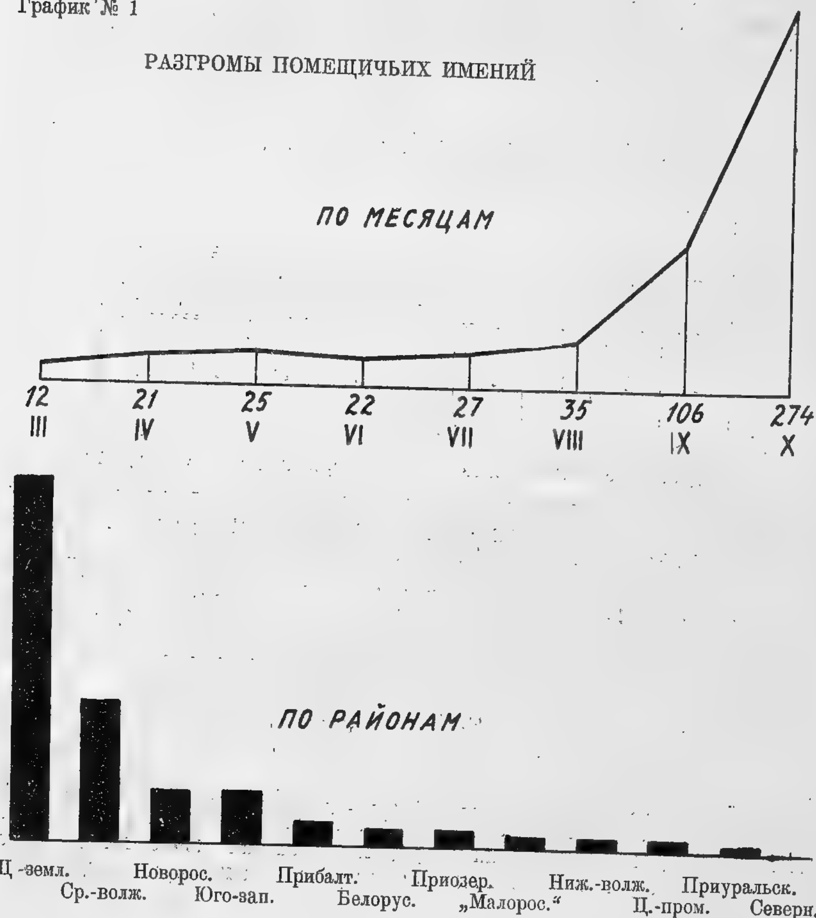
[1] Данные охватывают октябрьское движение лишь до двадцатых чисел октября, примерно $^2/_3$ этого месяца.

Рассматривая число случаев по формам движения в каждом месяце, имеем следующие данные о значении важнейшей формы борьбы — разгромов (анализ основных форм движения см. ниже).

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Итого
Процент разгромов и полной ликвидации помещичьих имений	24,5	5,3	3,7	2,2	3,0	5,8	15,1	26,7	9,8

Здесь мы наглядно видим, что месяцы перед Октябрьской революцией отличаются самым высоким процентом разгромов помещичьих экономий, этой наиболее ожесточенной формы движения, формы, свидетельствующей, что движение превращается в войну против помещиков. Из графика № 1 мы

График № 1

видим, что разгромы наибольшее распространение имели в центральных земледельческих и средне-волжских губерниях.

Первый месяц отличается также повышенным процентом случаев разгромов. Это стоит в полном соответствии с общим характером первых периодов Февральской революции, когда крестьяне в некоторых местах бросились громить помещиков, как только вести о революции пришли в деревню. Последующее развитие революции выразилось в смене этой формы формами, так сказать, более мирными и спокойными: захватом помещичьей земли, инвентаря и прочих средств производства, движением на почве найма рабочих и т. д.. На изменение форм движения в последующие месяцы, несомненно, сыграло организующее влияние на движение со стороны всевозможных крестьянских организаций. Рассматривая динамику числа случаев революционных выступлений под руководством и влиянием различных крестьянских организаций (главным образом, волостных комитетов), мы имеем следующие данные:

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Итого
Число крестьянских выступлений под руководством организаций (в % к итогу)	0,1	7,0	14,5	26,4	23,0	15,5	8,0	5,5	100
							13,5		

На графике изображена кривая организованного и неорганизованного движения (График № 2).

Несомненный факт снижения доли организованного движения в период предоктябрьской волны свидетельствует о стихийности движения в эти месяцы. Советы крестьянских депутатов, крестьянские союзы и различные волостные организации в это время теряют свое организующее влияние на крестьянскую массу как по причине соглашательского их состава, поддерживавшего Временное правительство, так и благодаря разгону буржуазным правительством и репрессиям по отношению к наиболее революционной части крестьянских организаций. Однако, если падает доля организованного движения, происходящего под руководством всевозможных крестьянских организаций, то возрастает влияние такого крупнейшего фактора в развитии крестьянского движения, как участие солдат, выступавших застрельщиками и во многих случаях прямыми возбудителями выступлений против помещиков.

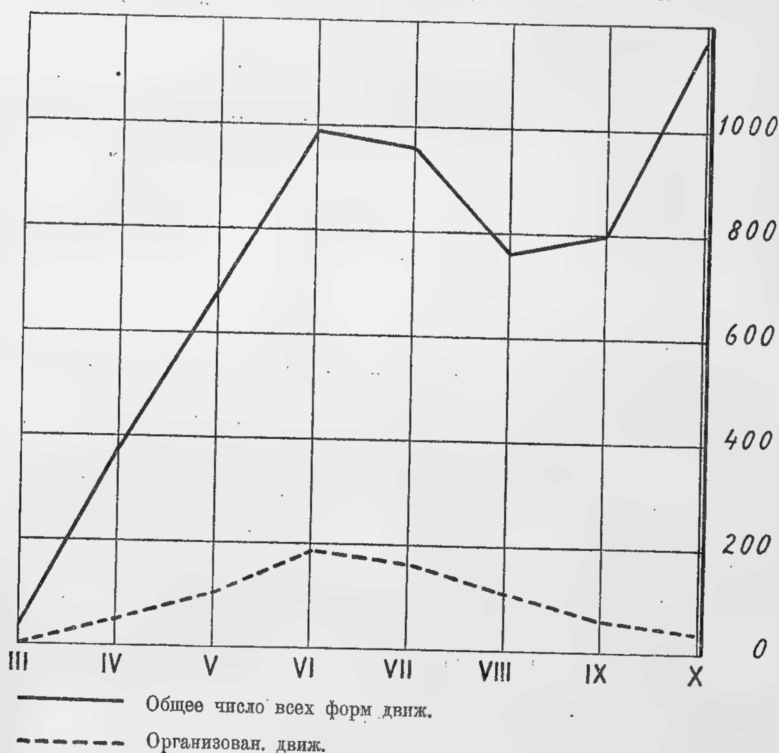
Руководство крестьянскими выступлениями со стороны солдат (в %%):

III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Итого
1	8	14	11	13	13	13	27	100
1		33		26		40		100

На один октябрь месяц приходится около трети всех выступлений, происходивших под руководством солдат. Значение армии в подготовке и проведении аграрной революции несомненно велико. Крестьянство само по себе, благодаря своей неорганизованности и распыленности, не может преодолеть этой распыленности. Благодаря отсутствию связи между собой, разбросанное на огромнейшей территории, крестьянство замыкалось в узком кругу односельчан и небольшого круга соседних селений. Подобная раз-

График № 2

ДИНАМИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1917 г.

общенность не могла создать условий для подготовки кадров организаторов аграрной революции. Соприкосновение с пролетариатом могло оказать в этом отношении решающее влияние. Но в 1917 году мощным фактором организации крестьянства явилась армия, когда мобилизованное крестьянство могло выступить, как организующая сила, благодаря соприкосновению друг с другом в полках и батальонах и в городах с пролетариатом.

Приход солдат в деревню, по свидетельству многих донесений, и явился началом брожения среди крестьян. К октябрю вместе с распадом армии

приток этих организаторов движения увеличился, что нашло свое отражение в увеличении числа случаев выступлений под руководством солдат.

Распространенность крестьянского движения по территории Европейской России в 1917 году была чрезвычайно широка: не осталось почти ни одной губернии, в которой не происходило бы в той или иной мере крестьянское движение. Но вместе с этим вырисовываются и определенные центры движения. Рассматривая всю совокупность учтенных нами случаев по районам (в старых границах) имеем следующие суммарные итоги по районам Европейской России за 8 месяцев:

б. Центрально-земледельческие губернии (6 г.)	1746
„ Средне-волжские (5 губ.)	1162
„ Нижне-волжские (4 губ. и 1 обл.)	258
„ Новороссийские (4 губ. и 1 обл.)	413
„ Юго-западные (3 губ.)	429
„ „Малороссийские“ (3 губ.)	272
„ Центрально-промышленные (7 губ.)	282
„ Белорусские губернии (5 губ.)	766
„ Приозерные „ (4 губ.)	248
„ Прибалтийские „ (2 губ.)	122
„ Северные „ (2 губ.)	14
„ Приуральские „ (3 губ.)	70
Итого по 44 губерниям	5782

Наибольшее движение наблюдалось в центрально-земледельческих, средне-волжских, белорусских и юго-западных губерниях (см. график № 3 и карту).

Темп развертывания движения был чрезвычайно бурным и уже в апреле и дальше в мае месяце движением была охвачена огромная территория. Министр-председатель Временного правительства князь Львов в своих докладных записках правительству так описывает развитие аграрного движения:

«В апреле появились первые признаки перемены в крестьянском правосознании по отношению к разрешению земельного вопроса и на-ряду с этой переменой стали поступать соответствующие известия в виде телеграмм с мест. Деревня, очевидно, стала ощущать и воспринимать идеи и программы, выработанные и принятые в городских центрах» [1].

«Необходимо подчеркнуть, что как это усматривается из поступающих с мест сообщений, беспорядки не только не могут быть признаны ликвидированными, но, наоборот, с каждым днем они охватывают все новую площадь. 12 мая были получены сообщения о беспорядках во Владимирской, Могилевской и Смоленской губерниях; к 16 мая к ним присоединились губернии: Нижегородская, Новгородская, Орловская и Рязанская: 17-го—Курская и Московская, 19-го—Петроградская, 20-го—Казанская, 23-го—Бессарабская, Калужская, Костромская и Тамбовская, 24-го—Минская, Подольская, Саратовская, Витебская и Волынская, 30-го—Самарская, 31-го—Пензенская, 1 июня—Пермская и Псковская, 2-го—Тульская, 3-го—Уральская, 5-го—Полтавская и Эстляндская, 6-го—Харьковская, 7-го—Воронежская и Лифляндская, 8-го—Симбирская, 9-го—Черниговская, 10-го—Вятская. 12-го—Подольская, 13-го—Гродненская и Иркутская, 15-го — Виленская. 16-го—Енисейская и Рязанская и 17-го—Вологодская и Оренбургская» [2].

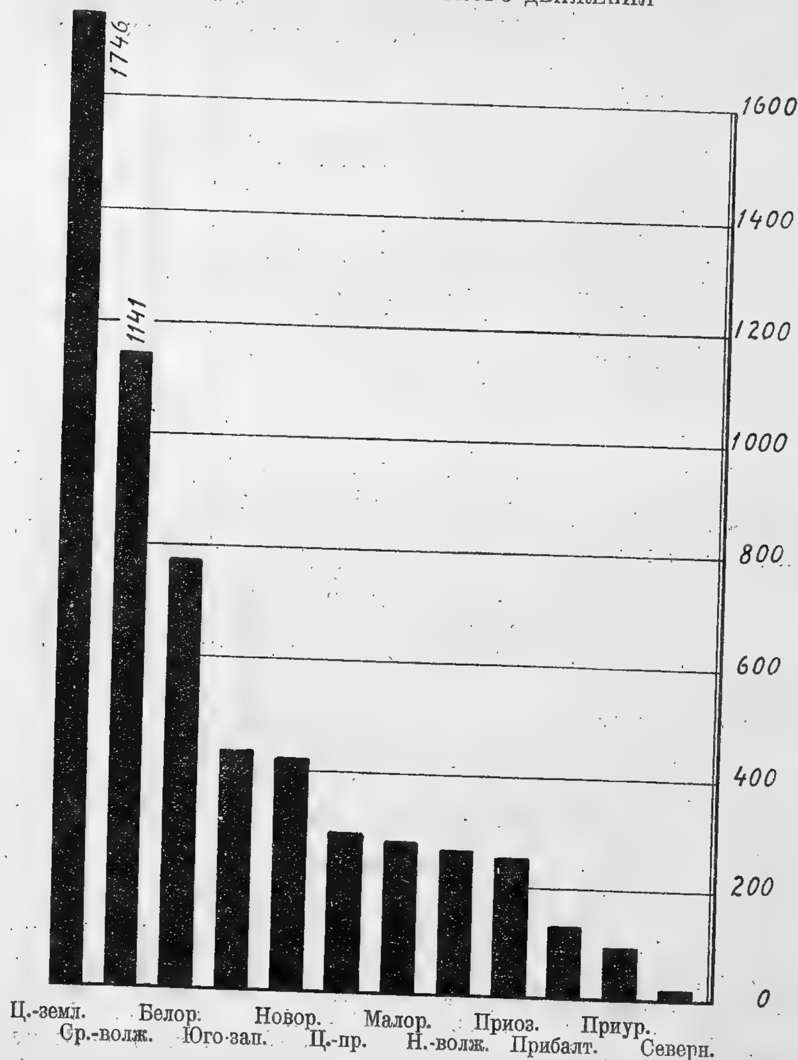
---

[1] А. О. Р., ф. III. Дела Временного правительства.
[2] Там же.

Развитие движения по всей территории б. Европейской России, охват им огромного количества губерний являлся одним из отличительных черт аграрного движения в 1917 году.

График № 3

РАЙОНЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

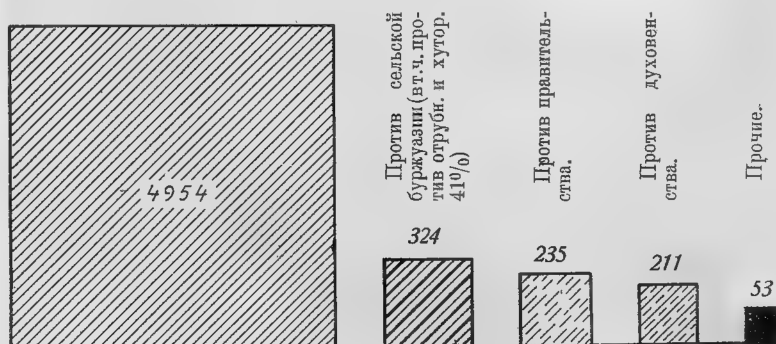

Все это движение было почти исключительно направлено против помещиков. Рассматривая случаи крестьянских выступлений по их направлению (см. график № 4), мы в общем суммарном итоге за 8 месяцев имеем следующее соотношение случаев:

Движение против представителей сельской буржуазии не играло значительной роли в общем итоге. До Октябрьской революции «внутрикрестьянская» борьба не имела широкого распространения, хотя и носила во многих местах очень ожесточенный характер: разгромы, поджоги, личный террор и пр. На основном фоне общекрестьянской борьбы с феодально-крепостническим землевладением классовые противоречия внутри самого крестьянства в начальном этапе аграрной революции не развернулись до классовых битв. Мы выделяем из общей борьбы с сельской буржуазией борьбу с хуторянами и отрубниками, которая носит тот же классовый характер борьбы крестьянства с сельской буржуазией, но отличается также специфическими чертами борьбы против иной, необщинной формы землепользования. Такая

График № 4

НАПРАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917 г.

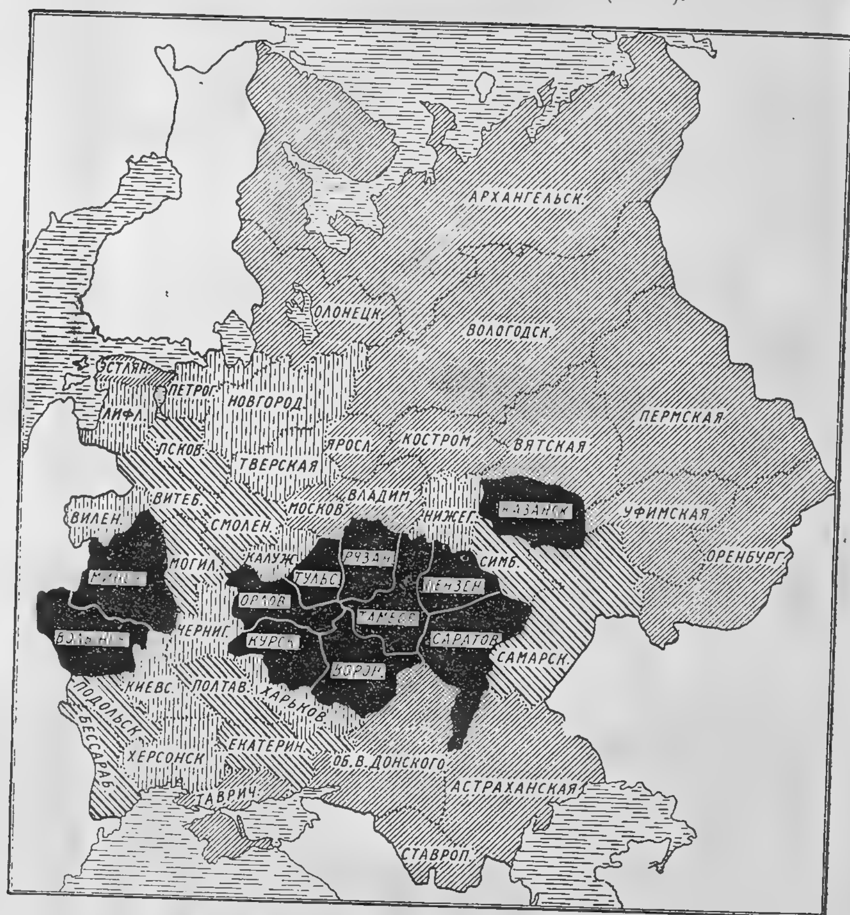

встречавшаяся форма, как принудительный ввод отрубников в общину и передел их земель между всеми крестьянами, не сопровождавшийся конфискацией их средств производства (землю в общине они снова на равных правах получили), служила лишь формой уничтожения внешних последствий столыпинской реформы, но не затрагивала основной массы сельской буржуазии, находившейся в общине. Рассматривая график № 5, мы видим, что наибольшее движение против сельской буржуазии развилось в Средневолжских, Нижне-волжских, Центрально-земледельческих и Новороссийских губерниях.

Движение против духовенства носило в основном также характер борьбы за землю. Захват и передел церковной и монастырской земли служил выражением борьбы с остатками феодализма в землевладении, поскольку монастыри, церкви, имевшие крупные поместья, несомненно являлись одной из составных частей строя с господством в сельском хозяйстве пережитков крепостничества. Иной характер носила противоправительственная борьба, содержанием которой являлось в большинстве случаев сопротивление властям и отказы от различных повинностей (главным образом, борьба с хлебной монополией, доходившая до разгромов продовольственных управ), столкновения при введении волостного земства по новому положению Временного пра-

вительства о волостном управлении, столкновения с милицией при производстве дознаний и ведении следствий [1], прямые столкновения с карательными отря-

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1917 г. (III—X).

ЧИСЛО СЛУЧАЕВ:

от 0 до 50 — от 100 до 200

от 50 до 100 — от 200 и выше

дами Временного правительства, водворявшими «порядок» в деревне и т. д. Борьба с правительственными агентами и учреждениями не получила широ-

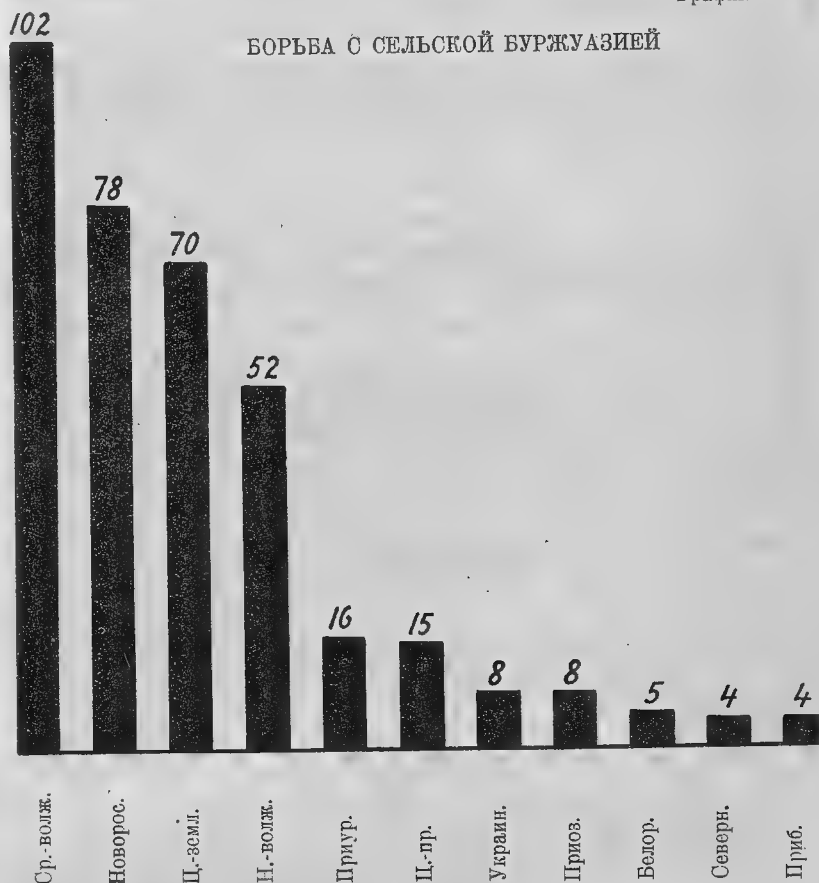
---

[1] Между прочим, в 1917 г. зачастую милиция, состоявшая из крестьян, часто становилась на сторону крестьян и была иногда орудием революционных крестьянских комитетов в борьбе с помещиками.

кого распространения в 1917 г. по простой причине отсутствия на местах крепкой правительственной власти. Непосредственные органы власти на селе, в волости в большинстве находились в руках самих крестьян, милиция была слаба, суды действовали до времени их усиления, в период послеиюльской реакции, слабо.

График № 5

БОРЬБА С СЕЛЬСКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ

Все это создавало условия возможности почти безнаказанного захвата помещичьих земель. «Бессилие власти в борьбе с движением»—общая жалоба всех донесений помещиков о крестьянском движении. Естественно, что случаи противоправительственных выступлений были, за отсутствием самого объекта, незначительны. Но этим самым нисколько не характеризуется массовое отношение крестьянства к Временному правительству. Это отношение пережило те же фазы, что и развитие самого движения, и самый факт развертывания движения, усиливающегося с каждым месяцем, свидетельствовал о потере Временным правительством своего влияния на крестьянство.

В первый период после Февральской революции массовое настроение крестьянства характеризовалось бурной радостью в связи со свержением самодержавия и величайшей надеждой на быстрое урегулирование земельного вопроса. Об этом свидетельствуют приговоры и письма крестьян первых месяцев после революции. Но уже и в этих приговорах иногда проскальзывает целый ряд радикальных и решительных требований. Приведем несколько образцов резолюций этого периода.

«Мы, крестьяне Плещеевской волости, Калязинского уезда, Тверской губернии, собравшиеся на общее собрание, постановили: обратиться к Временному правительству с приветствием в окончательной победе над старым правительством; мы, крестьяне, решили поддерживать Временное правительство во всем, в чем окажется крестьянская помощь наша. Мы, крестьяне, решили обратиться к правителям на нашем общем собрании, восстановить общий образ правления—народную демократическую республику на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Также мы, крестьяне, признаем продлить ведение войны до окончательной победы над врагом, но не с целью захвата и завоеваний чужих территорий. Также просим, чтобы наши выборные от крестьян были выбраны в солдатском рабочем совете и решали бы все дела с согласия крестьян. Также мы, крестьяне, требуем конфискации церковных, монастырских, удельных, кабинетских, казенных и частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения и передачи их в распоряжение крестьян. Также требуем выдавать пособия семьям запасных и ратников, призванных по мобилизации, а также и действительной службы по 20 рублей на каждого человека семьи призванного. В чем и подписуемся. 9 апреля» (подписи).

Или требование крестьян одного из сел Тамбовской губернии: «Мы вам преданно верим, наше общество окружено землями казенными и помещиков, которые предлагают купить у них землю, а казенную сдают в аренду кулакам других обществ, чем нас ставят в безвыходное положение. Желаем сохранить спокойствие в интересах добытых свобод, а потому запретите сдавать земли помещиков до Учредительного собрания, иначе мы прольем кровь, а пахать ее другим не дадим. Все эти поля, как ранее, нами будут засеяны. Общество села Большой Талинки, Тамбовского уезда, Уполномоченные Сухоруков, Левин, Жарков».

(Телеграмма 7 апреля крестьян Тамбовского уезда Временному правительству, копия совету рабочих депутатов).

Любопытен приговор крестьян села Хорошков, Черенковской волости, Лубенского уезда, Полтавской губернии.

«1-е. Мы требуем, щоб уси земли удельни, кабинетски, частновладельчески, казенни, помещиски, монастырски и церковни перешли в пользование граждан без выкупа; так как земля есть дар божий и помещики нажили не своим трудом, а чужим;

2-е. Землею наделить так, щоб не можно було ни купить, ни продать;

3-е. Землю щоб оброблялн уси способни и желающи своим собственным трудом;

4-е. Земля щоб була наравне мужчинам и женщинам;

5-е. Часть земли следуемая детям неспособным к труду, щоб ра порядився отец; если он не в состоянии обработать, то сдать в аренду в свою пользу; в пайками сырот щоб распоряжались общественные комитеты;

6-е. Вси фабрики и заводы, железни дороги, машины щоб перешли в пользу всего народа;

7-е. Просвещение щоб було усим равно и доступно в высшие училища, а кто неспособен, то учить в школах, соответствующих применяемых в жизни;

8-е. Гражданских начальников и должностных лиц изменить старого режима и впредь не выбирать;

9-е. Начальникам и должностным лицам жалование щоб определялось гражданами;

10-е. Начальствующи и должностные лица щоб выбирались и изменялись гражданами и не були изминени вышшими комитетами по цензу; так, чтобы рубль не був старшой человека;

11-е. Мы требуем, бо мы всеми предметами труда сами распоряжались и пользовались, як нам заблагорассудится;

В том и подписуемось» (31 мая 1917 г.).

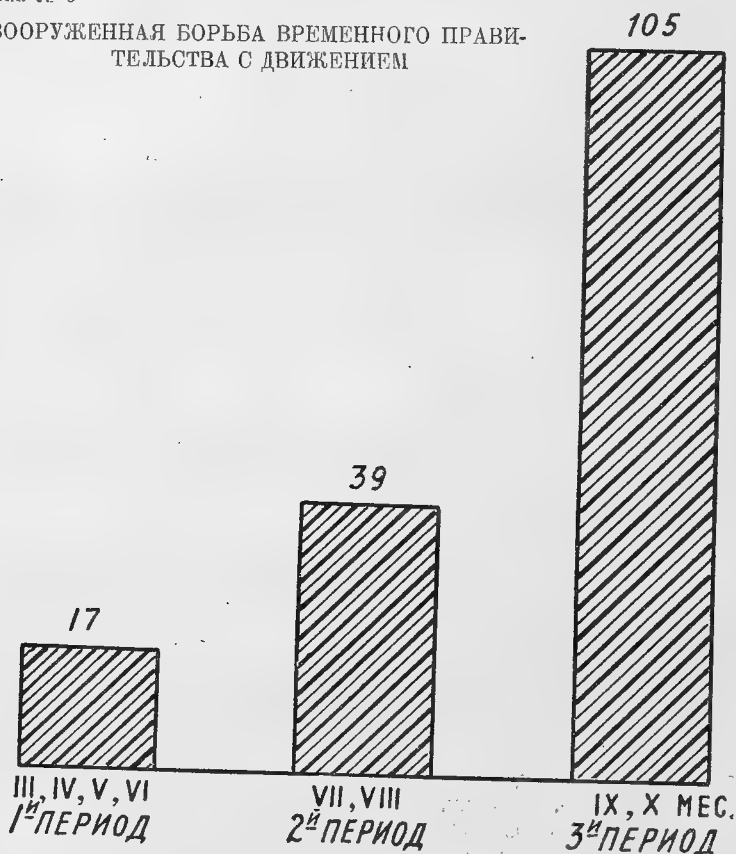
Эти документы, типичные для этого периода, с достаточной убедительностью свидетельствуют, что скрывалось за внешними проявлениями крестьянского доверия Временному правительству. Удовлетворенное свержением царизма, декретировавшее, что «всякий царизм в России упраздняется навсегда», и что «вся земля должна быть в пользовании крестьянства», крестьянство с совершеннейшей неизбежностью должно было притти к активному осуществлению своего второго лозунга. Доверия правительству и даже Государственной думе первых месяцев после революции было естественным доверием к органам революции, свергнувшим царизм. Но это доверие быстро таяло, таяло вместе с потерей всяких надежд на разрешение земельного вопроса Временным правительством и Учредительным собранием. Приведем для иллюстрации одно из типичных донесений этого периода.

«Аграрное движение губернии усилилось. Сознание, что земельный вопрос может только разрешиться Учредительным собранием сильно пошатнулось. Требования, предъявляемые волостными и сельскими комитетами некоторых уездов, угрожают хозяйствам полным расстройством. Движение разрастается. Снимаются рабочие, военнопленные, сроковые. Становятся самовольно на работы в количестве, не соответствующим потребностям хозяйства, затем требуют непосильную, подчас фантастическую заработную плату. Устанавливается 8-часовой рабочий день, а где соглашаются работать дольше, то за добавочные часы требуется непомерная доплата. Устраняют приказчиков, управляющих, замещая их своими представителями. Распоряжаются самовольно сенокосом, определяя разорительные для хозяйства условия. Во многих случаях хозяйства вынуждены будут продавать скот за недостатком корма. В некоторых случаях запрещают продажу скота и лошадей. Весьма много случаев требований об отдаче земель в аренду, не считаясь с нарушениями севооборотов и потребностями самого хозяйства. Арендные цены на землю определяют в большинстве случаев весьма низкие, часто непокрываемые расходы по платежам налогов и в банк. Многие хозяйства, в том числе крупные образцовые, заявляют, что постановлениями местных комитетов запрещается владельцам пользоваться уборочными машинами, что селяне сами снимут урожай за сноп, например, за третий сноп и даже с половины. Для борьбы с растущим разрушением, грозящим полным развалом сельскохозяйственной жизни Полтавской губернии, считающейся житницей России, не-

обходимо принять решительные меры центральной властью, делегировать представителей Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Я лично, не смотря на выраженное мне доверие губернским общественным комитетом, достаточно власти не имею» [1].

График № 6

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ДВИЖЕНИЕМ

Приведенные выдержки одного из многочисленных сообщений о начавшемся повсеместном движении в его типичных формах свидетельствуют о получившем широчайшее распространение перерастании буржуазной политической революции в революцию экономическую. Временное правительство, а вместе с ним и соглашательские партии эсеров и меньшевиков не смогли овладеть крестьянским движением, не смогли удержать его на стадии политической революции. Своими актами о передаче разрешения зе-

[1] Телеграмма Полтавского губернского комиссара Врем. правительству от 14 июня. АОР Ф. III Дела Временного правительства.

мельного вопроса оттягивающемуся созывом Учредительному собранию, своими ничего не говорящими декларациями о земельном вопросе Временное правительство ясно и недвусмысленно проводило линию оттяжки разрешения земельного вопроса. А вместе с этим оно становилось на путь решительной борьбы с революционным движением, борьбы, конечным результатом которой оказывалась прямая вооруженная защита помещичьего землевладения. График № 6 наглядно иллюстрирует рост вооруженной борьбы Временного правительства с крестьянским движением. Только 2 месяца после июльской реакции дают в два раза большее количество случаев посылки карательных экспедиций, чем за все предшествующие месяцы. В предоктябрьский период вооруженная борьба получила наибольшее распространение и стала основным содержанием в отношениях Временного правительства к крестьянскому движению.

«Русские ведомости» красочно описывают общее состояние деревни летом 1917 года, когда быстрый темп развертывания крестьянской борьбы за землю сопровождался усилением реального подавления движения со стороны правительства, успевшего мобилизовать кое-какие силы для этого и сорганизовать соответствующий аппарат. «Мужик смотрит вокруг, он пока ничего не делает, но вглядитесь в его глаза, и глаза говорят, что вся земля, которая лежит вокруг него,—его земля. Крестьяне с помещиков за уборку хлеба требуют непомерную плату, однако, когда появляется казачий разъезд в деревне, тогда мигом исчезает вся большевистская тенденция».

И уже в следующий этап—предоктябрьского взлета крестьянской революции, когда отдельные, хотя и массовые столкновения на почве применения наемного труда, на почве арендных сделок, порубок, леса, потрав, покосов лугов, запашек земли и проч., переходят в сплошное движение за полную ликвидацию помещичьих имений,—правительство уже окончательно и бесповоротно потеряло всякое доверие со стороны крестьянства, и идея Учредительного собрания начинает защищаться карательными экспедициями.

«В Сердобский уезд отправлено 400 казаков, также посланы отряды в центральные пункты остальных уездов. Эта мера подействовала успокоительно. Крестьяне заявляют, что будут ждать Учредительного собрания»,—пишет другая буржуазная газета «Русское слово» от 11 октября.

Так еще до Октябрьской революции Временное правительство бесповоротно дискредитировало идею Учредительного собрания в глазах широких масс крестьянства. Но если неуклонно и быстрейшим темпом теряло Временное правительство [1], теряла буржуазия, а вместе с ними и соглашательские «социалистические» партии, свою базу в крестьянстве и вообще в мелкой буржуазии, то в массовом крестьянском движении бурно шел другой восходящий поток. Этот поток заключался в росте популярности идеи советов. Мы видели, что еще в самом начале революции крестьянство выставляло требования участия их представителей «в солдатском и рабочем совете». Идея советов в последующие месяцы стремительно распространяется

[1] Государственная дума, имевшая в крестьянских массах в начале революции довольно широкую популярность, очень быстро себя скомпрометировала, и отношение к ней ярко сказывалось в таких примерно выражениях: „Это осиное гнездо надо разорить“ (Саратовская губ.). „Сельские комитеты постановили упразднить Государственную думу—учреждение зловредное“ (Воронежская губерния) и т. п.

по всей територии и к революционным [1] советам крестьянских депутатов, защищавших интересы крестьян и руководивших борьбой крестьянства с помещиками, наблюдается отношение, как к своей власти.

«Крестьянский совет признать чрезвычайно нужным и важным в борьбе за право крестьян. Советы эти поддерживать всеми средствами и способами, не останавливаясь ни перед чем, к голосу его прислушиваться, постановления его проводить в жизнь» (постановление делегатов сел и волостей Спасского у., Казанской губ. 24 июня).

Не останавливаясь ни перед чем, защищать советы! Это уже в июле, а перед Октябрьской революцией лозунг передачи всей власти в руки советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов был массовым политическим лозунгом деревни на ряду с основным экономическим лозунгом—передачи всех земель в руки советов и земельных комитетов. В сентябре в период корниловщины, в период начала во многих местах крестьянской революции, саратовские крестьяне писали в своем приговоре:

«Власть должна перейти по всей России в руки рабочих и крестьян, в лице советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Так будет надежнее. Пора нам прекратить сговоры с изменнической буржуазией—промышленниками, купцами и помещиками. Теперь мы видим, чего они добиваются»... «Землю помещичью, монастырскую и удельную объявить общенародной собственностью безо всякого выкупа и передать до Учредительного собрания в ведение земельных комитетов» (приговор крестьян на районном собрании Аткарского у., Саратовской губ., от 3 сентября [2].

Эти два основных потока — нисходящий: от доверия буржуазному правительству к решительной борьбе с ним, не сумевшим ликвидировать экономического господства помещиков,—и восходящий: от начала организации крестьянских советов и крестьянских волостных организаций и попыток связаться с пролетарскими советами к могучему движению за установление власти советов, характеризуют сущность политической стороны крестьянского движения.

Так, крестьянское движение, направленное после свержении царизма на экономическую борьбу с помещичьим землевладением, перерастает рамки буржуазной революции в ее политической части. Перерастает, ибо крестьянство, борясь с потерявшими политическое господство помещиками, сталкивается с политической организацией буржуазии—с Временным правительством. Сталкивается для того, чтобы уничтожить препятствие для ликвидации помещиков, уничтожить, следовательно, политическое господство буржуазии. Крестьянство, будучи само носителем буржуазной, противокрепостнической революции в завершении ее экономической стороны переходит к отрицанию политической стороны буржуазной революции. Но этот поток столкновений одного крестьянства с политической организацией буржуазии не мог бы привести к окончательной ликвидации политического ее господства. Лишь совпадение революционного движения крестьянства с революционным движением пролетариата могло обеспечить ликвидацию политической организации буржуазии в лице Временного правительства, а тем самым

---

[1] Ибо существовали и явно соглашательские советы крестьянских депутатов, все больше терявшие свое влияние на крестьянство.

[2] АОР. оп. I. Дело № 64, л. 309 и след.

обеспечить наиболее полное, победоносное завершение экономической противопомещичьей революции. И все своеобразие в ситуации классовой борьбы в период перед Октябрем как раз и заключалось в том, что и революционное крестьянское движение (противокрепостническое экономически и противобуржуазное политически) и революционное движение пролетариата (и экономически и политически противобуржуазное) совпали во времени и тем самым усиливали друг друга, закладывая базу для союза пролетариата и крестьянства, как основу для политики пролетарского советского государства в новый послекапиталистический период истории.

II. ОРГАНИЗОВАННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917 ГОДУ

Характернейшей чертой крестьянского движения в 1917 году до Октябрьской революции, особенно в первые периоды после февральско-мартовской революции, в период развертывания крестьянской борьбы за землю, было, как мы видели, наличие в деревне организованного движения. Бурный расцвет всевозможнейших крестьянских организаций, возникновение крестьянских советов, создание в деревнях сельских и волостных комитетов—комитетов «народной власти», волостных комитетов общественных организаций, волостных земельных комитетов, волостных продовольственных комитетов и т. п.— обуславливали развитие крестьянской общественности. Легальные условия, в которых развивалась крестьянская общественность, полное бессилие на первых порах Временного правительства в борьбе с развивающимся аграрным движением и организованным руководством движения со стороны комитетов, а также широкая волна революционного пафоса, охватившая страну после Февральской революции, создали предпосылки для невиданного до сих пор в истории крестьянского движения в России планомерной, организованной борьбы крестьян с помещиками. Центральное место в руководстве и организации аграрного движения занимают возникшие повсеместно сразу же после Февральской революции всевозможные волостные комитеты и советы крестьянских депутатов. Деятельность, поведение волостных комитетов наиболее рельефно характеризует организационные центры аграрного движения. Здесь мы можем проследить непосредственную борьбу крестьян с помещиками. Здесь влияние эсеровской партии сказывалось значительно менее, скорее косвенно, чем в советах крестьянских депутатов, где руководящая роль принадлежала почти исключительно эсерам. Поэтому действия крестьянского актива в низах, по волостям и селам, работавшего в волостных комитетах, наиболее показательны, как отображавшие непосредственные и неискаженные настроения крестьянства.

Как и в общем характере аграрного движения до Октябрьской революции, в развитии организованного движения можно наметить следующие периоды:

I период—март, вернее, начало марта, характерное отдельными стихийными вспышками крестьянских волнений. В этот период только кое-где организуются крестьянские комитеты и эти отдельные единичные вспышки проходят стихийно.

II период—период бурного расцвета деятельности всевозможных крестьянских организаций, период собственно организованного движения, дости-

гающий максимального проявления в июне и июле. Это период организованного захвата помещичьей земли и средств производства.

III период—начало крестьянской революции, массовые стихийные разгромы помещичьих имений. Как указывалось выше, в этот период организующая роль комитетов уходит на второй план и выступает масса «действующая сама от своего имени».

Рассматривая те условия, при которых в начале революции возникли волостные организации, можно определенно утверждать, что крестьянство было достаточно подготовлено к тому, чтобы быстро воспринять новые условия общественного и свободного развертывания своих организаций. Вернее, мы можем наблюдать, как быстро сказались условия империалистической войны, создавшие кадры крестьянских организаторов. Эти многочисленные кадры в лице солдат, прошедших школу войны, имевших соприкосновение с городскими пролетарскими организациями и особенно с массами промышленного пролетариата, были застрельщиками в крестьянских организациях, были руководителями, бродилами крестьянского движения в течение всего периода развертывания аграрного движения и в течение последующего взлета волны аграрной революции. Что именно солдатам принадлежала инициатива в развертывании движения, что главенствующую роль в создании крестьянских волостных комитетов играла не интеллигенция показывают многочисленные сообщения о том, все усиливающемся с каждым месяцем, недоверии к интеллигенции, которое охватило крестьянство. Интеллигенция вытесняется из состава волостных комитетов, заменяется крестьянами и все больше проявляется к ней враждебное отношение. На это также указывают сообщения о том, что только с появлением солдат в деревне, до сих пор спокойной, начинается брожение, и агрессивность крестьянства по отношению к помещикам начинает возрастать.

«Что касается настроения деревни, то в первое время оно было спокойно, но со времени появления солдат на сельские работы, настроение резко изменяется. Были случаи захватов помещичьих земель»... «Несмотря на то, что владельцы пошли навстречу крестьянам и многими землевладельцами земля была передана, солдатами и рабочими усиленно пропагандируется борьба с землевладельцами и вообще с зажиточным классом» (Одоевский у., Тульской губ. [1].

Конечно, организующее влияние на крестьянство оказывали и различные партийные и другие городские организации. С самого начала Февральской революции различные партии стремились овладеть деревней; посылка агитаторов, пропагандистов безусловно сыграла свою роль.

«26 марта в Главном управлении по делам милиции было получено первое известие о командировании партийными, профессиональными и различными смешанными организациями, имеющими центральные органы в Петрограде и Москве, своих агентов в сельские местности для организации крестьян-землевладельцев и для распространения между ними программы аграрных реформ. Позднейшие сведения с несомненностью установили, что такое же «движение в народ» было предпринято в большинстве губернских городов, благодаря чему деревня в промежуток от 25 марта до 10 апреля подверглась систематическому обследованию и инструктированию». (Из доклад-

[1] Из сообщения Комитету Государственной думы. АОР. Дела Временного правительства.

ной записки председателя Временного правительства кн. Львова от 3 июня).

Таким образом, источники организующего влияния на распыленное крестьянство были налицо; массы крестьянства, разбросанные мелкими хозяйствами на огромной территории, изолированные друг от друга, не имевшие своих организаций, безусловно не могли в обычной обстановке сами сорганизоваться. И только извне подготовленные организаторы, только вне мелкособственнических условий воспитанные кадры могли быть толчком для поднятия общественной активности крестьянства. Такие кадры поставляла армия.

Организовавшиеся в начале революции повсеместно волостные комитеты «народной власти», волостные «исполнительные комитеты» [1] и т. п. сразу же выступили как органы крестьянской власти на селе. Стихийная организация волостных комитетов—органов крестьянской власти, была повсеместной. Министр-председатель Временного правительства кн. Львов в цитированном уже докладе об аграрном движении от 3 июня по поводу организации этих комитетов пишет следующее:

> ... «Волостные земельные комитеты,—говорится в постановлении Временного правительства,—могут быть образуемы по инициативе местного населения». Инициатива была проявлена в полной мере и даже ранее издания упомянутого постановления. Образуются разнообразные сельские комитеты, часто случайные, иногда без производства выборов, комитеты «народной власти» и прочих наименований, при чем их полномочия и круг деятельности иногда совпадает, иногда только соприкасается с действующими на ряду с ними волостными исполнительными комитетами. Местные правительственные комиссары нередко лишены возможности судить о том, от кого исходит данное постановление, когда и как организован комитет, издающий закон и правила, производящий обыски, аресты и реквизиции, разрешающий земельный вопрос как по частным случаям в виде обязательных постановлений, так и во всей его полноте в форме деклараций».

Комитеты, состоящие из крестьян, действовавшие, как власть, издававшие законы, имевшие в своем распоряжении милицию, производившие захваты земель, производившие аресты и обыски,—это были доподлинные органы крестьянской власти на местах. Какой решительностью и властностью звучит, например, следующее распоряжение Шиповского волостного комитета Ефремовского у., Тульской губ., отправленное князю Голицыну, владельцу крупного имения в этом уезде:

КН. ГОЛИЦЫНУ.

> «Шиповский волостной Исполнительный комитет извещает Вас, что на 10 апреля к 10 часам утра Вы обязательно должны доставить в волостное Правление всех военнопленных, находящихся на сельскохозяйственных работах, которые необходимы для граждан местной волости, за неисполнение будет припоручено милиции для строжайшего исполнения поступлением по закону с сопротивляющимся. Со всеми у них вещами и надлежащими расчетами.
>
> 9 апреля. Подписи... М. П.».

[1] Названия этих комитетов были самыми разнообразными, вплоть до „волостной комитет Государственной думы“, но сущность этих комитетов, их функции были однородны, это были крестьянские комитеты, фактическая власть на селе.

Или приказ волостного земельного комитета Десятопятницкой волости, Боровичского у., Новгородской губ.

16 июля 1917 года.

ПРИКАЗ.

Ялиговскому полицейскому десяцкому земельный комитет приказывает об'явить управляющему Михаилу Владимировичу Родзянки, чтобы он с гр. деревни Елигова разобрался, мирно уступил им покосу, который вы кормите скоту. Если вы не будете слушать земельного комитету, будет с вами поступлено иначе, будете вы рестованы.

Председатель Е. Егоров.

(печать).

Родзянко, переславший этот приказ, сообщает, что это явление «заурядное и общее». Волостные комитеты забирали землю, покосы, леса, захватывали скот, инвентарь, устанавливали арендные цены на землю, иногда захватывали целиком имения, ставили своих управляющих, регулировали заработную плату сельскохозяйственным рабочим и т. п. и т. д.

Если в марте крестьяне местами бросились громить помещиков, то уже в последующие месяцы волостные комитеты становятся во главе движения, изменяют характер движения в сторону планомерного, организованного выживания помещиков, начатки крестьянского бунта превращаются в полулегальную ликвидацию помещичьего господства. Ленин, выставивший требование включения в аграрную программу пункта об организации крестьянских комитетов на Стокгольмском с'езде партии, считал, что «крестьянские революционные комитеты есть единственный путь, которым только и может итти крестьянское восстание» [1].

Крестьянские комитеты выставлялись им, «как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его» [2]. С полной определенностью оправдались эти слова на опыте революции 1917 года. Только эти местные комитеты не имели дополнения «в других, центральных органах, во временном революционном правительстве», ибо Временное правительство оказалось противореволюционным, не рабоче-крестьянским, а буржуазно-помещичьим, которое повело усиленную борьбу с деятельностью революционных комитетов, отменяя их постановления, привлекая их за революционные шаги к ответственности, а в период начала крестьянской революции перед Октябрьской революцией взяло ожесточенную репрессивную линию, массами арестовывая и отдавая под суд членов комитетов. Но опыт работы этих комитетов, а также опыт работы крестьянских советов имел огромное значение для развертывания и завершения Октябрьской революции. Так же, как для промышленного пролетариата, создание после Февральской революции советов сыграло решающую роль в победе Октябрьской революции, так и для крестьянства опыт работы крестьянских советов и волостных комитетов

[1] Ленин. Собр. соч., том VII, часть I, стр. 192.
[2] Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 153.

в период после Февральской революции имел для победоносной аграрной революции исключительное значение.

«Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало советов еще в феврале 1917 г., то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы» [1],—говорил Ленин на VII с'езде РКП (б) 7 марта 1918 года.

И дальше [2] «этой готовой формой явились советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства,—Российскую советскую республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг».

Советы рабочих и крестьянских депутатов, как готовая форма новых органов власти, дополнялись по деревням и селам волостными комитетами.

Позиция коммунистической партии, позиция Ленина по отношению к таким комитетам на протяжении всех месяцев до Октябрьской революции была определенной.

«Все распоряжение землей, все определение местных условий владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных советов крестьянских депутатов» (том XIV, стр. 50).

«Пролетарии деревни будут за полный и немедленный переход всей без из'ятия земли ко всему народу и за немедленное взятие земли в распоряжение местными комитетами» (там же, стр. 89).

Партия «выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления» (там же, стр. 119).

Последующая характеристика деятельности крестьянских комитетов показывает, что в 1917 году до того момента, когда Временное правительство, оттягивавшее разрешение земельного вопроса и поддерживаемое эсерами и меньшевиками, не пошло на разгром крестьянского движения, волостные комитеты играли или могли играть роль «наиболее желательной» формы движения, роль организованной и планомерной ликвидации помещичье-феодального землевладения.

Волостные комитеты или позже волостные земства были теми главнейшими организациями, которые являлись по существу органами крестьянского движения. Общее руководство их деятельностью должно было осуществляться органами Временного правительства, но лишь в редких случаях уездным и губернским комиссарам удавалось овладеть этими организациями. В большинстве они проводили свою линию независимо от распоряжений

---

[1] Собр. соч., т. XV, стр. 116.
[2] Там же.

представителей власти или подчиняясь этим распоряжениям лишь формально. На деятельность этих комитетов значительно большее влияние имели советы крестьянских депутатов, уездные и губернские. Сельские же и волостные советы крестьянских депутатов были не везде организованы, и деятельность их при наличии активного волостного комитета «народной власти» и прочих названий была малозаметной. Но когда волостной комитет вел менее активную роль, роль соглашательскую, на сцену выступали советы крестьянских депутатов, иногда продовольственный комитет и часто земельные комитеты. Формального распределения обязанностей не было, и, долженствующий заниматься исключительно продовольственными делами, проводить хлебную монополию, комитет обсуждал и разрешал все вопросы «о земле». Отбирал землю у помещиков, распределял ее среди крестьян, реквизировал инвентарь, скот и т. д. Приведем характерную в этом отношении заметку из газеты «Наш союз» № 12 от 10/VI (Раненбургский у., Рязанской губ.).

«Ивановский продовольственный комитет. Собрание 30 мая. Обсуждался вопрос «о земле». По протоколу вынесены следующие постановления: «Отнять рабочих на законном основании», как не явившиеся на место к 10 апреля, и «оставить ей г. Ознобишиной 5 человек для ухода за коннозаводством и 3 человека для охраны сада с окладом 100 рублей в месяц». «Оставить Ознобишиной всей земли 30 десятин», «с тем условием, чтобы эту землю обработала собственноручно, в крайнем же случае хлеб реквизируется в комитет». «Уволить старосту Ознобишиной за нерадивое ведение им хозяйства в 1916 году». «Реквизировать живой и мертвый инвентарь». «У А. П. Попова оставить 15 десятин», «отнять рабочие руки и оставить только одного для караула сада» и т. д.

Существование в деревне различных по форме организаций нисколько не разграничивало содержания их работ, направленных к одному основному волнующему вопросу о земле, и многообразные формы разрешения земельного вопроса сводились к основной цели—ликвидации тем или иным путем помещичьего землевладения.

Волостные исполнительные комитеты, волостные советы крестьянских депутатов создавали кадры крестьянских общественников, вместе с тем придавали аграрному движению особый характер организованного движения, которым последнее отличалось в первые периоды после Февральской революции.

Мы должны подчеркнуть, что не всегда и не везде эти организации были до конца революционными. Влияние эсеров, почти безраздельное господство эсеровских взглядов в деревне до предоктябрьского периода создавали двойственность в поведении крестьянских организаций. В начальный период, в первые 2—3 месяца, когда господствующим было доверие к Временному правительству и даже к Государственной думе, и даже в период наибольшего расцвета организованного движения, в июне и июле, когда доверие к Временному правительству падает под влияние затягивания разрешения земельного вопроса, эсеровские настроения были преобладающими. Повсеместно, за некоторыми исключениями, крестьянские с'езды принимали программу эсеров. А вместе с этим и общая политическая линия крестьянских организаций совпадала с линией эсеровской партии. Поскольку же эсеры поддерживали Временное правительство, поскольку они входили потом в его состав, естественно их местные организации должны были проводить политику сотрудничества с органами Временного правительства и вместе с ними вести линию оттяжки окончательного разрешения земельного вопроса.

Отсюда прямой и определенный вывод о необходимости борьбы с тенденциями немедленного, до Учредительного собрания, захвата земель. Такую линию борьбы с немедленным захватом эсеры принуждены были проводить и в крестьянских организациях. Общий тон политики эсеровской партии этого времени—революционность на словах, велеречивость резолюций, а на деле прямая поддержка Временного правительства, все более, как мы видели выше, решительно становившегося на путь репрессий по отношению к крестьянству, на путь прямой защиты помещичьего землевладения. И об'ективно «революционная» крестьянская партия становилась на путь борьбы с революционными выступлениями крестьянства и крестьянских организаций, на путь поддержки помещиков против крестьянства во имя доведения страны до Учредительного собрания, созыв которого в свою очередь откладывался. Массы же крестьянства, особенно в районах с наибольшим распространением помещичьего землевладения, в районах, где остатки крепостнических отношений наиболее сильно давали себя чувствовать, где революционизирующая роль этих отношений наиболее ярко проявлялась, не могли примириться с оттяжкой разрешения земельного вопроса. Мы видели, что в районах Центрально-земледельческом, Средневолжском, Белорусском и других волна захватов помещичьих земель, захватов инвентаря, столкновений на почве аренды земель, захватов лесов и пр. проявлялась с особенной силой вместе с увеличением из месяца в месяц числа случаев столкновений с помещиками по всем районам. Это характеризовало на деле отход крестьянства от политики эсеровской партии, оттягивавшей разрешение земельного вопроса, поддерживавшей Временное правительство и вместе с тем ведшей борьбу против немедленного разрешения вопроса о земле. С развитием крестьянского движения этот отход все больше и больше принимал широкие размеры, и перед Октябрьской революцией можно уже было наблюдать явление, что крестьянская партия оставалась без крестьян. Крестьянство ушло вперед, и эсеровской партии пришлось или очертя голову броситься на путь разгрома аграрного движения (Керенский и его группа), или плестись в хвосте событий, задним числом выдвигая проекты полурешения земельного вопроса до Учредительного собрания (С. Маслов). Соответственно такому положению в первые периоды и можно было наблюдать наличие разнообразных по степени революционности крестьянских организаций. Там, где эсеры безраздельно господствовали, там где они еще не потеряли своего влияния, там, где революционность крестьянства еще не пробилась через пышность эсеровских фраз, где господствовала революционность на словах, там крестьянские организации, советы крестьянских депутатов уездные и губернские, а также различные волостные организации вели соглашательскую политику. Соглашение с помещиками, поддержка органов Временного правительства, агитация крестьянства за «успокоение», посылка делегатов и уполномоченных в деревню для раз'яснения пагубности немедленных захватов и пропагандирование спокойного ожидания Учредительного собрания составляли постоянную заботу этих организаций. Там же, где эсеры уже начинали терять свое влияние или уже его потеряли, там, где росло и крепло движение левых эсеров,—а это явление с течением времени быстро охватывало страну,—там крестьянские организации становились революционными, там начиналось планомерное немедленное разрешение земельного вопроса, и санкционировалась борьба, а не соглашение с помещиками, санкционировалась немедленная ликвидация помещичьего землевладения. Количество крестьянских

советов, принимавших меры к немедленному разрешению земельного вопроса, с каждым месяцем увеличивалось, передвижка шла от соглашательских к революционным на деле и обратного почти не наблюдалось. Репрессии Временного правительства, аресты и отдание под суд членов волостных комитетов не могли ликвидировать крестьянского движения. Репрессии по отношению к крестьянским организациям, вызвав некоторую частичную остановку в развертывании движения в августе, уже в сентябре и октябре привели к обратному результату: усилению движения, привели к стихийным вспышкам разгромов, к началу крестьянской революции.

Мы указывали, что непосредственными органами крестьянского движения были всевозможные волостные комитеты, непосредственно соприкасавшиеся с крестьянством на волостных сходах, состоявшие в большинстве из крестьян, бывшие крестьянской властью на селе. Но оформление действий разрозненных комитетов, оформление их тактики, выработка общей программы происходили на уездных и губернских крестьянских с'ездах. Эти с'езды в виде совещаний членов волостных комитетов, в виде с'ездов советов крестьянских депутатов (уездных и губернских) играли несомненно крупную роль в об'единении разрозненности действий волостных комитетов, в выработке общей программы действий. Мы не имеем, к сожалению, массового материала в виде протоколов, постановлений советов крестьянских депутатов [1], но отдельные документы из различных мест могут иллюстрировать характер работы некоторых крестьянских с'ездов и советов крестьянских депутатов. Формулировка программы решения аграрного вопроса на всех крестьянских с'ездах была по существу однородной, и общий эсеровский трафарет резолюций лишь в некоторых местах пробивался настойчивыми предложениями о немедленном урегулировании земельных отношений.

Основными положениями разрешения земельного вопроса повсюду являлись: 1) отмена навсегда частной собственности на землю, 2) об'явление земли общенародным достоянием, 3) уравнительное трудовое пользование землей без выкупа, 4) окончательное решение земельного вопроса принадлежит Учредительному собранию. Большинство с'ездов осуждало захват земли, и только часть уездных и губернских с'ездов становилась на более решительную линию и принимала ряд мер к немедленному разрешению земельного вопроса.

Некоторые крестьянские с'езды еще в мае вынесли решение о немедленном разрешении аграрного вопроса. Эти решения имеют наибольший интерес, поскольку в них сказывались непосредственные крестьянские настроения, поскольку в них пробились сквозь цветистость эсеровских фраз неискаженные подлинные настроения крестьянства.

Чрезвычайно показательным для деятельности революционных крестьянских советов является «постановление совещания делегатов и уполномоченных волостей, сел и деревень Спасского у., Казанской губ., 29—30 мая 1917 года» [2].

Формулировка разрешения основного вопроса о земле такова:

> «§ 11. Постановлено: присоединиться к постановлению Всероссийского совета крестьянских депутатов в Петрограде и к постановлению Казанского губернского совета крестьянских депутатов в отношении

---

[1] См. статью т. Шестакова. **Ред.**
[2] АОР. Дела Вр. правит., опись IV. Д. № 32.

немедленного отобрания до созыва Учредительного собрания всех земель как у помещиков, так и крупных собственников и у других лиц и о передаче их в бесплатное пользование народу через земельные и волостные комитеты и комитеты общественной безопасности, которые и распределяют отобранные земли, леса и луга между населением».

Все другие пункты этого постановления прямо и непосредственно разрешают все волнующие крестьянство вопросы:

Об инвентаре:

«§ 3. Постановлено: немедленно произвести бесплатную реквизицию у помещиков: плугов, жаток, железа и других сельскохозяйственных машин и орудий, нужных для обработки земли».

О пользовании лесами.

«§ 28. Постановлено: леса помещиков передать в распоряжение волостных комитетов, которые они распределяют платно населению под контролем губернского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов».

О лугах.

«§ 30. Постановлено: передать все луга помещиков и других лиц в распоряжение волостных комитетов для распределения между населением за плату, которая вносится в казну».

О рабочих лошадях.

«§ 38. Постановлено: распродать немедленно всех рабочих лошадей у помещиков по реквизированным ценам последних лет в первую очередь семействам призванных на войну, потом беднейшим лицам. Деньги вносить в казну. В случае же острой необходимости отдать лошадь в рассрочку».

О реквизиции крупного рогатого скота.

«§ 18. Постановлено: в первую очередь реквизировать у помещиков весь рогатый скот, оставив им не более трех голов».

«§ 19. Постановлено: подтвердить постановление собрания 7 и 8 мая о замене племенного скота помещиков простым крестьянским» и, наконец, для того, чтобы вопрос о немедленном отобрании земли не откладывать до утверждения кем-либо, собрание параграфом 31 постановило: «Поручить председателю собрания Г. С. Гордееву разослать все наши постановления волостным комитетам общественной безопасности и помещикам и вменить им в обязанность от настоящего собрания принять меры к немедленному отобранию всех земель помещиков и крупных владельцев и передать их населению».

Приведенные выдержки из этого постановления не требуют никаких комментариев. Что подобные постановления в действительности немедленно и осуществлялись, несмотря на репрессии к руководителям этого с'езда, показывают донесения Временному правительству казанского губернского комиссара, сообщавшего, что эти постановления проводятся в жизнь, а также, что «пример крестьян Спасского уезда оказался, так сказать, заразительным,

в том же духе стали действовать и некоторые селения Лаишевского, частью Свияжского и других уездов» [1].

«24 июня совещание таких же уездных делегатов Спасского уезда вынесло вторичное постановление о неукоснительном выполнении плана, намеченного совещанием 29—30 мая, и во многих местах отдельные селения и группы крестьян этого уезда стали осуществлять это определение» (докл. каз. губ. к-ра) [2].

Повсеместное развитие аграрного движения в Казанской губернии, начиная с мая месяца, об'яснялось также и действиями губернского совета крестьянских депутатов, вынесшего «незакономерные» решения.

«Постановления общего собрания совета крестьянских депутатов от 13 мая, о котором сообщалось вам», телеграфировал Казанский союз земельных собственников Временному правительству, «приняты населением, как закон, и волостные комитеты спешат их выполнять, игнорируя распоряжения Временного правительства» [3].

14 июня губернский комиссар доносил:

«Аграрное движение проявляется с особенной силой в Спасском и Лаишевском уездах, слабее Чистопольском, Казанском и других. Причиной является состоявшееся 13 мая постановление крестьянских депутатов, определивших немедленную передачу земель крестьянам и комитетам».

«По всей губернии оповестил о недопущении проведения в жизнь постановлений крестьянских депутатов, как явно идущих вразрез указаниям правительства. Лично просил совет солдатских и рабочих депутатов командировать на места уполномоченных для раз'яснения, но посланные находят резкий отпор со стороны крестьян, желающих во что бы то ни стало провести в жизнь свои определения» (дон. казанского губ. к-ра от 14/VI) [4].

Решения о немедленном разрешении земельного вопроса до Учредительного собрания, помимо Казанского губернского совета, в первые периоды крестьянского движения вынесли Рязанский губернский крестьянский с'езд, Пензенский, 2-й Самарский, Могилевский, ряд мер к немедленному урегулированию земельных отношений выработали Тульский, Пермский, Вятский, 2-й Черниговский, Херсонский и другие губернские с'езды, а также множество уездных советов крестьянских депутатов. Для предоктябрьского периода характерно массовое, под давлением стихийного крестьянского движения, вынесение решений о немедленной передаче земель в распоряжение земельных комитетов.

Решения Казанского, Пензенского, Рязанского, Самарского и других с'ездов по земельному вопросу в основном сводятся к требованию о передаче земель в ведение земельных комитетов немедленно, до Учредительного собрания. Здесь, в отличие от решений остальных советов, не допускавших захватного способа разрешения земельного вопроса и вырабатывавших положения, которые должны были быть положены в основу Учредительным собранием, крестьянские с'езды требовали, не дожидаясь какой-либо санкции,

[1] АОР. Дело № 31, описи IV, дел Временного правительства.
[2] АОР. Дело № 31, описи IV, дел Временного правительства.
[3] Там же.
[4] Там же.

немедленного отобрания, конфискации помещичьих земель и передачи их в ведение волостных комитетов, предоставляли крестьянам немедленную возможность запахивать ее, отбирать инвентарь и пр. Это был организованный захват помещичьей земли и средств производства. Это первая группа крестьянских советов, влияние которых на крестьянское движение было максимальным. Вторая группа, на ряду с предоставлением права Учредительному собранию окончательного решения и выработкой общих положений разрешения земельного вопроса, вырабатывала целый ряд мер к немедленному урегулированию земельных отношений, не носивших характера немедленного организованного захвата и повсеместной конфискации помещичьих земель и инвентаря—частичное урегулирование арендных отношений, пользования лугами и лесами, инвентарем и пр. Оставляя пока земли у помещиков, все землепользование эти советы передавали под контроль земельных и волостных комитетов. Решения таких советов по своим результатам мало отличались от решений первой, наиболее последовательной группы крестьянских советов, ибо передача земель под контроль крестьянских организаций означала фактический переход земель в руки крестьян, которые отказывались платить аренду, внося ее комитету или совсем ничего не платя, запахивали часть земель и пр. И к третьей группе относятся те советы, которые, декларируя основные положения для разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, не предрешали вопроса о немедленном отобрании помещичьей земли или переходе ее под контроль земельных комитетов. Поддерживая Временное правительство, они вели организованную борьбу с немедленным захватом. Между этими тремя группами крестьянских советов существовал целый ряд переходных.

Особняком стоит постановление по аграрному вопросу Всероссийского совета крестьянских депутатов, принятое 25 мая и подавшее повод целому ряду советов истолковывать его по-своему. Пышность фразы, революционная фразеология в этом постановлении сочетались как с требованием перехода земель в ведение земельных комитетов, так и с призывом против явочных и захватных действий. С одной стороны, «все земли, а где по местным условиям необходимо искусственное орошение, то и воды, со всеми ирригационными сооружениями, без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, лесов, лугов и т. п.». Это сказано в разделе о пользовании землей до Учредительного собрания. Там же сказано о необходимости самых решительных мер «по реквизиции и по всестороннему использованию на общественных и кооперативных началах всех сельскохозяйственных машин и орудий». А с другой—своим постановлением о необходимости проведения в жизнь «запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания» совет констатировал, что земля сохраняется за помещиками, что до Учредительного собрания лишь запрещается переход земли из рук в руки. Этим сводилось на-нет решение о передаче земли в ведение земельных комитетов, которые ограничивались в своем праве эту землю передавать немедленно крестьянам. А затем констатирование, что «только при этих условиях осуществимо безболезненное подготовление и осуществление земельной реформы без явочных и захватных действий, способных затруднить и осложнить междоусобиями и неправомерными поступками дело реформы». Высказываясь против организованного захвата,

резолюция сводила на-нет свои пункты о передаче земель комитетам, реквизиции инвентаря и т. п. Боязнь «междоусобий» и «неправомерности» привела руководителей эсеровской партии к открытой борьбе с крестьянским движением, и это постановление Всероссийского крестьянского совета для той линии, которую эсеровские министры вели во Временном правительстве, являлось чрезвычайно «революционным». Двусмысленность резолюции ярче всего характеризуется тем, как ее поняли на местах.

Мы уже видели, что Спасское совещание постановило присоединиться к постановлению Всероссийского совета крестьянских депутатов «в отношении немедленного отобрания до созыва Учредительного собрания всех земель» и санкционировало немедленный организованный захват земель крестьянами через волостные комитеты. Могилевский губернский комиссар в докладе Временному правительству от 1 августа пишет [1]: «Аграрное движение началось здесь около половины апреля и, выражаясь вначале в потравах и лесопорубках, на первых порах носило характер отдельных, сравнительно немногочисленных эксцессов, почему борьба с ними при помощи местных демократических организаций, не представляла для комиссариата большого затруднения и велась довольно успешно. Так продолжалось дело до половины июня, когда картина резко изменилась: к этому времени возвратились в губернию участники состоявшегося в Петрограде Всероссийского с'езда крестьянских депутатов, удостоверившие, что разрешение земельного вопроса на местах самими крестьянами одобряется с'ездом и не идет в разрез с программой министерства земледелия. Соответствующие идеи, высказывавшиеся по этому поводу на губернском с'езде крестьянских депутатов, а затем повторенные на таких же уездных с'ездах, нашли благоприятную почву, и аграрное движение, приобретя с этих пор характер планомерного и организованного, быстро охватило всю губернию».

Подобное сообщает в своем докладе и симбирский губернский комиссар [2]:

«Далее захваты приняли решительный характер после резолюции Всероссийского крестьянского с'езда. Бороться против этого захватного движения было совершенно невозможно, так как все крестьянство, основываясь на словах делегатов-крестьян, знало, что резолюции Всероссийского крестьянского с'езда выработаны были при участии министра земледелия В. М. Чернова... Особенно ярко это сказалось на резолюции Симбирского уездного крестьянского с'езда, состоявшегося после Всероссийского, каковые резолюции... заявляли о правомерности захватов... Таким образом, в настоящее время большая часть земель частных владельцев, так или иначе, перешла в распоряжение крестьян»...

Из Керенского уезда, Пензенской губернии, в июне доносилось:

«Резолюция Всероссийского крестьянского с'езда, дополненная 31 мая резолюцией Керенского крестьянского совета и неправильно понятая на местах, порождает сельскохозяйственную разруху: скот и инвентарь описываются и отбираются, запрещается рубка леса, пасется скот на частновладельческих лугах и проч.» [3].

Казанский совет крестьянских депутатов 13 мая, т.-е. еще до решения Всероссийского с'езда, постановил: «Впредь до разрешения земельного вопроса

---

[1] АОР. Ф. Ш., оп. IV, Д. № 43.

[2] АОР. ф. Ш., оп. IV, Д. № 28. Доклад от конца июля.

[3] Дела Гл. упр. милиции. Сводки за июнь.

Учредительным собранием... совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга, помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские передать в распоряжение волостных комитетов... Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение волостных комитетов». Это постановление передает земли в полное распоряжение волостных комитетов, земля, следовательно, немедленно отбирается у помещиков и ею могут сейчас же пользоваться, по определению волостного комитета, крестьяне. «Губернский с'езд крестьянских депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение волостных комитетов, устанавливает отдачу ее всем желающим издольно» и т. д. Земля переходя в распоряжение волостных комитетов, не должна быть разделена между крестьянами и последние будут «пользоваться ею до решения Учредительного собрания» [1]. Это постановление, как видим, резко отличается от резолюции 25 мая Всероссийского крестьянского с'езда, по которой переход земли в ведение земельных комитетов вовсе не означал ее немедленной конфискации и передачи крестьянам для пользования до Учредительного собрания. Не полное и безоговорочное из'ятие земли, а лишь контроль над использованием ее; не передача земли крестьянам, а предоставление права земельным комитетам, «определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т. п.» в интересах «устранения продовольственного кризиса и успешной борьбы со всероссийской экономической разрухой». А между тем, Казанский совет, в ответ на телеграфную отмену министерством внутренних дел его постановлений, как противозаконных, отправил следующую телеграмму:

«Срочная три адреса: Всероссийскому совету крестьянских депутатов, министру земледелия Чернову, министерству внутренних дел — Петроград.

В ответ на телеграмму за НР 2305 МВД от Леонтьева Казанский губернский совет крестьянских депутатов, поддерживая всеми своими организованными силами и планомерной работой все начинания Временного правительства, идущие на пользу трудового народа, заявляет, что, первых: своим постановлением от 13 сего мая совет хочет предотвратить продовольственную разруху и повести организованно то, что вышло бы стихийно без его участия и создало бы анархию, которой сейчас нет и не будет в Казанской губернии, если опека уездных комиссаров не будет разбивать организованные выступления народа; вторых: во всех выступлениях против постановления совета от 13 мая сего года совет видит, что частные и групповые интересы еще не склонились перед волею народа и хотят смять волю народа путем нажима сверху. Третьих: постановление от 13 мая сего года не противоречит постановлениям Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и поэтому является голосом крестьянства всей России, который нельзя заглушить циркулярами из министерства. Четвертых: постановление от 13 мая сего года проведено в большей части губернии в жизнь и проводится в остальной и отменить его нельзя циркуляром. Пятых: постановление от 13 мая сего года совет, считая выражением воли народа, изменить не согласен и угрозы тюрьмой и карами за исполнение воли народа не остановят совет при проведении до конца воли народа. Казанский губернский совет крестьянских депутатов. Председатель Колегаев».

---

[1] АОР., ф. Ш, оп. IV, Д. № 31.

Таким образом, Всероссийский совет крестьянских депутатов, скатившийся в октябрьские дни в своей правоэсеровской части к прямой контрреволюции, несмотря на двусмысленность постановления по земельному вопросу на первом с'езде, сыграл во многих местах об'ективно революционную роль. Его туманное и велеречивое постановление с пышной эсеровской фразеологией, делавшей уступку революционно настроенному крестьянству в отношении некоторых ограничений в пользовании землей до Учредительного собрания, послужило поводом на многих местных с'ездах к вынесению совершенно недвусмысленных решений о немедленном отобрании земли у помещиков.

Упомянутые нами выше решения Рязанского, Самарского, Пензенского и других губернских с'ездов, а также многочисленные решения уездных советов о немедленном в той или иной мере разрешении земельного вопроса стимулировали развитие массовых организованных захватов.

Волостные комитеты в этих районах получали поддержку и организующее влияние уездных и городских организаций. В районах же, где господствовали соглашательские крестьянские организации, настроенные против всяких захватов и боровшиеся с немедленным разрешением земельного вопроса, развитие крестьянского движения шло помимо крестьянских советов. Так, симбирский губернский комиссар в своем донесении Временному правительству сообщал:

«Несмотря на постановление с'езда 548 крестьян всей губернии... не нарушать землепользования до Учредительного собрания... повсеместно Симбирской губернии, соседних уездах Самарской, постановлениями волостных сельских комитетов, первое: землевладельцы, даже наиболее лойяльные, и их управляющие устраняются, арестовываются, рабочие снимаются; второе: производится захват земли, устанавливаются произвольные аренды на частновладельческие земли с обязательством аренду вносить правительству. Старые арендные договоры нарушаются; третье: начинается опасное движение общественников против отрубщиков».

В Воронежской губернии, несмотря на вынесенное губернским крестьянским с'ездом решение о «недопустимости самовольных захватов», по сообщению губернского комиссара, «случаи различных правонарушений и незакономерных действий в Воронежской губернии с каждым днем учащаются, особенно на аграрной почве...» и, донося далее о широком размахе аграрного движения, он пишет: «все эти действия совершаются часто согласно постановлениям или с одобрения волостных комитетов... предотвратить захват, если не всей, то большей части земли частных владельцев едва ли окажется возможным» (донесение вор. губ. к-ра).

Аграрное движение в 1917 году получало особенно широкий размах в тех районах, где действовали революционные организации, которые стимулировали его развитие, и аграрное движение развивалось помимо крестьянских организаций, без них в районах, где господствовали соглашательские крестьянско-эсеровские советы. Только временно, на непродолжительный срок удавалось подобным крестьянским советам, волостным комитетам и пр. сдерживать развертывание движения. Больше того, линия крестьянских организаций за «успокоение», против самовольных действий, иногда встречала активное противодействие крестьян.

«Попытки некоторых волостных комитетов бороться с самовольными действиями крестьян почти всегда оканчиваются неудачей и ведут за собой

смену всего состава комитета» (из донесения 26 июля Нижегородского губернского комиссара).

Те же волостные и другие крестьянские организации, которые вели линию за немедленное разрешение земельного вопроса, пользовались безграничным доверием крестьянства.

«Крестьяне говорят, что, кроме волостного комитета, они никого не признают, и раз волостной комитет постановил, значит правильно, и нужно исполнять данное постановление, все же уездные и городские комитеты работают на руку землевладельцам» (донесение Саранскому уездному комиссару участкового начальника милиции 20 мая).

Мы неоднократно подчеркивали стихийность крестьянского движения перед октябрем. Этот период начала крестьянской революции означал переход крестьянского движения от организованного захвата к безудержному разгрому помещиков, к их полному уничтожению. Смена периода организованного захвата стихийным отодвинула все крестьянские организации на второй план. Под давлением массового, стихийного движения и ранее соглашательские советы во многих местах выносят резолюции с требованием передачи земель в распоряжение земельных комитетов, но было уже поздно. Крестьянская революция началась, крестьянское движение поднялось на новую ступень, и период организованного захвата остался позади.

III. ФОРМЫ АНТИПОМЕЩИЧЬЕГО КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Исследование многообразных форм, в которых проявлялось крестьянское движение в 1917 г., упирается в вопрос о классификации этих форм. Несомненно, что эта классификация должна базироваться на специфических проявлениях движения именно в данный момент, ибо ясно, что в тот или иной исторический период формы проявления крестьянского движения отличаются своеобразными условиями. Можно, конечно, найти одинаковые формы проявления движения как в 1917 году, так и в предшествующие периоды. Но в связи с изменением общественных отношений, в связи с изменением исторической ситуации формы движения в 1917 г. изменяются, изменяется частично и направление самого движения. Если проводить сравнение движения в 1905—06 году и движения в 1917 году, то мы с несомненностью должны будем констатировать, что как в формах антипомещичьего движения, так и в самом направлении движения должны были произойти изменения. Достаточно указать на капиталистическое развитие самого помещичьего землевладения. Совершенно очевидно, что в борьбу крестьянства с феодально-крепостническими отношениями это должно было вносить и вносило некоторые новые штрихи.

С другой стороны, классовое разложение крестьянства вызывает классовую борьбу внутри самого крестьянства, и эта классовая борьба на фоне общего под'ема крестьянского движения против помещиков, на фоне развертывающейся аграрной революции вносит новые своеобразные формы. Если вспомнить, что после революции 1905 года капиталистическое развитие деревни сделало значительный шаг вперед, то перед нами предпосылки для развертывания в 1917 году новых форм классовой борьбы против кулачества, против сельской буржуазии.

Особенно резко на возникновение новых по сравнению с 1905 годом форм должно было оказать искусственное насаждение капитализма столыпин-

ской реформой. В 1917 году, а равно и до этого года наблюдалась ожесточенная борьба крестьянства против этой реформы, борьба с отрубниками и хуторянами. И, наконец, в-третьих, одним из основных обстоятельств, вызывающих своеобразие в проявлениях крестьянского движения, играли политические условия, в которых развивалось крестьянское движение в 1917 г.: война, самый факт политической буржуазной революции, свержение царизма, а в силу этого впервые появившиеся в деревне условия для развертывания крестьянской общественности, крестьянских организаций. Империалистская война сыграла роль сильнейшего фактора в обострении классовых противоречий в городе и деревне и ускоряла неизбежность классовых столкновений.

В основном формы крестьянского аграрного движения можно классифицировать по двум направлениям: 1) формы, возникающие в процессе борьбы с наличием феодально-крепостнических, и 2) формы, возникающие в процессе борьбы крестьянства на базе внедрения капиталистических отношений. Несомненно, что главнейшей и основной причиной крестьянского движения в 1917 году и в предыдущий период было наличие остатков феодально-крепостнических отношений. Это было центральным содержанием крестьянского революционного движения. Но это движение причудливо переплеталось и перемешивалось с движением, которое было связано с внедрением капиталистических форм эксплоатации. И рассматривая анти-помещичье движение, как движение в основном противокрепостническое, мы наблюдаем наличие и таких форм, которые несомненно связаны с капиталистическим развитием помещичьего хозяйства. Рассматривая же движение против сельской буржуазии, мы должны квалифицировать его, как борьбу крестьянства на базе развития капиталистических отношений [1].

Таким образом, крестьянство выступало двойным фронтом: борьба с пережитками, остатками феодально-крепостнических отношений и борьба с внедряющимися капиталистическими отношениями. Исторически борьба за ликвидацию остатков крепостничества означала борьбу за капиталистическое развитие; борьба с капитализмом означала борьбу за сохранение мелкой буржуазии, как класса [2]. Если в первом случае все слои крестьянства могли выступить солидарно и сомкнутым фронтом, то во втором случае внутри этих союзников по борьбе с помещиками возникала своя классовая борьба, где союзником основной массы крестьянства выступал пролетариат и беднейшее крестьянство.

---

[1] Особый интерес представляют формы борьбы крестьян между собою, когда одно село или одна волость выступает против другого села, другой волости. Подобные столкновения между обществами, поводом для которых служил тот же земельный вопрос и ряд других вопросов, интересны не с точки зрения классовой борьбы, а с точки зрения характеристики самого крестьянства, как докапиталистической формации, хотя несомненно, что общей причиной подобных межселенных столкновений явились и являются пережитки крепостничества в крестьянском землепользовании.

[2] Всеобщая нивелировка, появления крестьянских хозяйств после Октябрьской революции есть шаг по пути утверждения позиций мелкой буржуазии. Это следствие противокрепостнической революции являлось также следствием уничтожения капиталистического сельского хозяйства. Уничтожение форм капиталистического хозяйства мелко-буржуазным крестьянством было революционным фактом в исторической ситуации после 1917 года, ибо усиливало предпосылки (благодаря наличию диктатуры пролетариата) для некапиталистического развития крестьянства по пути к социализму.

До Октябрьской революции это последнее направление крестьянского движения еще не получило широкого распространения, имея лишь зачаточную форму, хотя в некоторых местах оно перерастало в довольно массовое движение.

Рассматривая конкретные формы антипомещичьего движения, практически трудно расчленить для статистического учета формы, связанные с борьбой против пережитков крепостничества, и с борьбой, основанной на капиталистическом базисе.

На основе изучения архивных материалов, мы можем наметить следующие типичные формы борьбы с помещиками до Октября.

I. Захваты средств производства:

1) Захваты, запашки, переделы пахотной земли, 2) захваты, потравы лугов и покосов, 3) захваты и порубки леса, 4) захват рабочего и продуктивного скота, 5) захваты машин и орудий, 6) прочие захваты, конфискации и реквизиции прочих средств производства (семена, фураж и т. п.), 7) захваты различных подсобных предприятий.

II. Движение на почве арендных отношений:

1) Снижение арендных плат и установление арендных цен.
2) Взятие помещичьей земли в принудительную аренду.
3) Полный отказ от уплаты аренды и этим самым захват помещичьей земли.

III. Движение на почве применения наемного труда в помещичьих хозяйствах:

1) Регулирование заработных плат наемным рабочим, носящих действенный характер: увеличение цен на рабочие руки в целях повышения материального уровня сельскохозяйственных рабочих, связанные с этим *стачки и забастовки* рабочих; увеличение цен на рабочие руки со стороны крестьян в целях вынудить помещика к ликвидации имения; 2) снятие с работ рабочих и служащих в экономиях; 3) бойкот помещичьих имений в отношении предоставления им рабочей силы и т. п.

IV. Конфискация предметов личного потребления установления налогов и сборов с помещиков и пр.

V. Крестьянский террор:

1) Поджоги помещичьих имений, 2) аресты, убийства, избиения помещиков и их управляющих; 3) обыски и выселения помещиков, 4) угрозы по отношению к помещикам и демонстрации своего отношения к помещикам и т. д.

VI. Вооруженная борьба с помещиками, разгромы имений и полная ликвидация помещичьего землевладения.

К этим основным формам можно свести все многообразие проявлений крестьянского антипомещичьего движения в 1917 году. В различных районах, в различные периоды наблюдалось наличие и различных форм движения, все время причудливо переплетавшихся и имевших разнообразнейшие детали и в каждом отдельном случае отличавшихся некоторыми специфическими чертами.

Попытаемся кратко остановиться на количественной и качественной характеристике основных типичных форм, рассматривая их по районам и в динамике по месяцам от февраля к октябрю.

Соотношение между собой основных форм по отдельным месяцам и кривая развития каждой формы характеризуются следующими таблицами:

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Итого
Разгромы имений	24,5	5,3	3,7	2,2	3,0	5,8	15,1	26,7	9,8
Крестьянский террор	22,4	12,0	9,4	9,3	6,5	10,7	12,5	7,4	9,4
Захваты, запашки пах. земли . .	6,1	13,0	11,5	10,6	10,0	13,0	10,4	10,6	11,0
Захв. потр. лугов, покосов . . .	—	2,3	8,5	15,5	21,6	14,8	5,4	3,7	10,9
Захваты порубки леса	18,4	13,0	15,3	13,4	9,0	12,4	27,7	34,1	18,6
Арендные столкновения , ...	2,0	4,8	5,8	5,8	5,6	5,1	3,7	0,9	4,4
Забастовки, стачки с.-хоз. рабоч.	4,1	16,5	14,3	13,0	9,5	7,4	3,6	2,0	8,8
Снятие рабочих и служ. с работы	4,1	14,5	12,6	10,4	8,1	5,4	2,9	1,8	7,3
Захв. и реквиз. продов. фуража, снятие урожаев	—	5,0	6,8	7,5	12,7	14,7	11,3	7,8	9,4
Захваты жив. и мертв. инвентаря	—	6,8	6,3	8,6	9,7	6,6	3,4	2,4	6,2
Захваты подсобных предприят. .	—	—	0,3	0,6	1,0	1,3	1,1	1,1	0,8
Прочие случаи	18,4	6,8	5,5	3,1	3,3	2,8	2,9	1,5	3,4
Итого . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Март месяц характерен преобладанием разгромов, крестьянского террора и борьбой за лес. Апрель—основные формы имеет: движение на почве применения наемного труда, захваты пашни и леса, крестьянский террор. Май — захваты леса и пашни, движение на почве применения помещиками наемного труда, крестьянский террор. Июнь—захваты лугов, леса, пашни, движение, связанное с применением наемного труда, крестьянский террор. Июль — захваты лугов, захваты урожаев, продовольствия и фуража, захваты пашни, захваты инвентаря и движение, связанное с наймом. Август—захваты и реквизиции урожаев, запасов продовольствия и фуража, захваты лугов и покосов, захваты земли и леса. Крестьянский террор. Сентябрь характерен разгромами и крестьянским террором, в близко стоящей к разгромам форме, борьбой за лес и захватами пашни. Октябрь—разгром и крестьянский террор, увеличение и преобладание

лесного движения, приобретающего огромное массовое распространение и захватами и разделами пахотной земли.

	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Итого
Разгромы имений	2,3	4,0	4,8	4,2	5,2	6,7	20,3	52,5	100
Крестьянский террор	2,2	9,6	12,6	18,1	11,8	13,0	17,5	15,2	100
Захв. пашни пах. земли	0,5	8,8	13,1	17,7	15,6	13,4	12,4	18,5	100
Захват потр. лугов, покос	—	1,5	9,8	26,2	34,2	15,3	6,5	6,5	100
Захв. порубки леса	0,9	5,2	10,3	13,2	8,2	7,5	19,5	35,2	100
Арендн. столкновения	0,4	8,2	16,7	24,5	21,9	13,3	11,1	3,9	100
Забастовки, стачки с.-х. рабочих	0,4	14,1	20,5	27,3	18,5	9,6	5,3	4,3	100
Снятие рабоч. и служ. с работы	0,5	14,8	21,7	26,0	18,9	8,4	5,1	4,6	100
Захв. и реквиз. продов. фуража, снятие урожаев	—	4,0	9,1	14,7	23,0	17,6	15,7	15,9	100
Захват жив. и мертв. инвентаря	—	8,1	12,7	25,4	26,9	12,1	7,3	7,5	100
Захват подсобн. предприят.	—	—	4,5	13,6	20,5	18,2	18,2	25,0	100
Прочие случаи	4,9	14,6	20,0	16,2	16,2	9,2	10,8	8,1	100
Итого	0,9	7,5	12,6	18,3	17,0	11,4	13,2	19,1	100

Если взять формы движения за все время между Февральской и Октябрьской революциями, то они имеют следующие главнейшие формы: разгромы и крестьянский террор, борьба за лес, захваты земли и сенокосов, движение, связанное с применением наемного труда, захваты, реквизиции и конфискации запасов продовольствия, фуража, урожаев и т. д. Значительную роль играли и захваты скота, машин и орудий.

Анализируя формы движения по месяцам, мы можем установить две главнейшие тенденции в развитии разных форм. Одна тенденция несомненно носит, так сказать, «сезонный» характер: наибольшее распространение захватов лугов и покосов падает на летние месяцы—период, когда луга созревают, когда крестьяне приступают к заготовке кормов и когда у них наблюдается наибольший недостаток в кормах для скота, а свои выгоны, пастбища не покрывали всех потребностей. Среди этой формы, как в этот период, так и в другие месяцы большое количество случаев падает на потравы помещичьих сенокосов. Затем усиление захватов леса к осени, периоду холодов и необходимости заготовки дров на зиму. Преобладание движения на почве применения наемного труда в весенние и летние месяцы также связано с се-

зонностью, ибо в этот период обработки полей и уборки урожая применение помещиками наемного труда возрастает. Тот же сезонный характер носят и захваты скота и мертвого инвентаря. Август характерен преобладанием захвата урожая, продовольствия и фуража, что стоит в связи с уборкой в это время урожаев. И на всем протяжении высоко стоят захват и раздел пахотной земли, как выражение непосредственного овладевания помещичьей землей. Это одна сторона движения.

Другая черта аграрного движения в 1917 году—это зависимость самого развития движения и форм его проявления от политических условий. Бурный скачок движения в июне, развертывание движения в период роста крестьянских организаций и бессилия Временного правительства в борьбе с движением. Падение случаев крестьянских выступлений в июле и августе, как результат усиления репрессий по отношению к революционному движению. Борьба буржуазного правительства, осуществлявшаяся руками министров соглашательских партий, дает снижение и убыль аграрного движения. Но уже в сентябре крестьянское движение пошло снова, несмотря на борьбу правительства, на под'ем, но выражается теперь оно уже в иных формах. Если в предыдущие месяцы выступления крестьянства носили довольно мирный характер захватов земли, лугов и пр. и угроз по адресу помещиков, то теперь крестьянство пошло на помещика войной, подвергая огню и уничтожению помещичьи имения. Сентябрь и октябрь характерны началом разгромов помещиков, началом крестьянской революции, началом полной ликвидации помещичьего землевладения, нашедшим свое завершение после Октябрьской революции.

Таков общий характер динамики форм крестьянского движения. Рассмотрим распространенность форм движения по отдельным районам б. Европейской России.

Характеристика различных форм по районам должна бы показать, какому району свойственна та или иная форма. Исследуя этот вопрос, мы несомненно должны найти существенные различия. Мы уже констатировали, что формы движения стоят в связи с наличием феодально-крепостнических и наличием внедряющихся и развивающихся капиталистических отношений. Неодинаковая степень капитализации помещичьего хозяйства в различных районах должна была бы создать и неодинаковую распространенность по районам различных форм.

Возьмем данные о процентах случаев по каждой форме от общего итога всех случаев формы, падающих на тот или иной район (см. табл. на стр. 204).

Здесь мы видим, что почти все формы наибольшее число случаев имеют в районах Центрально-земледельческом, Средневолжском и Белорусском. Именно в этих районах и сосредоточивались центры аграрного движения в 1917 году. Если вспомним, что как раз эти районы отличались максимальным наличием помещичьих латифундий, как раз в этих районах наиболее живучи были пережитки крепостничества, то нам с совершенной определенностью будет ясно, что борьба крестьянства в рассматриваемый период была в основном борьбой крестьянства с остатками феодально-крепостнических отношений. Но вместе с этим здесь мы наблюдаем и значительную долю случаев крестьянского движения и в таких районах, как районы Украины: юго-западный, б. «малороссийский», а по отдельным формам выдвигаются и другие районы. Рассматривая вышеприводимую таблицу, мы должны констатировать, что и районы с более развитым капиталистическим хозяйством отличались значи-

% соотношение в формах движения по районам

	Разгромы имений	Крестьянский террор	Захваты и запашки земли	Захваты лугов и покосов	Захваты, порубки леса и лесоматериалов	Арендные столкновения	Движение, связанное с наймом рабочих и служащих: Забастовки, стачки с.-х. рабочих	Движение, связанное с наймом рабочих и служащих: Снятие рабоч. и служ. с работ	Захваты и реквизиции запас. прод. фур. и пр.	Захваты живого и мертвого инвентаря	Итого всех форм
Бывш. Центрально-землед.	50,3	38,9	26,6	20,0	24,5	33,0	27,3	37,3	25,8	32,0	30,2
„ Средне-волжск.	20,3	20,0	22,0	13,4	17,9	18,4	7,8	17,9	23,9	33,0	20,1
„ Нижне-волжск.	1,9	2,9	5,6	6,2	2,5	2,1	5 2	3,2	1,9	3,9	4,5
„ Новороссийские	7,5	5,8	8,3	6,4	1,8	15,0	6,5	3,8	6,4	5,8	7,1
„ Юго-западные	7,5	7,4	9,0	5,5	12,0	1,7	18,1	7,2	7,0	1,8	7,4
„ Малороссийские	1,9	4,8	6,6	5,0	3,5	7,3	16,9	9,5	8,3	5,1	4,7
„ Центр.-промышленные	1,9	6,0	3,0	7,0	4,5	3,0	1,3	4,6	4,8	2,1	4,8
„ Белорусские	2,6	7,4	13,7	24,0	26,6	13,0	5,2	13,5	14,6	9,0	13,2
„ Приозерные	2,1	3,4	3,4	10,7	4,7	5,2	—	2,8	4,1	1,8	4,4
„ Прибалтийские	3,4	2,8	1,0	1,5	0,4	1,3	11,7	—	2,9	5,5	2,2
„ Приуральские	0,6	0,6	0,6	0,3	1,2	—	—	—	—	—	1,2
„ Северные	—	—	0,2	—	0,4	—	—	0,2	0,3	—	0,2
Итого по Европейской России	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

тельным распространением главнейших форм движения, свойственных остальным районам аграрного движения. Так, по разгромам, главнейшей форме борьбы крестьянства с помещиками в Центрально-земледельческом и Средневолжском районах, на третьем месте стоят губернии юго-западные, затем новороссийские (главным образом Бессарабская губерния). Свыше 3 процентов разгромов падает на Прибалтийские губернии с максимальным развитием именно капиталистических отношений. Это показывает, что капиталистическое развитие помещичьего хозяйства в этих районах не являлось тем фактором, который сглаживал классовые антагонизмы между помещиками и крестьянами, как не являлось оно таким фактором и в других районах. Тем не менее, в этих районах мы с несомненностью должны были бы наблюдать развитие иных форм борьбы. И действительно, такая форма борьбы, как стачки сельскохозяйственных рабочих, в этих районах имеет больший процент, чем по остальным. В то время, как Юго-западные, «Малороссийские», Прибалтийские губернии по остальным формам стоят на четвертом и ниже месте, по стачкам и забастовкам батраков они передвигаются на второе и третье место, имея 53,2% всех случаев стачек, зарегистрированных по всей территории за 8 месяцев (Юго-западные—18,1, «Малороссийские»—16,9, Прибалтийские—11,7, Новороссийские—6,5). Это при гораздо меньшем числе губерний и при значительно меньшей территории, приходящейся на эти районы. Все губернии наибольшего распространения аграрного движения вместе имеют 40,3% от общего числа стачек (Центрально-земледельческие—27,3, Средневолжские—7,8 и Белорусские—5,2). По всем остальным формам движения эти губернии максимального развития аграрного движения имеют подавляющее число случаев. Суммируя проценты случаев, приходящихся на эти 2 остальные группы губерний, получаем:

	Разгромы	Террор	Захват земли	Захват лугов	Захват леса	Арендные столкновен.	Стачки	Снятие с работ	Захват запасов	Захват инвентаря	Всего
Центрально-землед., Средне-волжск. и Белорусские губ. . .	73,2	66,3	62,3	67,7	69,0	64,4	40,2	68,7	64,3	64,0	63,5
Юго-западн., „Малороссийские“, Новороссийские и Прибалтийские	20,3	20,8	24,9	18,4	17,7	25,3	53,2	20,5	24,6	18,2	21,4

Эти данные наглядно показывают, что только по одной форме районы наибольшего аграрного движения имеют меньше половины всех случаев. Это— стачки рабочих; по всем остальным формам они имеют почти один и тот же процент, близкий к проценту всех случаев от всего итога, падающего на эти районы. Разгромы же имеют максимальный процент (почти три четверти). Вообще разгромы в большинстве наблюдались только в рассматриваемых двух группах губерний; по остальным губерниям Центрально-промышленного района, Приуральского, Приозерского, Северного, Нижневолжского разгромы до Октябрьской революции были более редки (6,5% от всего числа разгромов, а по всем формам 15,1% от всего числа случаев).

М. И. КУБАНИН

ПЕРВЫЙ ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ В 1918 ГОДУ

МОСКВА 1928

ВВЕДЕНИЕ

Аграрная революция произвела освобождение сельского хозяйства от крепостнических и полукрепостнических пут, задерживающих его развитие. Эти путы заключались: а) в монопольном владении помещиком значительной части земли; б) в обработке помещичьих полей путем сдачи ее в аренду, за отработки или исполу; в) в сословно-крепостнической форме землепользования крестьянства (община).

Таким образом, в корне социальных отношений между помещиком и крестьянством лежали их отношения к основному средству производства сельского хозяйства—земле.

Земля выступала, как фактор крепостнических отношений между помещиком и крестьянством. Относительно земли, сдаваемой крестьянству помещиком в аренду, сомнений быть не может. Экономическая необходимость с'емки земли у помещика диктовалась итогами, к которым привели внеэкономические методы экспроприации крестьянства, происходившие при реформе 1861 г. Что же касается земель других категорий хозяйств, как например, капиталистических, то, во-первых, их число было сравнительно невелико; во-вторых, обработка помещичьих полей, даже в капиталистических хозяйствах, велась не на нормальных капиталистических основах, а на полукрепостнических. В центральной и северной России, которой главным образом посвящена настоящая работа, крестьянин обрабатывал помещичьи поля за уступленную ему землю в аренду или за пользование выгоном и т. д.

Таким образом, по форме эксплоатации помещичьи имения носили полукрепостнический характер. Но форма владения землей помещичьих хозяйств носила характер свойственный капиталистическому обществу. Помещик мог дробить свою землю, продавать ее любыми кусками в любом количестве, мог заводить капиталистическое хозяйство, так как его земля была освобождена от всяких запрещений и ограничений, свойственных докапиталистическому помещичьему землевладению (сервитуты и майоратного характера запрещения). Майораты сохранились в Прибалтике, но и их стремился уничтожить стоящий у власти крупный русский помещик законом от 21 октября 1906 года, разрешавшим владельцам майоратных, заповедных и ленных участков отчуждать крестьянам участки из состава принадлежавших им имений.

Что же касается земель крестьянства, то разные категории земель выступали как представители различных социальных формаций. Надельное землевладение являлось категорией докапиталистической общественной формации, оно было исключено из товарного обращения. Принудительные регулярные подушные переделы земли приводили к тому, что концентрация земли

в руках сельской буржуазии, благодаря прикреплению крестьянства к земле, шла не обычным путем, свойственным капиталистическому обществу,—путем скупки земли, а наиболее болезненным для эксплоатируемых элементов путем. Проникновение капитализма в сельское хозяйство, диференцируя крестьянство, однако, слабо нарушало сословные докапиталистические формы крестьянского надельного землевладения.

В эпоху крепостного хозяйства господствующий класс использовал общинную форму организации крестьянства для эксплоатации крестьянства. Помещик смог бы отказаться от использования общины при эксплоатации крестьянства, лишь окончательно экспроприировав базу этой организации, землю, в свою собственность и введя капиталистическое хозяйство. Но тогда капиталист перестает пользоваться методами внеэкономического принуждения, а становится капиталистическим предпринимателем.

Русский помещик, проводивший «прусский» путь развития капитализма, не мог желать уничтожения этого реакционного наследия крепостнических времен, как не мог он желать уничтожения своего почти монопольного положения владельца земли. «... и то и другое землевладение (помещичье и крестьянское надельное. *М. К.*) теперь в данном своем виде,—писал Ленин в 1907 году,—приноровлено к отработкам, к наследию барщины, к кабале, а не к свободному, капиталистически развивающемуся хозяйству» [1]. Другая категория крестьянских земель—купчая, была явно выраженным об'ектом капиталистического землевладения или же являлась предпосылкой к созданию фермерского капиталистического хозяйства. «Капиталистическая эволюция на средневековых надельных землях крестьянства шла в пореформенной России таким образом, что прогрессивные хозяйственные элементы освобождались от определяющего влияния надела» [2]: полупролетариат путем сдачи земли в аренду, а сельская буржуазия арендой и покупкой земли.

Право закрепления надельной земли в частную собственность отдельных хозяев, предоставленное столыпинской реформой, расширяло сферу землевладения, на которое распространялись законы товарного обращения за счет части надельных земель, однако, не разрешало проблемы быстрого и безболезненного для всего народного хозяйства развития производительных сил, поскольку «эта «чистка» феодального хлама в области аграрных отношений вообще, и старого землевладения, в первую голову, должны коснуться, главным образом, земель помещичьих и надельных крестьянских...» [3].

Экспроприируя помещичью землю, крестьянство совершало антикрепостническую революцию. Но одновременно экспроприировалась и купчая земля сельской буржуазии и тем самым революция приобретала характер антикапиталистический. Что же являлось основным? Как переплетались эти две струи в революции? Это важный вопрос, который следует разрешить при исследовании русской аграрной революции. Следующий вопрос, который необходимо разрешить, вопрос о революции форм землепользования, вытекавшей неизбежно из революции форм землевладения.

Форма землевладения соответствовала формам организации землепользования. В большей части России господствовала община, являвшаяся классической формой организации крестьянства во всех отраслях хозяйства и

[1] Аграрная программа с/д-тии в русской революции 1905—1907 гг., т. IX стр. 491.
[2] Ленин, т. IX, стр. 493.
[3] То же, стр. 491.

управления в эпоху крепостного хозяйства. Из всех областей крестьянского хозяйства и права община сохранила свою живучесть ко времени революции, исключительно, в области крестьянского землепользования. Община могла быть уничтожена только после уничтожения сословного характера крестьянского землевладения, выражавшегося в существовании наделов.

Этот вопрос поставил и заострил в своей «Аграрной программе» В. И. Ленин. «Пресловутый вопрос об общине»,—цитирует В. И. Ленин отчет Г. Громана о с'езде Всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г.,—«этот краеугольный камень старого и нового народничества, совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц, товариществ...» «Итак,—добавляет Ленин, крестьяне ясно и решительно высказались против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц... А община есть союз по владению надельной землей» [1].

Аграрная революция развивалась сложными и кружными путями. Она проходила ряд промежуточных этапов, прежде чем нашла свое окончательное выражение. В нашу задачу входит изучение первого ее этапа, во время которого произошел захват и распределение всех помещичьих средств производства, происшедшего между октябрем 1917 и июнем—августом 1918 года.

В этот период деревня переживала первый этап аграрной революции, направленной против помещика, т.-е. против остатков крепостничества. В захвате средств производства, принадлежащих помещикам, участвовала в с я деревня без различия социальных слоев. Уклонение от участия в разгроме когоњлибо из односельчан каралось даже иногда смертью ослушника воли общества. Участием всего общества в захвате помещичьего имущества, крестьянское общество, по его мнению, страховалось от возможного наказания в случае реставрации помещичьего строя. Страховалось оно, по его мнению, и тем, что начисто сметало помещичьи имения, чтобы помещики даже не смогли в случае реставрации найти себе какое-либо хоть плохонькое убежище там, где раньше у него были его дворцы. Вполне понятно, что не страх подхлестывал активную ликвидацию помещичьего имения, а иные, более глубокие социального порядка причины...

Хотя центральная власть издавала законы, регулирующие распределение земли и живого и мертвого инвентаря, но на местах, на губернских с'ездах советов крестьянских депутатов, где конкретно решался этот вопрос, вносились какие-либо изменения. На уездных—к этим изменениям добавлялись новые и т. д. И иногда тот или другой вопрос на волостных или районных с'ездах решался часто в духе, противоречащем основному закону. А распределение бывших помещичьих средств производства регулировалось, именно крестьянскими решениями, вынесенными на волостных и в лучшем случае, уездных с'ездах. Это приводило к тому, что иногда в 2 соседних губерниях методы передела помещичьих средств производства, в частности земли, резко отличались друг от друга.

Но это различие стояло в непосредственной зависимости от степени развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве каждого отдельного района, от удельного веса сельской буржуазии или других социальных слоев в том или другом районе. Поэтому анализ этого периода аграрной революции лучше всего может помочь уяснить себе истинный характер

[1] Л е н и н, т. IX, стр. 499.

устремлений крестьянства, как класса, в борьбе с помещиком и отдельных социальных слоев крестьянства, в борьбе между собой, в районах различной степени развития капитализма в сельском хозяйстве и сохранения остатков крепостничества.

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Земля в большинстве случаев переделялась в первую половину 1918 г. вплоть до августа. Вначале крестьянство делило землю под яровой посев, затем озимые посевы и луга и, наконец, землю под пар. В виду того, что данных в виде точной сводки о времени производства первого передела нет, мы воспользовались результатами анкетного обследования современных земельных отношений, произведенных в 1927 году Секцией Права и Государства Коммунистической Академии. В числе прочих вопросов там имеется несколько вопросов относительно первого передела земли после Октябрьской революции. Из (111 ответов, описывающих земельные отношения в своей деревне или районе по РСФСР, УССР и БССР), дали следующий ответ.

Когда был произведен первый передел земли после Октября.

	Абсол. вел.	В %%
В 1917 году	4	3,6
„ 1918 „	55	50
„ 1919 „	14	12,7
„ 1920—22 году	8	7,2
„ 1922—26 „	16	14,5
Итого произв. . .	97	88,0
Не произведено до сих пор . .	13	12,0
Нет ответа	1	0,0
	110	100

Больше половины всех случаев раздела за все истекшее десятилетие указывают, что передел впервые произведен в 1918 году.

При переделе по точному смыслу закона на местах должна была быть выработана потребительно-трудовая норма. Трудовая норма означала то количество земли, которое могло обработать одно хозяйство, стоящее на среднетехническом уровне развития производительных сил; потребительная—тот минимум земельного обеспечения, доход с которого мог обеспечить крестьянскую семью, которому оно выдается. Понятно, что ни та, ни другая норма не выдерживали критики, сочетание ряда факторов крестьянского хозяйства (количество рабочих сил в семье, количество живого и мертвого инвентаря и характер посева и т. д.) создавало разные трудовые и потребительные нормы земли.

Крестьянство вместо сложных и длинных исчислений радикально и просто решало вопрос о норме. Оно делило всю землю на количество едоков поровну. Такова была голая схема передела. Однако, проведение в жизнь этой схемы знаменовалось сложной и длительной борьбой в начале волостей между собой, а затем отдельных классов. Борьба за проведение в жизнь этого, казалось бы, простого принципа, однако, обнаруживала социальный характер нашей аграрной революции.

Остановимся вначале на методах раздела помещичьих земель.

«НАШ БАРИН—НАШЕ ВСЕ»

«Наш барин—наше все».—Так можно сформулировать отношение крестьян к помещичьему имению, находящемуся в волости. «Волостям принадлежит вся земля крестьянская, надельная, экономическая внутри волости», такое решение выносит 4-й Ряжский с'езд. В Суражском уезде, даже советский земельный орган, испытывавший непосредственное давление крестьянства, издает инструкцию, в которой говорится, что «в случае, если к распределяемой земле приближены несколько деревень или сел, то в первую очередь наделяются те, которые связаны с распределяемой землей в прошлом, т.-е.: а) это селение брало распределяемую землю в аренду, б) обрабатывало испольно, т.-е. с части, в) это селение ходило обрабатывать распределяемую землю поденно или часть населения служили в прошлом в экономии в качестве месячных работников» [1]. О причинах такого отношения к земле «своего» помещика можно узнать из доклада земотдела Чебоксарского уездного совета, который пишет: «Земля бывших помещиков распределена между малоземельными гражданами тех волостей, в которых находятся бывшие помещичьи экономии, по волостной норме, павшей на каждого едока. Распределена земля между вышеуказанными волостями потому, что ранее граждане жили в угнетении от помещиков. Им приходилось тесниться на ничтожных клочках земли. Каждый гражданин в то время не мог прокормиться на своем клочке земли, то следовательно, ему поневоле приходилось итти в рабы к тому же помещику и работать на собственной земле ему, извергу и кровопийцу помещику» [2].

То, что рядом другая волость могла тоже тесниться на ничтожном клочке земли не смущало, крестьяне считали справедливым брать в свою волость ту землю, на которой они работали на помещика, устанавливая свою волостную норму, хотя бы даже рядом в волости, где не было помещичьей экономии, норма была бы значительно ниже. На этот счет совершенно недвусмысленно говорится, например, в постановлении представителей земельных отделов селений Шустовской волости Льговского уезда, Курской губернии: «Сначала наделить землей свои селения согласно уездной норме, а потом уже излишки передать тем селениям, у которых не хватает земли» [3].

Если можно было, то крестьяне скрывали о наличии у них помещичьей земли от соседней волости. В ответ на запрос Аткарского уездного земельного комиссариата у волостей (в середине 1918 г.) об имеющихся у них частновладельческих имений волземотделы часто отвечали, что таковых в волости нет [4]. Крестьянство хотело вытравить помещичье имение даже из списков и сохранить за собой и за своей волостью всю землю.

Эти «локальные» настроения имели место еще в дооктябрьский период, как об этом писали сами же с.-р. «Крестьянство очень охотно слушает речи о переходе всей земли к народу,—пишет корреспондент с-ровской га-

---

[1] Из временной № 1 инструкции для временного распределения земельного фонда на посев 1918 г. для распределительной земельной Комиссии. Дело № 156, л. 6. ВСЮДУ УКАЗЫВАЯ № ДЕЛА, МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ АРХИВ МЕЖЕВОЙ ЧАСТИ НАРКОМЗЕМА РСФСР.

[2] Дело № 117, л. 4, Чебоксарского уезда, Пензенской губ.

[3] Дело № 198, л. 103, Льговского уезда, Курской губ.

[4] Дело № 56, л. 62, Аткарского уезда, Саратовской губ.

зеты «Дело Деревни».—Оно соглашается с тем, что земля ничья—божья, что она должна принадлежать только тому, кто обрабатывает ее. Пожалуй, они согласны и с тем, что решение земельного вопроса принадлежит Учредительному собранию, но наряду с этим заметно проскальзывает и та мысль, что только та земля, которую то или другое село запашет и засеет в этом году, останется за ними. Отсюда, когда дело касается распределения в этом году в аренду земли, крестьяне начинают припоминать кому из помещиков они «принадлежали», при этом считая, что земля этих помещиков, если она и перепродана в другие руки и арендуется крестьянами же, но другого общества, все-таки должна отойти к ним.

Поэтому они выносят решения об отобрании такой земли у крестьян другого общества и передаче им в аренду пока, а потом и навсегда.

В таких случаях они совершенно не хотят считаться с тем, что у другого общества земли может оказаться очень мало, а соседей-помещиков, от которых земля могла бы перейти к ним, совсем нет. То же самое, если крестьяне одной волости снимают землю у владельца из другой волости: крестьяне, соседи этого владельца, заявляют об отобрании у них земли только потому, что они другой волости.

Крестьянство не хочет считаться с тем, что раз вся земля будет об'явлена народной, то надо забыть, какому помещику кто «принадлежал», какой волости тот или другой владелец или крестьянское общество [1])...

Буржуазно-демократический этап революции был одет в костюм докапиталистических «прав» не только мелким товаропроизводителем деревни, но и города. Так, например, мещанское общество г. Козмодемьянска, Казанской губ. потребовало возвращения ему земель, перешедших за десятки, а может и за сотню лет до революции к городу. Мещанское общество ссылалось одновременно на принцип «земля трудящимся»—«земля ничья»—«земля достояние народа» и на то, что спорные земли закреплены за мещанским обществом «царями и великими князьями Петром Алексеевичем и Иоанном Алексеевичем» [2].

Благодаря такому отношению к земле «своего» помещика между волостями, возникали крупные споры из-за земли. Приведем несколько типичных примеров, рисующих сущность их.

Так, например, крестьяне села Юрьевка Льговского уезда пользовались 200 лет землей, находившейся в соседнем Дмитриевском уезде. Эту землю в количестве 120 дес. крестьяне соседнего уезда забрали у Юрьевки, так как она находилась в их уезде, хотя закон стоял на стороне тех, кто давно обрабатывал эту землю [3]. Точно также крестьяне Новоприборной волости Веневского уезда Тульской губернии забрали землю, всегда обрабатывавшуюся крестьянами Горностаевской вол., Михайловского у., Рязанской губ. [4].

При распределении земли между волостями каждая деревня стремилась захватить больший кусок земли. Самым элементарным средством для этого являлось увеличение на бумаге количества душ, имеющих права на наделение землей.

«Сплошь и рядом при учете земли население или отказывалось от сообщения необходимых сведений или составляло заведомо неправильные све-

---

[1] „Дело Деревни“ № 28—27/X—1917 г.
[2] Дело № 66, л. 4, Казанской губ.
[3] Дело № 198, л. 45, Льговского уезда.
[4] Дело № 282, л. 73, Рязанской губ.

дения, уменьшая количество земли и увеличивая количество душ [1]. Приведем один случай, вполне рисующий картину подобных споров. Между 2 соседними селениями Нижнеломовского уезда, Пензенской губ., возник следующий спор. Русско-Муромское земельное общество обжаловало список соседнего Замурмско-Выселкского земельного о-ва, в котором числилось 1285 душ. По мнению первого земельного о-ва в другом о-ве числилось на 85 душ меньше, потому оно захватило лишних 204½ дес. земли. Замуромское о-во предложило проверить список. Русско-Муромское согласилось, но когда представители второго пришли проверять, то им предложили проверять наличность душ во въезжей избе только по спискам с вызовом хозяина дома. Русско-Муромское предложило проверить обходом по дворам. На это не пошли выселкские. Спор перешел в Уземкомитет, который вынес крайне туманное решение: «Предложить избрать комиссию из представителей спорящих обществ и проверить число едоков в обоих обществах в присутствии члена или уполномоченного от Уездной земельной комиссии» [2]. Основной вопрос, **как** проверить, не был решен.

Следует отметить, что земкомы не вели определенной политики и увиливали от решения острых вопросов, что и дало свои отрицательные результаты.

Картину борьбы отдельных волостей друг с другом хорошо рисует доклад Ардатовского уземотдела [3]. «В большинстве все споры возникали потому, что население намеренно давало неправильные сведения при учете земли. Было несколько участков земли, попавших при учете в разные волости, а при распределении такие участки земли попадали в одно и то же время двум обществам. При распределении на местах среди населения совершенно отсутствовало сознательное отношение к работам по распределению. Во всех случаях наблюдалось стремление захватить больше земли, захватить лучшую землю, оставляя соседним обществам участки худшего качества и неудобной для обработки. Добровольные обмены были очень редки и население не только не входило в нужды друг друга, но стремилось получить что-нибудь в счет другого. С этой целью образовывались соглашения представителей нескольких селений с целью составить в комиссии по распределению большинство, которым можно было бы подавить представителей других волостей. Представлялись дополнительные списки несуществующего населения, лишая земли пришлое трудовое население, которое имело безусловное право на землю. Неправильности и ошибки в работе были использованы в большинстве случаев с целью сорвать планомерную работу, но не помочь и без того сложному распределению. Были случаи самовольных захватов земли большими обществами у маленьких после распределения земли. Многие общества не хотели подчиняться постановлениям комиссии, отказываясь уступить часть бывшей частновладельческой земли в пользу других обществ».

Таких случаев были тысячи и поскольку все они очень однотипны, нет нужды их описывать более подробно. Нередки были случаи отказа отдать землю, и даже прямого насилия. Упоминаемое нами Русско-Муромское общество одновременно с тем, как обжаловало действия обманувшего его сосед-

---

[1] Из доклада Ардатовского (Саратов. г.) Уездн. Зем. Отд. 5-му Уездн. С'езду Сов. Дело № 230, л. 17.
[2] Дело № 162, л. 63—65.
[3] Дело № 230, 33/I, л. 18, Ардатовского уезда, Саратовской губ.

него З. Высельского общества, решило собственными средствами вернуть себе спорные 240 десятин. За неделю до разбора дела в уземотделе 9/VII общество в полном составе с флагом и оружием в руках выехало в поле и отрезало в свое пользование 240 дес., а крестьян, работавших в этом поле, согнало с участка.

То, что муромчане выехали с красным флагом, показывает, что они считали свое дело революционным и сами принадлежали к бедноте. Об'яснения муромских крестьян вскрывает классовую подоплеку этого междуселенного спора. Муромское село малоземельное, в то время как Выселки многоземельное. Поэтому часть жителей Муромского принуждена была даже в середине 1918 г. арендовать земли у некоторых крестьян Выселок. К тому же у Выселок часть яровой земли осталась незасеянной. И все же в итоге спора в земотделе у З. Выселок было отрезано всего лишь 15 дес. и передано Муромскому о-ву.

Итак, уничтожение источников полукрепостнической зависимости крестьянства от помещика было воспринято крестьянством как переход к эпохе свободного мелкого товарного хозяйства. Но идеологическое оформление этого перехода в сознании крестьян выступало в виде осуществления своих крестьянских «прав», что и выражалось в требовании передать всю землю тем волостям, где находились имения, исходя из того, что крестьянство данных волостей эксплоатировалось помещиком в эпоху крепостного хозяйства и позже. Соответственно этому вновь возрождается община, как единственная распорядительница всей земли. К ней переходит вся помещичья земля для распределения между членами данной общины.

Посмотрим, как отразилась революция на судьбе другой категории земель, сохранившей до революции свой сословный характер, не свойственный капиталистическому земледелию.

СУДЬБА НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ

Постановления всех крестьянских с'ездов и земельных комитетов от губернских до волостных одинаковы в своих решениях относительно судьбы частновладельческих земель: помещичья, церковная и удельная должны поступить в передел между волостями и внутри них между членами общины. В этом вопросе целиком оправдалось предвидение Ленина, указывавшего меньшевикам, что в случае победы, крестьянство будет переделять надельную землю на ряду с помещичьей. Меньшевистская же теория, считавшая, что крестьяне будут лишь дорезать к своим наделам куски от экспроприированной земли,—что означало бы закрепление за каждым крестьянским хозяйством тех участков, которые ему достались от помещичьего строя,—эта теория конкретным жизненным опытом была опровергнута. Но вместе с тем, крестьяне не желали передела своей надельной земли между волостями. Большинство губерний выносит постановления о том, чтобы не переделять между волостями надельную землю. «Все частновладельческие, монастырские, церковные и другие земли есть фонд, находящийся в ведении советов, из которого последние наделяют землей безземельных и малоземельных в пределах нормы» [1].

[1] Из резолюции по зем. вопросу Уездного с'езда советов Зарайск. уезда от 5/VI—18 г. Дело № 154.

В этом постановлении перечисляются все земли подлежащие переделу, а надельная земля не упоминается в их числе.

Это оговаривается особо: «Вся земля, не касаясь надельной, распределяется между нуждающимися поровну по потребительской норме, при чем распределяется она не только между гражданами данной волости, но и гражданами соседних волостей»[1].

Следующий крестьянский с'езд подтверждает и подчеркивает этот же момент нерушимости надельной земли. «Для уравнения нормы по волостям и общинам пользоваться только исключительно прирезкой оказавшегося излишка из соседних волостей и сел частновладельческих земель»[2].

Почти повсюду крестьянство постановляло, чтобы прирезки к волостям. где нехватает им земли должны производиться, главным образом, из частновладельческой земли. Надельная же могла переделяться только внутри данной общины. «Вся земля, как яровая так и озимая, должна распределяться на урожай 1918 года между нуждающимися крестьянами не включая озимых земель надела крестьян»[3].

То же самое решение выносит Моршанский чрезвычайный с'езд крестьянских депутатов 24/IY—16 г. «Назначить к переделу земли общего фонда только помещичьи, казенные, частновладельческие, монастырские и купчие, но ни в коем случае не надельные, крестьянские, которые должны распределяться между членами своего общества»[4].

Почему именно необходим такой метод распределения земли, почему крестьянство не желало нарушать волостных границ надельной земли,—об'ясняет стенограмма 3 Демократического с'езда представителей волостных и земельных отделов Шацкого уезда совместно с Уездным земельным отделом. «Настоящий с'езд,—говорится в стенограмме 3 Демократического с'езда Шацкого уезда, сделал только возможную в данное время прирезку земли тем волостям, у которых недостатки земли. По отдельным же общинам земля будет распределяться самой волостью, принимая во внимание местные нужды и особенности. В своих постановлениях с'езд настойчиво указывал на необходимость примирения с неизбежными недочетами временной прирезки земли и указывал на обязанность для граждан точно выполнить постановления демократического с'езда народных представителей».

Понятно, что никогда не суждено было сбыться этим словам. Полного уравнения не произошло.

Прирезка бралась в Шацком уезде от тех волостей, где числился излишек земли. В исключительных случаях, когда малоземельные волости не имели вблизи пахотной земли, им давались в прирезку луга взамен пахотной земли.

Точно такой же способ переделов был в Пензенской губ., где после выяснения недостатков и излишков земли по волостям последним прирезалась земля из частновладельческих земель[5].

Но в Рязанской губернии, наиболее малоземельной из всех русских губерний, крестьяне не отложили полного передела до будущих времен и в

---

1 Из постан. 6 Большого Крестьянского с'езда Липецк. у., 10/14—I—18 г., д. 58.
2 Резолюця 7 Больш. Крест с'езда, Липецк. у, д № 58.
3 Протокол засед. Борисоглебск. уездн. совета крест. деп. от 15—18 января 1918 г. Дело № 274. О спорном участке между Тамбовской и Воронежской губ.
4 Дело № 249, л. 30, Моршанского у., Тамбовской губ.
5 Дело № 101, л. 7, Пензенской губ.

1918 же году приступили к черному переделу всех земель. Точно так же и здесь при беглом взгляде на крестьянские резолюции нельзя познать действительную сущность местного процесса передела. Для этого требуется пристальное внимание. 27 марта Спасский (Рязанской губ.) уездный с'езд советов солд. раб. и крест. депутатов постановляет: «Предоставить волостям в лице волостных советов самостоятельно распределить всю без исключения землю данной волости между населением таковой, входя в случае надобности в сношение по этому вопросу с соседними волостями» [1]. 11 апреля уездная земельная комиссия устанавливает «схему раздела», резко отличную от раздела в центрально-земельном районе: «Уравнять сначала одну надельную по уезду и волостям на живую душу. Фонд земли должен быть использован на дополнительное уравнение, несмотря на чересполосицу в случае невозможности» [2].

Здесь поступала в раздел сначала надельная земля и лишь потом дорезались к ней участки из частновладельческой земли. Рязанское крестьянство стремилось создать абсолютное равенство землепользовании. Недаром Уездный земельный комитет Рязанского уезда выставил следующее дополнение к постановлению Губернского земельного с'езда, (состоявшегося в марте 1918 г.). «Каждый гражданин имеет право получить землю на яровой посев 18 г. в своей волости в таком размере, какой приходится на живую душу в Рязанском уезде. В случае, если окажется излишек земли, таковая должна быть зачислена в запасный земельный фонд» [3].

Такого же рода чернопередельческие тенденции обнаруживает временная инструкция Суражского земотдела Черниговской губернии. «В случае, если на местах будут благоприятные условия для всеобщего передела надельной земли, то комиссия должна пойти навстречу и произвести передел»,—говорится в примечании к инструкции.

Но черный передел обусловливается здесь тем, что «передел возможен, если надельной земли при новом распределении хватит на все население данного селения по норме принятой уездом в абсолютное согласие на передел не менее двух третей всего населения» [4].

Здесь, как видим черный передел решался не в уездном масштабе, как в Рязанской губ., и даже не в волостном, а в сельском, и тем самым заранее ограничивался и его размах и его глубина. Если сопоставить Рязанскую с Тамбовской и Пензенской губерниями, то можно вскрыть корни больших чернопередельческих настроений в первой губернии. Крестьянство Рязанской губернии было наименее всех землеобеспечено. Хотя эта губерния находилась в промышленном районе, однако, капитализм проник в деревню и реорганизовал сельское хозяйство в меньшей степени, чем в Тамбовской губ. Кроме того, Рязанская губ. поставляла большее количество отходников, полуквалифицированной рабочей силы, являвшимися по сути полупролетариями. Вся эта масса в результате сократившихся во время революции, в первую очередь малоквалифицированных работ, должна была остаться в деревне и усиливала чернопередельческие настроения крестьянства. Хозяева земледель-

[1] Дело № 286, л. 27, Спасского у., Рязанской губ.
[2] Дело № 286, л. 6 цитируем дословно.
[3] Дело № 162, Рязанской губ., того же уезда.
[4] Дело № 156 прил. I и II Черниговской губ.

цы, не занимающиеся отходом, были резко настроены против чернопередельческих настроений бедноты.

«Теперь у нас много дано земли безлошадным, у которых большинство членов семьи находится на заработках в городах и которые сдают землю исполу и нанимают для обработки земли; те же хозяйства, которые исключительно занимались земледелием, как опытные хозяева, состоящие из 2-х членов, не имеют возможности вести хозяйство на несчастных клочках земли» [1].

В Рязанской губернии согласия большинства на производство передела не требовалось. Курс на черный передел взят был уездной властью довольно твердо. Об этом свидетельствует жалоба крестьян села Хрущова. «Наше было желание в следующем, пишут жалобщики: оставить землю по норме землепользователям на своих участках земли. Излишки отрезать для поселения малоземельных, не ломая меж впредь до введения разверстки по закону о социализации земли» [2].

Промежуточное место между этими двумя типами раздела занимает третий тип переделов, когда передел надельных земель мог быть произведен, но не был обязателен. Саранский крестьянский с'езд, вырабатывая план социализации земли, постановляет: «Надельные земли, находящиеся в общинно-передельном землепользовании в 1918 году, тоже подлежат отчуждению для перераспределения между общинами. Надельные земли не общинно-передельного землепользования (хуторские, отрубные, чересполосные) могут быть, по постановлению того сельского общества, из которого произошел выдел надельной земли, распределены в текущем году в пределах этой же общины [3].

Здесь надельные земли могли и не подвергаться переделу между волостями, если община, из которой была выделена эта земля, не потребует ее передела. В этом районе, где капитализм проник в большей степени в сельское хозяйство, уже чувствуется компромисс с капиталистическими элементами крестьянства.

Черный передел был выражением стремления крестьянства к установлению мелкого свободного товарного хозяйства. Чем более были придавлены остатками крепостничества крестьяне в каком-либо районе, тем сильнее выступали чернопередельские тенденции. Черный передел был крестьянской программой «чистки» для капитализма, как указывал в свое время В. И. Ленин.

Но черный передел одновременно затронул не только земли помещичьи и надельные, т.-е. категории земель, связанные своим происхождением с крепостничеством, но и землевладение капиталистического и полукапиталистического типа. Познакомимся с тем, как шел их передел, в какие отношения становились классы деревни при переделах этой группы земли.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ И ПОЛУКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

До сих пор анализу подвергалось перераспределение в землевладении, обязанное происхождением своим докапиталистической формации общества. Сле-

---

[1] Жалоба 44 крестьян с. Хрущева, Пронского уезда в Наркомзем. Дело № 282, л. 65—66, приводим с сохранением орфографии.

[2] Там же.

[3] „За землю и волю“ № 74 от 17/IV—18 г.

дует выяснить особо, как поступил мелкий товаропроизводитель с частновладельческим крестьянским землевладением, обязанным своим происхождением диференциации села и проникновени юкапиталистических отношений в деревню, т.-е. с капиталистическим и полукапиталистическим. проникновению капиталистических отношений в деревню, т.-е. с капиталистическим и полукапиталистическим.

Прежде всего следует заметить, что самый факт поравнения всех земель по едокам был направлен против сельской буржуазии и обуржуазивающихся слоев деревни. Приведем таблицу, рисующую сдвиг в распределении хозяйств по посевным группам до и после революции. (См. таблицу на стр. 222).

В большей мере показательны данные, рисующие распределение площади посевов до и после революции, ибо деревенская верхушка обладала посевной площадью в размерах, превышающих % его хозяйств.

Распределение посевной площади по посевным группам (в %%) [1].

Посевные группы хозяйства	Кандеевск. вол., Керенск. уезда, Пензенской губ.		Авдул. вол., Ефрем. у., Тамбовской губ.	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
	(вся удобная земля)		(пашня)	
Без посев. и с посев. до 2 дес.	8,82	3,09	6,46	4,12
С пос. 2,01— 4 дес. . .	12,38	16,98	15,44	15,95
„ „ 4,01— 6 „ . .	9,50	29,74	22,64	26,20
„ „ 6,01— 8 „ . .	10,71	25,02	19,58	26,65
„ „ 8,01—10 „ . .	16,59	14,26	14,27	17,67
„ „ 10,01—16 „ . .	26,94	10,21	14,95	7,52
„ „ 16 и свыше . . .	15,06	0,70	6,66	1,39
Всего . . .	100	100	100	100

Таким образом, уменьшается земля под хозяйствами крайних флангов. У хозяйств с посевом до 2 дес. с 8,8 до 3,09 в Пензенской губ. и с 6,4% до 4,1% у Авдуловской, Тульской губ. Об'ясняется это уменьшением количества беспосевных хозяйств. Если же обратиться к многопосевным группам, то обнаружим, что площадь посевов высших групп уменьшилась в большей мере, чем количество этих хозяйств. Об'ясняется это тем, что в высших группах преобладала купчая земля над надельной. Приведем соответствующие данные.

Распределение купчей и надельной земли в каждой посевной группе.

Поравнение земли по едокам ударило по с.-х. буржуазии, отняв у них купчие земли. Тем самым антипомещичья революция была и антикапиталистической. А так как крестьянство стремилось оставлять у землепользователей их надельные земли, лишь отрезая излишки, не ломая меж, то у сельской буржуазии отрезалась именно купчая земля и нарезалась неимущим. Таким образом, революция отбирала у зажиточных их лучшую землю, притом купленную за их «кровные» деньги. Притом в силу того, что

[1] Цифры взяты из материалов Аграрной Комиссии по изучению революции Коммунист. академии.

Группы хозяйств	Районы и губернии: Центрально-землед. район Тульск. губ.		Нижне-волжск. район Оренб. губ.		Приуральский район Вятская губ.		Белорусский район Витебск. губ.		Центр.-пром. район Яросл. губ.		Северн. район Вологодск. губ.		Приозерный район Петерб. губ.		Средне-волжск. район Пензенская губ.	
а) По посеву	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919
Без посева	6,5	1,8	10,2	5,3	3,3	1,9	7,4	2,1	13,9	6,4	9,0	4,8	15,7	11,8	7,7	3,8
До 1 десятины	6,2	5,0	3,8	7,3	1,6	4,0	5,1	20,3	25,0	39,4	14,4	20,2	24,1	46,6	9,7	8,7
От 1,1 до 2 десятин	14,2	14,9	7,9	11,2	7,1	12,8	5,4	40,2	27,8	31,6	32,7	43,3	26,4	24,4	13,5	15,9
С пос. от 2,1 до 4 десятин	28,3	39,0	14,8	21,6	24,6	36,0	38,3	31,3	26,2	20,4	35,3	27,5	24,1	14,4	26,6	35,2
„ „ „ 4,1 „ 6 „	20,0	24,9	15,1	19,3	26,2	24,8	19,7	4,7	5,6	2,2	6,6	3,4	6,5	2,[illegible]	17,6	21,4
„ „ „ 6,1 „ 8 „	11,5	10,0	11,8	12,9	17,8	11,9	7,3	0,8	1,2	—	1,7	0,5	2,0	0,2	10,5	9,5
„ „ „ 8,1 „ 10 „	6,3	3,6	9,2	8,6	10,0	4,9	3,4	0,1	0,3	—	0,2	—	0,6	—	6,2	3,4
„ „ „ 10,1 „ 13 „	4,2	1,4	9,6	7,4	6,2	2,6	1,3	—	—	—	1,0	0,3	0,2	0,1	4,4	1,5
„ „ „ 13,1 „ 16 „	1,5	0,2	5,9	3,5	2,1	0,7	0,7	—	—	—	—	—	0,1	—	1,8	0,2
„ „ „ 16,1 „ 19 „	0,6	0,	3,8	1,4	0,6	0,3	0,4	—	—	—	—	—	—	—	1,0	0,1
„ „ „ 19,1 „ 22 „	0,3	—	2,9	0,8	0,3	—	0,2	—	—	—	—	—	—	—	1,4	—
„ „ „ 22,1 „ 25 „	0,	—	1,4	0,4	0,2	—	0,1	—	—	—	—	—	—	—	0,2	—
„ „ „ 25,1 „ 30 „	0,2	—	1,7	0,2	—	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	0,2	—
„ „ „ 30,1 „ 35 „	0,1	—	0,9	0,1	—	—	0,2	—	—	—	—	—	—	—	0,1	—
„ „ „ 35,1 „ 40 „	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,1	—
„ „ „ 40,1 „ 45 „	—	—	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ „ „ 45,1 „ 50 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

1 Б. Книпович. „Направления и итоги аграрной политики 1917—1920 г.“ в сборнике „О земле“. Изд. НКЗ, стр. 18.

зачастую передел был облечен в сознании крестьян в форму возврата к старому общинному землепользованию, то все купчие земли должны были быть возвращены крестьянам той волости, где эти земли находились до их покупки.

На этой почве возникало бесконечное количество споров. Так, например, у граждан села Губари, Новохоперского уезда, Воронежской губ, возник спор с соседним селом Махровским, Борисоглебского уезда, Тамбовской губ., из-за земли, в свое время купленной крестьянами Губарей в Крестьянском банке и находившейся в их трудовом пользовании. Крестьяне Махровки претендовали на эту землю только потому, что она находилась в их уезде, хотя и не испытывали крайней нужды в ней, в то время, как в Губарях вся земля вместе со спорной не превышала потребительской нормы [1]. Кстати, междугубернская комиссия стала на сословную точку зрения крестьян Махровки, вопреки точному смыслу закона о социализации.

Группа по посеву	Авдулов. вол., Ефрем. у. Тульской губ.		Кандеев. вол., Керен. у., Пензенской губ.	
	Надельная	Купчая	Надельная	Купчая
С посев. до 2 дес.	89,8	10,2	72,8	27,2
„ „ от 2,1 до 4,0	86,0	14,0	79,0	21
„ „ „ 4,1 „ 6,0	87,5	12,5	60,8	39,2
„ „ „ 6,1 „ 8,0	77,4	22,6	45,5	54,5
„ „ „ 8,1 „ 10,0	71,8	28,2	25,8	74,2
„ „ „ 10,1 „ 16,0	65,5	34,5	23,5	76,5
„ „ „ 16 и свыше	42,0	58,0	17,2	82,8

Другой пример подобного рода приведем в изложении самих крестьян [2]. «Весной 1918 года получился полный захват земель,—пишет Зверевский волостной совет, Данковского уезда, Рязанской губ., в «Центральный земельный исполнительный комитет»,—Причиной этого послужило в темных массах, когда была власть на местах. Но наше общество, село Зверево, благодаря имеющимся в его среде передовых борцов, ни на какие эксцессы не пошло. В настоящее время мы претендуем на отнятую нашу общественную землю, которая была куплена нами через посредство Земельного крестьянского банка. Настоящая земля находится в Лебедянском уезде, Тамбовской губ., в которой находится половина поля нашей надельной земли. Поэтому мы до падения царизма платили все повинности в Лебедянский уезд и по сие время с нас требуют. Тут ясно видно, что мы имеем полное право претендовать на отнятую землю, согласно закона о социализации. Наша земля не должна от нас отниматься потому, что в нашем обществе с этой землей нехватает трудовой нормы. А в настоящее время мы находимся самыми малоземельными гражданами и в Данковском, и в Лебедянском уездах. Просим Центральный народный комиссариат земледелия настоящий наш земельный вопрос разрешить в полном смысле, дабы будущей весной избежать нам с гражданами Тамбовской губернии кровавых эксцессов».

Если же земля была куплена лицом не местного происхождения, то у него не только отбирали землю, но даже выгоняли прочь. Так поступали

[1] Дело № 274. О спорах между Тамбовской и Воронежской губ.
[2] Дело № 312.

с хуторянами и отрубниками, которые являлись, главным образом, единоличными владельцами купчей земли.

Крестьяне деревни Печерниковских Выселок, Михайловского уезда, Рязанской губ., постановили, чтобы крестьянин Грошев, пришедший к ним из соседней деревни Рачетниковой, вследствие своей женитьбы на их односельчанке, покинул эту деревню и уехал к себе «на родину» [1].

Такое же отношение к отрубникам было и в Пензенской губ., Керенского уезда. Крестьяне с. Сергиева Поливанова сгоняли с земли крестьян, купивших ее через Крестьянский банк 7 лет тому назад. Их выгоняли даже из их жилища, требуя, чтобы они выехали в свою собственную деревню, грозя пожаром. Трагическое положение отрубников усугублялось и тем, что изгоняемому в «родной» деревне земли не дали бы, тоже как чужому [2].

В Чембарском уезде крестьяне поселка Березового, Митрофановской волости, изгнали из своей деревни двух отрубников, требуя, чтобы они уехали в родную им Каменец-Подольскую губернию. Понятно, что стоимость построек и посевов крестьяне им не возмещали. Такая же печальная судьба постигла и арендаторов хутора, не являвшихся собственниками своей земли [3].

«Замечается недоброжелательное отношение к отрубникам и хуторянам-переселенцам, есть тенденция направлять их обратно в места их жительства»[4].

Если же хуторянин или отрубник не являлся пришельцем, а был местным жителем, как это имело место в Ростовском-на-Дону округе, то сельские комитеты выносили постановления не только отбирать запаханные земли не оплачивая за труд, но конфисковать их живой и мертвый инвентарь, как частных собственников [5].

«Все столыпинские закрепления должны уничтожиться навсегда. Наш лозунг: «Земля и Воля». Такое решение выносят крестьяне Пермско-Гавриловской вол., Тамбовского уезда» [6].

«У отрубников земля должна быть взята и переделена вновь со всеми прочими землями». Так решил Бабеевский волостной земельный комитет [7]. Это, пожалуй, самое мирное решение, вероятно потому, что его вынесла не масса крестьян, а комитет.

Отрубник напоминал о столыпинщине и с ним поступали соответственно своему отношению к ней. 20 января 1918 г. 70 человек из деревни Нискасовой, Таракасинской волости, Козьмодемьянского уезда, разгромили хутор, разграбили имущество и скот, убили пять человек хуторян и трупы их тут же были сожжены с разгромленными постройками. Погромщиками были также убиты двое своих односельчан, не желавших принять участие в погроме.

Очень хорошо рисует отношение крестьянской бедноты к отрубникам протокол «общего собрания Ольгинского организационного союза в защиту от безземелья», подписанный 122 крестьянами (цитируем с сохранением орфографии) [8].

---

[1] Дело № 282, л. 40.

[2] Дело № 283, л. 3, Пензенской губ.

[3] Дело № 273 Рыльск. у., л. 2.

[4] Казанская губ. Информационный листок Бюро Печати Наркомзема № 19 от 27/III—18 г. (архив НКЗ, РСФСР фонд Управдел.).

[5] Дело № 21, л. 1, Кубанского окр.

[6] „Дело Деревни" № 23, от 15/X—17 г.

[7] Там же, от 18/XI—17 г.

[8] Дело № 350, л. 15, Тамбовской губ.

«... Как ненавистное распоряжение для нас Столыпина при самодержавном строе у всех хуторян, проживающих в имении бывшей Овсянниковой, имеющий землю отобрать и предявить последним об увольнении с тем, чтоб до первого апреля они здесь не были должны оставить дальнише проживание здесь. Таковым разрешается на право увоза отсюда только то, что завезено ими сюда, а все остальное должно остатся на месте, как не ими возведенное, а также и всем отрубщикам не нашей волости и уезда пред'явить ультиматум с тем, чтобы последние до 1-го апреля очистили занятую ими землю и предлогаем вернуться по своим местам, а отрубщикам и хуторянам нашей волости и деревень имеющим лишнее количество земли против граждан своего общества. Предлагаем как последнее и первым добровольно передать пользование своих граждан в уравнительном порядке для всех в противном случае с теми, кто будет препятствовать с тем будут приняты строгие меры со стороны союза». (Подчеркнуто в тексте *М. К.*).

При конфискации купчих земель крестьянство сплошь и рядом стремилось сохранить всю отобранную землю в своей волости. О том, что это было так, доказывает подсчет передвижек земли в Спасском уезде Тамб. губ. на яровой посев 1918 г., произведенный нами на основании протокольных записей.

Распределение товарищеской и купчей земли в Спасском у. Тамбовской губ. под яровой посев в 1918 г.

	Товарищеская			Купчая		
	В скольких зем. о-вах была отрез.	Скольким была прирезана	Площадь.	В скольких зем. о-вах была отрез.	Скольким была прирезана	Площадь.
1. Земля, целиком вернувшаяся в прежнее свое земельное о-во . . .	13	13	543	10	10	329
2. Земля, подвергшаяся раздроблению, из них возвратилась в прежнее земельное о-во	10	21	695	7	12	653
3. Земля, целиком перешедшая в новые зем. о-ва	15	15	63	1	1	101

Таким образом, из товарищеской земли отошло в новые земельные о-ва 555 дес., а осталось 789, а из купчей отошло лишь 294 дес., а осталось 789 дес. Следует отметить, что купчая земля обычно была наилучшая по качеству и земельные о-ва стремились удержать ее в своих руках. Наличие все же передвижек в другие волости об'ясняется тем, что передвижки были связаны с необходимостью дробить землю. Земля в этих случаях находилась в границах чужого земельного общества, и сохранить ее в своих руках было невозможно.

Иное было отношение к хуторянам и отрубникам в районе, где эта форма землепользования была если не господствующей, то одной из главных на ряду с общинной (В Северо-западном районе).

Данные анкетного обследования земельных отношений, произведенные секцией права и государства, на этот вопрос дают следующий ответ.

Как поступали при поравнении с дореволюционными хуторами.

Районы	Число анкет	Уничтожили	Изымали только излишки	Не трогали	Хуторов не было	Сведений нет
	Абсол.	В %				
1. Сев.-восточный	7	—	—	14,3	85,7	—
2. Сев.-западный	8	—	—	50	50	—
3. БССР	4	—	—	50	25	25
4. Центр.-пром.	33	12,1	9,0	24,2	51,7	13,0
5. Центр.-черноз.	11	18,1	18,1	—	63,6	—
6. Юго-западный	6	33,3	50,0	16,7	—	—
7. Юж. гор.-пром.	2	—	100	—	—	—
8. Сев. Кавказ	3	33,3	33,3	—	33,4	—
9. Ниж.-волжск.	5	20,0	40	—	40	—
10. Сред. „	13	15,3	30,7	—	53,8	—
11. Уральский	4	—	—	—	100	—
12. Вят.-Ветлуж.	2	50	—	—	50	—
13. Сибирь	11	—	—	—	100	—
14. ДВО	2	—	—	—	100	—
	111	13	17	16	62	3

Если заняться анализом только первых четырех граф, которые дают ответ на поставленный вопрос, то получим следующую картину. Хутора либо уничтожали, либо у них изымали излишки в Центрально-черноземном районе, Среднем и Нижнем Поволжьи и Юго-западной Украине. Не трогали хуторов в Северо-западном районе и в БССР. В Центрально-промышленном отношение к хуторам было неодинаковым: были случаи разгромов, были случаи, что их не трогали.

«Из материалов, относящихся к 1918 г.,—пишет проф. Першин,—видно, что в северных губерниях (Поволжская, Костромская, Новгородская, Смоленская и др.) этот вопрос (отношение к хуторам *М. К.*); пришлось ставить на обсуждение местных с'ездов, на которых он кое-где и получил положительное решение. Так, например, в Новгородской губернии хуторское и отрубное хозяйство было признано одной из наивыгоднейших форм (после коммун и артелей) и выезд на хутора был признан возможным по взаимному соглашению самого населения. В соседней Вологодской губ., судя по журналу заседаний уездных земельных органов (за 1918 г.) рассмотрение заявлений и ходатайств населения о переселении на хуторские участки в общем привело к целому ряду положительных решений: «расселение на хутора на бывшие удельные, а ныне казенные земли признано желательным» [1].

Аналогичные решения были вынесены на крестьянских с'ездах Костромской губ. о хуторах на надельной земле. В Брянской губ. за 1918 г. возникло

[1] П. Першин. „Формы землепользования". Статья в сборнике „О земле", НКЗ, 1921 г.

немало хуторских хозяйств как с разрешения местных властей, так и без него. Проф. Першин на основании материалов Наркомзема за 1920 г. констатировал стремление населения перейти к хуторскому землепользованию в 20 губ.: Вятской, Вологодской, Северо-Двинской, Новгородской, Череповецкой, Петроградской, Псковской, Тверской, Смоленской, Витебской, Гомельской, Брянской, Орловской, Калужской, Московской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, и Костромской [1]. Все это те же губернии нечерноземной полосы, в которых по анкетным сведениям хуторов либо вовсе не трогали (северо-запад и запад), либо трогали, но не всюду (ЦПО).

Причины этого явления лежат в разных типах социальных связей между помещичьим и крестьянским хозяйством. В Центрально-земледельческом районе помещичье хозяйство носило полукрепостнический характер, взращенное на почве крестьянского малоземелья, созданного реформой 1861 г., высокими арендными ценами из-за аграрного перенаселения и т. д. В этом районе росла сельская буржуазия, использовавшая остатки крепостничества для своего хищнического обогащения в большей степени, чем в каком бы то ни было районе, т.-е. рос представитель торгово-ростовщического капитала деревни, который не был антагонистом крепостничества, ибо сохранение остатков крепостничества давало возможность кулачеству обдирать крестьянство высокими процентами, скупкой у него по дешевке его продукции для взноса податей и т. д., что в свое время отметил В. И. Ленин.

В других районах помещичье хозяйство могло существовать, становясь капиталистическим. Земля своей малодоходностью при экстенсивном ведении хозяйства не привязывала крестьянина к себе и оно могло отливать в промышленность своего района. Если помещик и использовывал остатки крепостничества, то для того, чтобы прикрепить к своей земле наемную рабочую силу. В наименьшей степени остатки крепостничества сохранились на севере и северо-западе. Промежуточное положение между этим районом и Центрально-земледельческим занимали в порядке возрастания остатков крепостничества следующие районы: Центрально-промышленный, Украина и Поволжье.

В тех районах, где капитализм в сельском хозяйстве использовывал мало или вовсе не использовывал остатки крепостничества, там в области форм землепользования, община с ее принудительным севооборотом уступала место хуторскому и отрубному хозяйству. Не то в черноземной полосе, где столыпинская политика одновременно хотела сохранить в неприкосновенности помещичье землевладение и насадить крестьянские хутора. И так как здесь источником агротехнической отсталости (трехполки) были остатки крепостничества, то выделение на хутора, отрезавшее у крестьян их большие и лучшие куски земли, лишь ухудшало их положение, крепче их зажимало в полукрепостнические тиски, а следовательно, и в кулацкие. В этом районе удар по остаткам крепостничества в лице помещичьего землевладения обязательно должен был сопровождаться таким же ударом и по сельской буржуазии в лице хуторян. На северо-западе аграрная революция означала, понятно, также уничтожение остатков крепостничества там, где они были, но в основном крестьяне грабили помещичьи имения, как основных держателей хлеба. В этом районе не было нетерпимого отношения лично к помещику, его оставляли после переворота жить в имении и даже выдавали

---

[1] Там же.

паек. Соответственно этому, отношение к кулачеству было иным, чем в черноземной полосе. В Новгородском уезде, в Боровическом уезде земли кулаков, как сообщает информационный листок Наркомзема от 18 февраля 1918 г., на учет еще не были взяты. В Зборовской волости, Тихвинского уезда той же Новгород. губ. (позже Череповецкой), общее собрание волостного земельного комитета 8 декабря 1917 г. решило передать в ведение комитета земли церковные, монастырские, казенные , помещичьи, крестьянского банка, купчие, крестьянские и земли иностранных подданных, причем крестьянские, начиная с 35 десятин и более.

Проф. Першин не раз'яснил причин диаметрально противоположного отношения к хуторам со стороны трудящегося крестьянства в черноземной и нечерноземной полосе, хотя и правильно установил факты. «Участково-отрубное землепользование (в Черноземной полосе) не нашло себе исторического оправдания,—пишет он,—как результат почти исключительно социально-экономической трансформации деревни, как выражение нараставшего аграрного капитализма. Не успев укрепиться и хозяйственно обосноваться, оно резко противоречило еще живому духу уравнительно-передельной общины и не вызывалось сколько-нибудь назревшей необходимостью внутренней реорганизации хозяйства. Совершенно другая картина развертывается в нечерноземной полосе и в частности на севере и на северо-западе. Здесь революционное поравнение земель больше всего коснулось отрубов, подчас их тоже разрушая. Более осторожное отношение вызвало к себе хуторское хозяйство, укрепившееся и перестроившееся на более рациональных началах. В таком своем виде оно стало как бы образцом для организационно-хозяйственных устремлений наиболее сильного в производственном отношении и передового крестьянства» [1].

В этом определении, полном внутренних противоречий, основная мысль заключается в том, что в черноземной полосе отрубное хуторское хозяйство выросло на почве аграрного капитализма, не будучи рациональной формой хозяйства для данного района, наоборот, в нечерноземной полосе эта форма землепользования есть самая рациональная форма, хозяйственно независимо от классовых взаимоотношений деревни.

Но совершенно не верно, что «участково-отрубное землепользование в черноземной полосе не нашло себе исторического оправдания», потому что оно выросло из аграрного капитализма. Если капитализм вызывает к жизни новые формы хозяйства, то жизнь не спрашивает их «исторического паспорта». Хутора здесь не нашли себе «исторического оправдания», потому что эти формы землепользования должны были сочетаться и расти с остатками крепостничества. Так как «аграрный капитализм» покоился и использовывал в своих интересах остатки крепостничества, то удар по остаткам крепостничества обязательно ложился и на капиталистические элементы сельского хозяйства района полукрепостнических отношений, т.-е. района Центрально-земледельческой полосы. Крестьяне севера и северо-востока, где-либо не было помещичьего хозяйства, либо оно было незначительным, во время революции не трогали хуторов. Причины лежали в том, что здесь капиталистическое землевладение росло не опираясь на остатки крепостничества. Крестьянство северо-запада сразу после передачи ему земли устремилось к хутор-

[1] Першин. „Формы землепользования“. Сборник „О земле“, изд. НКЗ 1921 г.

ской форме землепользования, так как эта форма землепользования есть необходимое условие при создании капиталистического хозяйства. В черноземной полосе тяга на хутора и отруба и вообще отказ от старой общины начинается только с окончательной ликвидацией не только помещичьего хозяйства, но и помещичьей контр-революции и с вклюючением крестьянского хозяйства в рынок, т.-е. после введения нэпа. И ныне мы являемся свидетелями того, как крестьянство выступает в прежних общинных районах против «живого духа уравнительно предельной общины» (в этом, как помним, по мнению проф. Першина, были причины борьбы крестьянства черноземного района с хутором).

Но классовая борьба вокруг этого вопроса в настоящее время в силу иной структуры общества принимает иную форму, анализ которого лежит вне поля нашего внимания в данном исследовании.

ИТОГИ ПЕРЕДЕЛА ЗЕМЛИ В 1918 Г.

Прежде всего возникает вопрос, что дал в вопросе о земле всему крестьянству буржуазно-демократический этап развития аграрной революции. Исчисление общих итогов невозможны в рамках данной статьи, поэтому мы ограничимся лишь наиболее важными данными.

По данным статистики землевладения общий земельный фонд в 1905 г. равнялся:

I группа—частные владения	101,7	млн. дес.
II „ —надельные землевлад. . . .	138,8	„ „
III „ —земли казны и удельн. . . .	154,7	„ „
Итого	395,2	млн. дес.

По исчислениям В. И. Ленина казенный земельный фонд следует уменьшить на 115,2 млн. дес., так как в их число казенных земель входят леса, болота, тундры и т. д. территория, не могущая являться колонизационным фондом.

При исчислении того, сколько земли перешло к крестьянам (не принимая во внимание перераспределения внутри крестьянства) следует принять во внимание лишь следующие категории земель: дворянские, почетные граждане и купцы, духовные лица и иностранные подданные. Мещане землевладельцы—это городские кустари, ремесленники, служащие уездных городов и т. д.

Во владении первых 4-х категорий в 1910 г. находилось 59.587.055 дес., которые распадались следующим образом [1]:

Землевладение дворянское	46.918.202 дес.
„ купцов и проч. гражд. .	12.091.851 „
„ иностр. подданных . . .	250.574 „
„ духовенства	326.440 „
Итого	59.587.055 дес.

Если считать, что к 1910 г., к которому относятся все эти исчисления, площадь надельной и удобной казенной земли сохранилась та же, что

[1] Итоги получены на основании исчислений по данным книги: проф. В. А. Косинский—„Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы“. Киев, 1918 г.

и в 1905 г., то крестьянство получило земли частновладельческой, некрестьянской 59,5 миллионов десятин, плюс удобной казенной 39,5, всего 99,0 миллионов десятин, что составляло по отношению ко всей крестьянской надельной—71%.

Вторым не менее важным итогом революции было то, что крестьянство было освобождено от уплаты своих долгов за купленную землю. К 1/I—1914 г. Крестьянство осталось должно одному только Крестьянскому Поземельному Банку миллиард с третью руб. Так как с начала войны начал действовать мораторий, надо полагать, что долги крестьянства банку к 1 января 1914 г. не изменились ко времени революции. Долг же этот равнялся: [1]

1) по счету остатков капитальных долгов . .	Р.	1.326.632.356 21 к.
2) „ „ сумм отстрочек покупщикам банковских имений	„	4.245.714 33 „
3) по счету недоимок предшествующих сроков	„	1.315.853 83 „
4) „ „ „ за арендаторами	„	3.116.785 80 „
Всего	Р.	1.336.637.342 44 к.

От уплаты суммы, равной миллиарду с третью рублей, было освобождено крестьянство в итоге уничтожения помещичьего землевладения.

По исчислению А. Л. Вайнштейна, склонного преуменьшать дореволюционную тяжесть обложения крестьянства, оно платило ежегодно в Крестьянский банк 49.467 тыс. руб., доплаты за землю 22.846 тыс. руб. и платежи в частные банки 14.463 тыс. руб., а всего платы за покупаемую землю ежегодно 96.776 тыс. руб. [2].

Третьим итогом этого этапа аграрной революции было освобождение крестьянства от уплаты арендной платы.

По исчислениям А. Л. Вайнштейна размер ежегодной вненадельной арендной платы равнялся в предвоенные годы 289.771 тыс. руб.

Хотя приведенные данные рисуют грандиозный характер тех непосредственных выгод, которые принесла крестьянству революция, однако следует учесть и то, что, кроме этих прямых исчисленных с меньшей или большей точностью, невозможно учесть еще и те большие натуральные и прочие повинности, связанные с господством помещичьего землевладения и его политической системой.

Таким образом, уничтожив помещичье хозяйство, революция сняла с кре[illegible] тот колоссальный груз, который давил столетиями на крестьян[illegible] [illegible]рестьянское хозяйство получило возможность свободного развития, [illegible]у оно стремилось в течение столетий.

[illegible]о, уничтожив основательно помещичье землевладение, стоявшее на [illegible]тия крестьянского хозяйства, передел 1918 г. создал целый ряд [illegible]ятствий, которые нужно было разрешить.

[illegible]м итогом весеннего раздела земли было создание чрезвычайной за[illegible] земельных отношений. Вторым итогом было то, что крестьянство [illegible] всей земли. Те волости и села,—пишет в своем докладе сентябрь[illegible]езду советов уезда комиссар земледелия Липецкого уезда,—которым [illegible]ретке доставалась в других волостях паровая земля, понятно, что [illegible]лизко, не успели ее своевременно обработать, почему и в дальней-

[1] [illegible]т Крестьянского Поземельного Банка за 1913 год.

[2] [illegible] Вайнштен—„Обложение и платежи крестьянства в довоенное и [illegible]люционное время“. Москва, 1924 г., стр. 48.

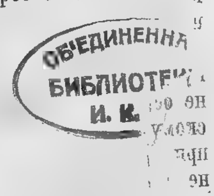
шем отказались от нее» [1]... В Липецком уезде отказались засеять отведенные им участки земли крестьяне Романовской вол. 120 дес. [2], в Чембарском уезде, Оболдуевская волость отказалась от прирезанной им земли в количестве 263,5 дес., Корсаевская вол.—75 дес., Тарховская вол.—56 дес. и Чернышевская вол.—240 дес. [3].

Отказ от столь значительных площадей земли по целому ряду уездов привел к тому, что значительные площади земли не были засеяны. В силу же этого на крестьянских с'ездах и на с'ездах советов выносятся резолюции о том, что крестьяне обязаны засеять все земли. «Все земельные отделы обязаны установить надзор за тем, чтобы все земли были засеяны,—говорится в протоколе 6-го с'езда Спасского уезда [4]. В случаях незасева они обязаны отдавать распоряжение о запашке таких земель обществами ближайшим селениям, трудовым артелям и лишь в случае невозможности использовать землю путем коллективной обработки, распределять таковую между отдельными домохозяевами». В этом же постановлении говорится об обязанности крестьян вывозить навоз в поле и т. д. «Землю от лиц, получивших и не желающих обрабатывать ее, отобрать в земельный фонд общества»,—говорится в протоколе Ряжского с'езда советов [5]. «Лица, получившие землю и злоумышленно не обрабатывающие ее, подлежат обложению штрафом в размере приносимых доходов данной им земли».

Крестьянский вековечный идеал был осуществлен, а в некоторых районах, как Рязанская губерния, даже полно, вплоть до черного передела. Идеал, воплощенный в жизнь, доказал всю утопичность и всю вздорность мелко-буржуазных утопий о том, что уничтожение помещичьего землевладения создаст социалистический строй в деревне. Производительные силы получили бы поступательное движение вперед, если бы не исключительно тяжелая обстановка, в которой совершалась революция. Во-первых, аграрной революции предшествовала 4-летняя империалистическая война, катастрофически ослабившая все народное хозяйство. Во-вторых, аграрную революцию сопровождала острая гражданская война (рожденная общим ходом социалистической революции), отвлекшая наиболее активные и передовые элементы деревни на фронт. Кроме того, одни имели землю, не имея инвентаря, другие имели слишком много инвентаря и сравнительно мало для него земли. Уравнительности создано не было. Тупик, в который зашло сельское хозяйство, чувствуют низовые практические работники. «... Два прошедших передела нам практически показали, что землю переделять на уравнительных началах не представляется никакой возможности» [6]...

Чтобы выйти из этого тупика, нужно было дать бедноте, получившей землю, инвентарь и тогда лишь можно было поставить вопрос о засеве земли

[1] Дело № 58, л. 74.
[2] Там же, л. 125.
[3] Дело № 101, л. 54.
[4] Дело № 244, постановл. 23/IX—18 г.
[5] Дело № 154, л. 156.
[6] Из доклада зав. уземотделом на Липецком уездном земельном с'езде ... тября 1917 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕЧАТКИ И НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Напечатано:		Должно быть:
См. статьи: Н. Карышева,—„Крестьянская надельная аренда в 1892 г.“ и т. д.	Стр. 13, сноска	См. статьи: Н. Карышева „Крестьянские вненадельные аренды“. 1892 г. и т. д.
в мае 326	Стр. 83, 13 строка сверху	в мае 236
. . . формы—28,8%	Стр. 90, 23-я строка	. . . формы—28,9
и захваты имений целиком—57,1% . . .	Там-же 19-я строка	и захваты имений целиком—57,0 . . .
1 Граве.—„К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны“, 1926, стр. 318	Стр. 122, сноска	Всю сноску со знаком 2) перенести на стр. 121. Вместо этой сноски читать: С. Мазуренко.—„Крестьянство в 1917 г.“ жур. „Пути Революции“, № 1 (10), 1927 г.
. . . „21 ноября“	Стр. 136—в сноске	. . . „21 сентября“
. . . должна быть составлена . . .	Стр. 143, 5-я строка снизу	. . . должна быть оставлена.
“ . . . № 1917 г.	Там же сноска 8 я	“ . . . № 129, 1917 г.
По продовольственному опросу . . .	Стр. 148, 1-я строка сверху	По продовольственному вопросу . . .
. . . от 11 мая 1917 г. . .	Стр. 149, 13-я строка сверху	от 11 июля 1917 г. . . .
. . . от 2 августа 1927 г. . . .	Стр. 162, в сноске 3-й	. . . от 2 августа 1917 г. . . .
. . . которые позволяют судить как о количественном нарастании, так . . .	Стр. 169, 13-я строка снизу	. . . которые позволяют судить как о количественном нарастании движения, так . . .
	Стр. 177 в графике № 4	
пропущен заголовок первого квадрата—„Против помещиков“		
Рассматривая вышеприводимую таблицу . . .	Стр. 204, 2-я строка снизу	Рассматривая нижеприводимую таблицу . . .
. . . Форма землевладения соответствовала формам организации землепользования	Стр. 210, 3-я строка снизу	Форма организации землепользования соответствовала формам землевладения . . .
— 110 —	Стр. 212 в таблице в итоге абсолютных данных	— 111 —
50 12,7 14,5 88,8 12,0 0,0	Там-же в графе: В %	49,5 12,6 14,4 87,3 11,7 0,9
(см. таблицу на стр. 222)	Стр. 220, 10-я строка сверху	(см. таблицу на стр. 221.)
. . . в каждой посевной группе	Там-же, 8 строка снизу	. . . в каждой посевной группе (см. таблицу на стр. 222)
111 13 17 16 62 3	Стр. 225, в таблице в итоге	В абсол. числах 111 13 17 16 62 3 в % 100 11,7 15,3 14,4 55,9 2,7

